

М. Д. АМИРХАНИЯН

**РУССКАЯ
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА
и
ГЕНОЦИД
АРМЯН**

ЕРЕВАН «АЙАСТАН» 1988

ББК 83.3Р
А 620

Рекомендовано к изданию кафедрой русской и зарубежной литературы Армянского госпединститута им. Х. Абовяна.

Научный редактор — доктор исторических наук Р. Г. СААКЯН.

А $\frac{4603020101}{701(01) - 88}$ **61—88**

ББК 83.3Р

ISBN—5—540—00064—1

© Издательство «Айастан», 1988

К ЧИТАТЕЛЮ

Начало общения между русскими и армянами восходит к глубокой древности. В XI веке после длительной борьбы с византийцами (1041—1045 гг.), затем турками-сельджуками (1048, 1049, 1054, 1064, 1071 гг.) армянский народ лишился самостоятельности. Пала столица Армении—город Ани. Страна потеряла независимость¹. Эти события вынудили многих армян искать убежище в других странах. Так, еще в XI веке в Киевской Руси возникло первое армянское поселение. В это же время армяне поселялись в столице Волжско-Болгарского государства—Болгаре, затем в Крыму и Польше. А со временем армянские поселения, переросшие в дальнейшем в колонии, стали возникать в русеяих городах—Москве, Моздоке, Астрахани, Новгороде, Петербурге и других местах².

¹ См.: История армянского народа с древнейших времен до наших дней. Под ред. М. Нерсисяна. Ереван, 1980, с. 127, 139—140.

² См.: Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956; Меликсет-Бек Л. М. Древняя Русь и армяне. — «Сборник трудов Института языка АН Арм. ССР», т. I, Ереван, 1946 г.;

Имея глубокие истоки, многогранные русско-армянские отношения получали свое развитие на протяжении многих веков. Поселяясь в России, армяне избавлялись от физической тирании, приобретали относительно более благоприятные условия жизни и развития. Завоевали признание армянские промышленники, живописцы, торговцы, ремесленники, медики, полководцы русской армии. Со временем русское государство разрешало поселянам строить церкви, фабрики, заниматься торговлей¹. Жизнь в армянских колониях текла в русле окружающей среды, с сохранением, естественно, национальных традиций.

Так зарождались ростки дружбы между двумя народами, которая потом принесла армянам спасение от физического истребления, дала возможность обрести свое место в государственном и культурном строительстве России и нашла яркое отображение в поступательно развивающейся русской историографии, различной документальной и

Его же: Из истории армяно-русских отношений—«Известия АН Арм. ССР», Обществ. науки, 1954, № 4; Восканян В. К. Древняя Русь и Украина в судьбах армян.—Сб.: Исторические связи и дружба украинского и армянского народов. Ереван, 1961; Хачикян Л. С. Новые материалы о древней армянской колонии в Киеве. — Там же.

¹ См.: Арешян С. Г. Армянская печать и царская цензура. Ереван, 1957, с. 9—18; Юхт А. Ю. Армянская колония в Астрахани в первой половине XVIII в., Ереван, 1959. Григорьян К. Н. Из истории русско-армянских литературных и культурных отношений (X—начало XX века). Ереван, 1974.

художественной литературе, публицистике, многих жанрах материальной и духовной культуры.

Неоднократные и разносторонние сообщения о контактах двух народов встречаются в различных дошедших до нас сочинениях путешественников, писателей, историков. Это труд «Обозрение истории армянского народа от начала бытия его до возрождения армянской области в Российской империи» (ч. I, М., 1832; ч. II, 1833) С. Глинки; «Альманах. Россия и Азия. Историко-литературный сборник по географии, истории и литературе армянского народа» (1899) в составлении и переводе приват-доцента Киевского университета А. Грена; многочисленные сборники документального, этнографического и справочного характера, большое количество разножанровых материалов периодических изданий, полотна русских художников: М. М. Иванова «Остатки крепости Анталя при реке Лори в Великой Армении» (1782), «Развалины города Ани» (1783); А. Г. Ухтомского «Вид Эчмиадзина» (1805); В. И. Машкова «Базальтовые горы в Сомхети (Армения)» (1828); «Переселение 40.000 армян в Российские пределы...» (1828), гравюра 1832 г.; Г. С. Сергеева «Вид города Еревана близ горы Арарат при реке Занге», а также гравюра Петрова по этой картине (1796); около сорока картин и рисунков Г. Г.

¹ Картины хранятся в фондах Государственного Русского музея в Ленинграде.

Гагарина, хранящихся в Государственной картинной галерее Армении¹ и т. д., привлечение армянских мастеров, художников и ремесленников к архитектурно-строительным работам в России, начиная с времен Киевской Руси, широкое участие армянских купцов и промышленников в развитии торговли и промышленности России. Все это является свидетельством добрых взаимоотношений русских и армян и имеет огромное культурно-историческое и общественно-политическое значение в межнациональных двусторонних отношениях.

Таким образом, взаимоотношения русских и армян на протяжении многих столетий складывались в обстановке добрососедства и доброжелательности.

Вместе с тем судьба армянского народа полна самых тяжелых драматических событий. «Кто не знает трагического, кошмарного прошлого этого народа! Находившаяся на рубеже двух миров, двух стран света—Европы и Азии, бывшая некогда одной из могущественных стран древнего Востока, Армения была ареной бесконечных битв и нашествий. Одних завоевателей сменяли другие. Смерчем и ураганом проносились над страной гунны, персы, римляне, арабы, византийцы, сельджуки, монголы, османы. Едва народ успевал одоманиться от одной опустошительной грозы, как на-

¹ См.: Григорьян К. Н. Армения в русской литературе и живописи XVIII — первой половины XIX в. Ереван, 1962.

двигалась новая. И снова разрушались села и города, разрушалась культура, гибли трудящиеся армяне...»¹.

В 1639 г. Армения была окончательно разделена между султанской Турцией и шахским Ираном: Западная Армения отошла к Турции, Восточная—к Ирану. «В истории армянского народа наступили самые мрачные времена»²,—писала «Правда» в передовой статье по случаю 15-ой годовщины установления Советской власти в Армении, когда армянский народ в братской семье активно строил свое будущее в дружбе и с помощью великого русского народа.

Исторически судьба армянского народа сложилась так, что в одном случае он встречал доброе расположение и сочувствие, в другом—переживал гонения и избиения. И в этих, благоприятных, с одной стороны, и трагических, с другой, условиях жизнестойкая сила армянского народа находила самоутверждение и развитие.

Армянский народ, по словам В. Я. Брюсова, «при всех превратностях судьбы... за тысячелетия своей исторической жизни создал самостоятельную культуру, внес свой вклад в науку и оставил миру богатейшую литературу»³.

¹ «Правда», 1935, 28 ноября.

² Там же.

³ Брюсов В. Я. Летопись исторических судеб армянского народа. М., 1918, с. 9.

Многогранная жизнь армян находила отображение в художественной литературе как русской, так и других народов.

В силу своего характера русская художественная литература, наряду с разносторонним отображением русской действительности, истари уделяла много места инонациональной теме. Она с давних пор стала отображать английскую, немецкую, шведскую, горскую, татарскую, грузинскую, армянскую и пр. действительности. Это один из компонентов ее гуманистического, а затем и интернационального характера. Русская литература не формально описывала в художественном слове факты инонациональной действительности, а вникала в суть событий, одобряла или осуждала отображаемое. И первостепенная роль в этом принадлежала и принадлежит художественной публицистике, которая, идя в ногу со временем, первой откликается на животрепещущие события, а зачастую, опережая их, указывает пути разрешения проблем.

Русская художественная литература в силу исторических судеб, контактов и взаимоотношений двух народов довольно много места уделяла отображению армянской действительности, изучение которой, безусловно, активно содействует более глубокому и широкому раскрытию многовековых и разносторонних взаимоотношений русских и армян и представляет значительный не только научный и практический, но и политический интерес.

«Чем лучше мы будем знать прошлое, тем легче, тем более глубоко и радостно поймем великое значение творимого нами настоящего»¹, — писал М. Горький.

В русской художественной литературе получили отображение исторические судьбы армянского народа, вопросы науки, духовной культуры и просвещения, социальные проблемы, природа Армении и т. д. Широкое и правдивое воплощение получила и самая черная и трагическая страница трехтысячелетней истории армянского народа — геноцид армян в Османской империи. Эта проблема обстоятельно освещалась в исследованиях ученых и деятелей культуры многих стран и народов в историческом плане. О геноциде армян писали и пишут историки, писатели, деятели науки и культуры, публицисты России, Франции, Германии, Англии, США, Швейцарии, Италии и многих других стран, писали люди-очевидцы кровавой трагедии².

Мы отметим лишь две книги, изданные в Советской Армении в последние годы. Это названный сборник документов «Геноцид армян в Османской империи», содержащий на 704 страницах 267 до-

Горький М. Полн. собр. соч. в 30-ти т., т. 27, М., 1953, с. 342.

² См. библиографию в сб.: Геноцид армян в Османской империи. Сост. М. Г. Нерсисян, Р. Г. Саакян; Под ред. М. Нерсисяна, II доп. издание, Ереван, 1982, с. 618—653. В дальнейшем — Геноцид армян...

кументов—«официальных рапортов, докладов и писем консулов, послов, министров и других высокопоставленных чинов разных государств». Эти документы свидетельствуют о кровавой тирании над армянами в 1876—1920 гг. «Это чудовищное злодеяние партии младотурок (партии «Иттихад ве Тераки»),—пишет в предисловии к сборнику академик АН Арм. ССР М. Нерсисян,—было кульминацией той гнусной практики физического уничтожения армян в Турции, которую начал жестокий и коварный тиран султан Абдул-Хамид еще в последней четверти XIX в.»¹. Султан Абдул-Хамид известен и как активный погромщик болгарского, македонского, арабского и армянского освободительных движений².

В сборник включены леденящие душу достоверные материалы, правдиво отображающие страшные по накалу и методам картины массового уничтожения армян в Турции.

Мы не задаемся целью характеризовать материалы сборника. Они красноречиво говорят сами за себя и в комментариях не нуждаются. Лишь укажем, что в защиту армян выступали многие должностные лица, ученые, известные общественные деятели. В их числе видный деятель международного социалистического движения, известный

¹ Геноцид армян., с. III.

² См.: Армянская советская энциклопедия. Т. I. Ереван, 1974, с. 19.

французский публицист, основатель газеты «Юманите» Жан Жорес и русский ученый, юрист, историк и социолог Максим Ковалевский, крупнейший английский буржуазный историк Арнольд Джозеф Тойнби и русский поэт и литературовед Юрий Веселовский, ирландский журналист и ученый Эмиль Диллон и Сергей Миронович Киров, великий французский писатель Анатоль Франс и выдающийся русский поэт и ученый Валерий Брюсов, один из вождей немецкого рабочего класса Карл Либкнехт и английский государственный деятель Джеймс Брайс, великий норвежский ученый и общественный деятель Фритьоф Нансен и Максим Горький и многие, многие другие.

Обращают на себя внимание документы сборника «Информация о судебном процессе над лидерами младотурок в 1919 г.» и «Приговоры судебных процессов над виновниками депортации и убийств в вилайетах Трапезунда и Харберда»¹.

Заметим, что судебный процесс над главными виновниками геноцида армян длился около полугода. Военный трибунал состоял из 5 судей турецкой национальности под председательством генерала Фарика Мустафы Назыма-паши, членов суда: бригадного генерала Зеки-паши, бригадного генерала Мустафы-паши, бригадного генерала Али Назыма-паши, полковника Реджиба Ферди-бея.

¹ Геноцид армян., с. 557—575. Оба материала даны в переводе с французского.

6 июля 1919 г. в г. Стамбуле трибунал вынес решение: «За вовлечение Турции в мировую войну и организацию массовой депортации и резни армян заочно приговорить к смертной казни главных преступников—великого визиря и министра внутренних дел Талаата, военного министра Энвера, морского министра Джемала, министра просвещения и генерального секретаря младотурецкой партии доктора Назыма»¹.

Материалы судебного процесса нами выделены в ответ на нередко раздающиеся в Турции голоса о том, что никакого геноцида армян якобы не было, а шла война, и потери были двусторонние, что турки также имели много жертв и т. д. Тогда для чего же состоялся судебный процесс, организованный самими турками? Кого судили и за что приговорили к смертной казни бывших высокопоставленных должностных лиц?

Что касается потерь Турции на фронтах первой мировой войны, то следует указать, что в отличие от России (2 млн. 300 тыс.), Германии (2 млн.), Австро-Венгрии (1 млн. 440 тыс.)² и др. Турция потеряла убитыми 550 тыс.³. Но зато внутри страны турки уничтожили более 1,5 млн. армян. Это не вошло в число потерь. «За рамками статистики остались многочисленные жертвы войны среди миллионных масс беженцев, физиче-

¹ Геноцид армян..., с. 614.

² Всемирная история, т. 7. М., 1961, с. 99.

³ Мировая война в цифрах. М.-Л., 1934, с. 22.

ски истребленных национальных меньшинств (например, на Балканах и в Турции)»¹.

А совсем недавно Европейский парламент признал трагические события 1915 г. как геноцид армян в Османской империи и призвал страны ЕЭС учредить День памяти жертв геноцида².

Другая книга, которую хочется упомянуть, это фундаментальный труд Дж. Киракосяна «Младотурки перед судом истории»³. В монографии исследуется зарождение и развитие младотурецкого движения, рассматривается деятельность младотурок с 1908 по 1918 гг., раскрывается их пагубная роль в судьбе армянского народа и роль России в спасении армян от физического истребления.

Исследование Дж. Киракосяна написано убедительно, в логической последовательности аналитического освещения событий с привлечением огромного фактографического материала. Библиография книги насчитывает 585 источников на армянском, русском, английском, французском, немецком, турецком и др. языках. Это свидетельствует об актуальности проблемы во все времена, мировом общественном резонансе геноцида армян в Османской империи.

Мировая война в цифрах, с. 20

² См.: «Европарламент о геноциде армян». «Коммунист», 1987, 23 июня, № 148.

³ Киракосян Дж. Младотурки перед судом истории. Ереван, 1986, 480 с. В дальнейшем: Киракосян Дж. Младотурки...

Дж. Киракосян задался целью показать эволюцию политики младотурок, начиная от их стремления ассимилировать нетурецкие народы империи до «открытого подавления национальных устремлений этих народов грубой силой». И жертвой этой политики стали прежде всего армяне. «При Абдул-Хамиде II в 90-х годах XIX столетия было положено начало осуществлению политики массового истребления армян»¹, — пишет Дж. Киракосян.

Чем же объясняется такое отношение Абрул-Хамида к христианским народам, к армянам?

Дж. Киракосян приводит в своей книге мнение американца Эдвина Пирса о причинах, побудивших султана Абдул-Хамида к злодеяниям 1894—1897 гг. Эд. Пирс такой образ действий приписывает прежде всего мусульманскому убеждению, что мусульмане, мол, наделены всемогущим правом господствовать над христианами и угнетать их. Затем указывается то важное обстоятельство, что армяне сумели сосредоточить в своих руках рычаги экономики. Это обуславливалось большей частью тем, что в области землевладения и государственного управления они не пользовались широкими правами. Отмечая рвение армян к образованию и достигнутые высокие результаты в этой области, автор заключает, что они уже сознавали необходимость национальной самостоятельности и освобождения. Эд. Пирс не отрицает так-

¹ Киракосян Дж. Младотурки..., с. 9.

же роль армянских революционных организаций в России и США, деятельность которых была направлена против господства Абдул-Хамида. «Деятельность этих организаций,—отмечает Пирс,—послужила Абдул-Хамиду поводом для организации резни»¹.

А каково было отношение свергнувших Абдул-Хамида младотурок к армянам? «Пришедшая в 1908 г. к власти младотурецкая партия «Единение и прогресс»,—пишет Дж. Киракосян,—руководствуясь программой насильственной туркизации страны, подготовила и осуществила в годы первой мировой войны всеобъемлющую программу истребления армянского населения Османской империи»². Эта мысль Дж. Киракосяна базируется, пожалуй, на утверждении Фритьофа Нансена о том, что «...программой младотурок было создание некоей «Великой Турции» с турецким языком и исключительно с турецкой администрацией; даже арабы должны были быть отстранены от общественных дел. Что же касается христиан, в особенности армян, то следовало заставить их навеки замолчать...»³.

Со своей стороны армяне, пережившие горькую участь истребления при Абдул-Хамиде, совсем иначе отнеслись к младотуркам. Сотрудник евро-

¹ Киракосян Дж. Младотурки., с. 42.

² Там же, с. 9.

³ Геноцид армян., с. 584.

пейской и американской прессы по турецкому вопросу, автор ряда исследований («Основание Оттоманской империи», «Новая карта Европы»), доктор философии Герберт Адамс Гиббонс в своей книге «Последние избиения в Армении» пишет, что «никто во всей Империи не приветствовал так сердечно введение конституционного режима, никто не оказал младотуркам такой преданной поддержки, как именно армяне. Их единственной ошибкой в течение первых девяти месяцев конституционного режима была искренняя радость и трогательная вера, которую они слишком открыто высказывали. Они верили в искренность переворота и выражали свое восторженное сочувствие новому режиму. Они верили в младотурок до тех пор, пока сами младотурки не разбили эту веру»¹.

Таким образом, краткое ознакомление с материалами рассмотренных выше книг создает удручающее впечатление о положении армян в Турции.

В таких условиях младотурки последовательно строили свои планы истребления армян. Американский посол в Турции Генри Моргентхау указывает, что «истинной целью Энвера и Таллата было уничтожение армян»². А выдающийся немецкий ученый-востоковед Иозеф Маркварт о плане истребления армян пишет, что комитет «Единение и

¹ Герберт Адамс Гиббонс., Последние избиения в Армении. Факты и ответственности. Пг., 1916, с. 18.

² Геноцид армян., с. 551.

прогресс» в 1910 г. на съезде в Солониках «принял секретное решение, которое вело к созданию в Османской империи национального единения турок путем вытеснения инородных элементов, т. е. христиан..., организации уничтожения христиан на Востоке, главным образом армян»¹.

О тяжелом положении подвластных Османской империи народов пишет и советский турколог А. С. Тверитинова. Она подчеркивает, что «турецкие нашествия сопровождались жестоким разорением городов и сел, разграблением материальных и культурных ценностей, угоном в рабство сотен тысяч мирных жителей. Они были для балканских, кавказских, арабских и других народов, подпавших под турецкое иго, исторической катастрофой, надолго задержавшей прогресс их экономического и культурного развития»².

Постоянные притеснения, набеги, войны и грабежи изнуряли армянский народ. «Первый шаг к осуществлению плана истребления армян заключался в том, чтобы систематически разорять народ»³, — пишет Диллон. «В 1890 г., — продолжает ученый, — старшина деревни Одантджюр в Буланике, по имени Абдал, был богатым человеком по понятиям, господствующим в этой местности. У него было 50 буйволов, 80 быков, 600 овец, не счи-

¹ Геноцид армян..., с. 577—578.

² Всемирная история, т. 4, М., 1958, с. 544.

³ Диллон Эм. и Грин Фр. Положение дел в Турецкой Армении и турецкие зверства в Сасуне. М., 1896, с. 7.

тая лошадей и прочего. Женщины его семьи носили золотые украшения в волосах и на груди и он платил 50 ф. стерлингов в казначейство. Это было в 1890 г. В 1894 г. он был бедным поселянином, хорошо знакомым с нуждой и подвергавшимся голодной смерти»¹.

А если к этому добавить еще и то, что турки мастерски настраивали и использовали исповедовавших ислам курдов против христианских народов, особенно против армян, то станет очевидным трагическое положение армянского народа в конце XIX — начале XX вв.

Все это исходило из политики отуречивания всех христианских народов, проживающих в Турции, которая во времена Османской империи была не новой. Еще султан Селим I (1469—1524) был активным сторонником исламизации всех народов Турции². Эта политика получила развитие при султанах Абдул-Хамиде и во времена правления младотурок. Что, собственно, и явилось одной из главных причин геноцида армян³.

Политика исламизации опиралась, безусловно, на постулаты Корана. По определению Маркса, «Коран и основанное на нем мусульманское законодательство сводят географию и этнографию

¹ Диллон Эм. и Грин Фр. Положение дел в Турецкой Армении и турецкие зверства в Сасуне, с. 9.

² Симосян Г. Р. Идеология и политика турецкой национальной буржуазии. Ереван, 1986, с. 96 (на арм. яз.).

³ Там же, с. 58—216.

различных народов к простой формуле деления их на две страны и две нации: правоверных и неверных. Неверный—это харби, враг. Ислам ставит неверных вне закона и создает состояние непрерывной вражды между мусульманами и неверными»¹.

Думается, в этом постулате Корана кроется чело­веко­нена­ви­ст­ни­че­ство турок к христианским народам, к армянам.

Разрабатывая и развивая свою политику в шовинистическом русле, младотурки «пытались укрепить в людях умонастроение, будто Османская империя едина и неделима, в ней нет различных народов, а есть только одна османская нация. Таким путем они намеревались принудить нетурецкие народы примириться со своей участью»².

Руководство партии младотурок провело в конце 1914 — начале 1915 гг. ряд тайных совеща­ний по вопросу депортации и массовой резни армян. Их депортировали с исконных земель Западной Армении, пограничных с Рос­сией тер­ри­то­рий в глубь страны, чтобы якобы лишить Россию во время войны поддержки армянского народа, а на самом деле—уничтожить его в пути.

«Оттоманское правительство систематически проводило в жизнь план более адский, чем самая ужасная резня,—пишет Гиббонс.—По всей Малой Азии были разосланы приказы о выселении в Ме-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 10, с. 167.

² Киракосян Дж. Младотурки... с. 114.

сопотамию всего армянского населения. Приказы были вполне определенные и очень подробные. Ни одна деревушка не была забыта. Глашатаи выкрикивали приказания всем армянам, к такому-то часу быть готовыми к отбытию по неизвестному назначению. Исключений не делалось ни больным, ни старым, ни беременным женщинам»¹.

В армянском вопросе младотурки фактически продолжали и развивали политику Абдул-Хамида. «Блистательная Порта,—пишет Эм. Диллон,— в 1891 г. решила очистить пограничные с Россией области от христианского населения, чтобы в случае войны не было с их стороны враждебности.

План был следующим: ...вытеснить армян с пограничных земель, как, напр., Алашкерт, и заменить их магометанами, чтобы число их во всех пяти провинциях было сокращено до таких размеров, при которых исчезла бы надобность в специальных реформах для армянского населения и чтобы в случае войны курды действовали как противовес казакам»².

Более того, с депортацией армян отпадала необходимость исполнения требований 61 статьи Берлинского договора 1878 г.

На одном из совещаний, проходившем под председательством министра внутренних дел Та-

¹ Гиббонс Г. А. Последние изгнания в Армении, с. 13—14.

² Диллон Эм. и Грин Фр. Положение дел в Турецкой Армении..., с. 6.

лаата, было поручено ярым шовинистам доктору Назыму, доктору Бехаэддину Шакиру и министру просвещения Шюкри практически реализовать план уничтожения целого народа.

В своем выступлении доктор Назым сформулировал в шести пунктах план осуществления геноцида армян:

а) ликвидацией армян, являющихся предметом армянского вопроса, раз и навсегда был бы разрешен армянский вопрос;

б) Османское государство избавилось бы от забот международной и внутренней политики, связанных с этим вопросом;

в) уничтожив армян, турки избавились бы от их экономической конкуренции и получили бы широкую область деятельности;

г) Османское государство и турки завладели бы достоянием армян;

д) вся Анатолия превратилась бы в однородную страну, населенную турками;

е) устранением самого большого препятствия—армянского народа—будет проложен путь к «великому идеалу—всеобщему турану», к которому «мы стремимся всей своей сущностью»¹.

(Далее Назым подчеркнул, что «все должно быть предано забвению, и мы сумеем возвратить к международной жизни более блестящее, чем рань-

¹ Цит. по: Киракосян Дж. Западная Армения в годы первой мировой войны. Ереван, 1971, с. 253.

ше положение, потому что наша сила будет умножена. Только эта сила и учитывается в жизни»¹.

Выступили и другие главари младотурок. В частности, Джавид изрек, что «уничтожение армян, всех до единого, насколько необходимо для нашей национальной политики, настолько же важно для создания экономического господства турок»².

На этом совещании было принято решение: «без всякой пощады убивать всех от одного месяца до девяноста лет, но следить за тем, чтобы это побоище не происходило в городах и в присутствии народа»³.

Не из этого ли решения вытекал приказ военного министра Энвера от 27 февраля 1915 г., в котором было записано: «Имперское правительство издало приказ об истреблении всей армянской нации. В отношении их должны быть проведены следующие операции:

1. Всех армян страны, являющихся оттоманскими подданными, старше пяти лет, вывести из городов и уничтожить.

2. Всех армян, служащих в имперских армиях, не нарушая обычного распорядка, отделить от своих дивизий, увести в уединённые места — подалее от посторонних глаз — и расстрелять.

¹ Киракосян Дж. Западная Армения в годы первой мировой войны. Ереван, 1971, с. 253.

² Там же.

³ Там же.

3. Состоящих на военной службе армянских офицеров взять под стражу в их полках до поступления дальнейших распоряжений»¹.

До чего должно было дойти человеконенавистничество, чтобы уничтожение многомиллионного народа возвести в ранг государственной политики! Причем не только убить всех армян, но и предать забвению!

В силу своей националистической ограниченности и шовинизма турецкие палачи не учли, что в истории человечества есть события, которые не могут быть преданы забвению. Это и убийство Нероном своей матери, и убийство своего сына Иваном Грозным, и варварское убийство Грибоедова, и предательское убийство Пушкина и т. д. и т. п.

Если бы организаторы геноцида армян на мгновение представили себя на месте репрессируемых христианских народов, армян, возможно, это отрезвило бы их. Но, увы!

Невольно возникает вопрос: может, действительно армяне враждебно относились к туркам или приносили вред государству и народу Турции, и поэтому предпринимались для их «усмирения» столь жестокие меры? Ничего подобного не было и не могло быть. Наоборот, проживание армян на своей родине под владычеством Турции, как пока-

¹ Киракосян Дж. Западная Армения в годы первой мировой войны, с. 258—259.

зывают исследователи, было выгодно и необходимо и политически, и экономически для самих же турок. «Сохранение армянского элемента в Малой Азии необходимо и для собственного благосостояния турок,—утверждает Гиббонс.—Без поддержки армян турки не могут существовать ни политически, ни экономически как самостоятельная и независимая нация. Армянская резня служит яркой иллюстрацией к старой сказке, в которой глупец убил курицу, несшую ему золотые яйца. В своем жалком невежестве и дикой жажде крови турки подняли руку на тех, чье существование является необходимым условием процветания их собственной национальной и общественной жизни. Изъездив вдоль и поперек всю Турцию, вы не найдете ни одной благосостоятельной общины там, где нет армян.. Внутри страны армяне являются для турок прямо-таки необходимым условием существования»¹.

В 1908—1913 гг. Герберт Адамс Гиббонс обстоятельно изучил положение в этой стране. Он пишет, что «все случаи резни и выселения армян, одновременно имевшие место по всей Турции, можно считать результатом планомерного проведения в жизнь предписаний, выработанных в Константинополе. Нам приходится возложить всю ответственность за случившееся на членов турецкого правительства в Стамбуле. Очевидно, что избие-

¹ Гиббонс Г. А. Последние избиения в Армении, с. 24.

ние и выселение армян, непрерывно совершавшееся с апреля по ноябрь 1915 г., производилось по строго обдуманному кем-то плану, исполняемому по чьему-то приказу, в каких-то целях»¹.

Читатель должен знать, что во времена истребления армян не лучшую позицию заняли европейские государства. «В настоящее время,—пишет известный ирландский ученый Эмиль Диллон,—на расстоянии брошенного камня от иностранных консулов и миссионеров верноподданные армяне вешаются за ноги со связанными вместе волосами на голове и бороде, а тела их жгутся раскаленным железом и уродуются такими способами, о которых в Англии нельзя ни рассказать, ни дать понятия; при этом жены их в их присутствии подвергаются позору, а дочери на их глазах уводятся»².

Не возникло и в Турции движения протеста, как это бывало в других странах. Да и могло ли развиваться Сопротивление в стране глухого феодального уклада и глубокого религиозного фанатизма, в обществе, где правящая верхушка нагнала смертельный страх на самих турок и сделала их безропотными исполнителями своей жестокой воли? Хотя мы не исключаем, что в Турции были прогрессивные силы, но они, к сожалению, были

¹ Гиббонс Г. А. Последние избиения в Армении, с. 25—26.

² Диллон Эм. и Грин Фр. Положение дел в Турецкой Армении., с. 3.

раздроблены и малочислены. Ведь приговорили же сами турки, хоть и с большим опозданием, к смертной казни организаторов геноцида армян.

Немецкий консул Шойбнер-Рихтер 28 июля 1915 г. докладывал послу Вангенгейму: «Сам турецкий народ ни в какой мере не согласен с таким решением армянского вопроса и уже сейчас тяжело ощущает хозяйственную нужду, возникшую в этой части страны в результате изгнания армян»¹.

Исторические документы, художественные сочинения и очевидцы донесли до нас и редкие примеры, когда, подвергая себя смертельной опасности, отдельные лица турецкой национальности оказывали помощь армянам, укрывали их или предупреждали о готовящихся погромах.

В воспоминаниях американского посла в Турции Генри Моргентау читаем: «В последнюю неделю июня (1915 г.—М. А.) из Эрзрума были отправлены в изгнание последовательно несколько партий, и большинство этих людей было убито по дороге; их либо расстреляли, либо утопили. Мадам Зарун, пожилая, богатая леди, которая была сброшена в Евфрат, спаслась, уцепившись за подводный камень. Ей удалось добраться до берега, вернуться в Эрзрум и спрятаться там в доме своих друзей-турок (подчеркнуто мною.—М. А.). Она рассказала князю Аргутинскому, представителю

¹ См.: Геноцид армян ..., с. 295.

«Всероссийского союза городов» в Эрзруме, что не может вспомнить без содрогания, как сотни детей были заколоты штыками турок и брошены в воды Евфрата, и как мужчины и женщины, раздетые догола и связанные вместе по сотням, были расстреляны и сброшены в реку»¹.

Первый драгоман русского посольства в Константинополе с 1898 по 1914 гг. А. Мандельштам написал на французском языке основанный на огромном количестве фактов, свидетельских показаний, документов, собственных наблюдений и турецких источников фундаментальный труд «Судьба Оттоманской империи». Ознакомление с материалами книги требует поистине «железных» нервов.

В числе изощренных пыток, осуществляемых над армянами, А. Мандельштам называет «жестокое избивание палками, вырванные глаза, ногти и волосы; отпиленные или отрубленные носы, руки, ноги и другие части тела; прижигание каленым железом, подвешивание к потолку...». А губернатору Вана Джевдет-бею «принадлежит честь изобретения двух пыток: одна из них—это подковывание армянам ступней, как выючным животным..., другая — это пытка кошками, заключающаяся в том, что кошек вводили под одежду пытаемых и затем избивали животных, чтобы заставить их погружать свои зубы и когти во внутренности жертвы».

¹ Геноцид армян..., с. 551.

Вместе с тем А. Мандельштам пишет: «Справедливости ради нужно признать, что находились турецкие чиновники, отказавшиеся выполнять кровавые приказы из Константинополя и даже старавшиеся им противодействовать. Так, Рахми-бею, вали Смирны, Сулейману Назиф-бею, вали Багдада, Фанк-Али, губернатору Кютахии, удалось воспрепятствовать какой бы то ни было резне. Но подобная оппозиция, насколько мы знаем, увенчалась успехом лишь в этих трех случаях»¹.

Мы привели примеры из сочинения А. Мандельштама, чтобы еще раз показать, с одной стороны, объективность авторов, описавших геноцид армян, с другой—робкие шаги людей турецкой национальности, выступавших в защиту армян.

Нельзя не вспомнить и благородные поступки старца Рифаата Берекета из романа «Сорок дней Муса-дага» Франца Верфеля. Видный австрийский писатель создал свой исторический роман исключительно на документальном материале. Галерея мужских и женских образов борцов за свободу во главе с Габриелом Багратяном вобрала в себя типические национальные черты армянского народа. Вместе с тем Верфель показал действия и старика-турка преклонных лет, Рифаата Берекета, задавшегося целью помочь стоящему на грани катастрофы армянскому народу. Но тщетными были все его поиски и мучения.

¹ Цит. по: Геноцид армян ..., с. 504-505.

В семейном архиве моего коллеги, доцента Арама Барлезизяна сохранились записи его отца, 1890 г. рождения, в которых говорится, что он, Карапет Барлезизян, рано лишившись родителей, остался на попечении дяди (брата матери), который хотел обеспечить племяннику приличное будущее, дать какое-либо образование. С этой целью он обратился в 1914 г. к своему знакомому-турку, начальнику школы жандармерии, который по секрету не посоветовал молодому человеку определяться в школу и предупредил приятеля-армянина, чтобы он избрал что-либо другое, или лучше уехал, поскольку **наступают нехорошие времена**. Карапет Барлезизян уехал в Египет, отсюда во Францию, где добровольно вступил в Восточный (армянский) легион для борьбы против младотурок.

Соппротивление было и со стороны армян. Остались потомкам легендарные страницы героической обороны Вана, Муса-дага, Зейтуна, Сасуна, Урфы, Шапин-Караписара и др. Но, к сожалению, все это носило раздробленный характер.

Таков краткий очерк трагической судьбы армянского народа в конце XIX — начале XX вв.

Таким образом, оставив кровавый след в истории и преподав отвратительный урок каннибализма, ушло с арены поколение, совершившее геноцид армян в Османской империи. Но у этой боли нет срока давности. Важно и актуально сегодня, чтобы правительство Турции не позволяло

искажать, фальсифицировать факты и скрывать события прошлых лет, а извлекало бы из них уроки и объективно трактовало и ориентировало турецкий народ на миролюбие и добрососедские отношения. И хочется верить, что народ Турции, где и сейчас проживают армяне, больше никогда не допустит кровопролития, будет содействовать укреплению дружбы между народами как внутри, так и вне страны.

* * *

Сейчас, когда во многих странах ведется борьба за национальное раскрепощение, социальный прогресс и освобождение от империалистического порабощения, когда проливается кровь тысяч и тысяч безвинных людей, стремящихся к свободе, когда на семьдесят первом году советской власти произошли беспрецедентные варварские события в Сумганте, особую актуальность приобретает проблема геноцида армян. **В наш ядерный век материалы книги, думается, послужат еще одним призывом к бдительности в деле предотвращения кровопролития, общечеловеческой трагедии.**

В период, когда советский народ переживает новый этап широкой демократизации, нашедшей признание во всем мире, актуальность уроков истории несравненно возрастает. «Полнее сознавая прошедшее,—подчеркивал А. И. Герцен,—мы уясняем современное, глубже опускаясь в смысл былого, раскрываем смысл будущего».

В русской художественной литературе, в том числе и публицистике конца XIX — начала XX вв., проблема отображения Армении, проблема геноцида армян в целом изучается впервые.

Попытка ее всестороннего исследования вызвана:

а) отсутствием целостного труда, основанного на материале русской художественной литературы, в котором проявился не только гуманизм русского человека, но и его психология и отношение к судьбе и трагедии другого исторически поработанного и притесненного соседнего народа;

б) необходимостью ввести в научный оборот огромный арсенал литературно-художественных сочинений об Армении, ее духовной культуре и особенно о геноциде армян.

Значимость этих материалов повышается тем, что авторы выполняли не социальный заказ, а руководствуясь собственным мировоззрением, велением души, осуждали геноцид армян.

В первой главе книги кратко рассматриваются сочинения русской литературы, показывающие, как складывались взаимоотношения русских и армян, начиная с ранней поры (XII в.) и до последней четверти XIX в.

Во второй главе анализируется отображающий Армению литературно-художественный материал с привлечением официальных документов, показывающих возникновение «Армянского вопроса», избиения армян в конце XIX — начале XX вв.,

кратко рассмотрены некоторые моменты критического осмысления армянской духовной культуры.

Работа, естественно, не претендует на исчерпывающий охват материала, и тем не менее, рассмотренные в ней художественные сочинения русских авторов показывают каннибализм турецких главарей, сотворенный над армянским народом, и создают целостное представление о трагической судьбе армян Западной (Турецкой) Армении в конце XIX — начале XX вв.

**РУССКО-АРМЯНСКИЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА
XII—XIX вв.**

Выше мы вкратце отметили, как складывались взаимоотношения турок с армянами, бегло рассмотрели отдельные источники по этой проблеме.

Целью настоящей главы является краткое ознакомление читателя с некоторыми отображениями межнациональных взаимоотношений русских и армян в памятниках материальной и духовной культуры русского народа, начиная с ранней поры (XII в.) и до последней четверти XIX в. Мы попытались представить читателю различные воплощения в литературе о национальных обычаях, нравах, взаимоотношениях, исторических перипетиях, торговых и промышленных делах, духовной культуре, природе и многое другое, касающееся армянской действительности.

Одно из ранних¹ упоминаний об армянах

¹ Мы не касаемся упоминаний об армянах в более ранних памятниках. Они насыщены полемикой сугубо религиозного содержания. См.: «Слово святого Феодосия игумена Печерского монастыря», написанное в 1069 г.—(ТОДРЛ, т. II, М.-Л., 1935, с. 34—38, второй столбец); Еремин И. П. Литературное наследие Феодосия Печерского (ТОДРЛ, т. V, Л., 1947, с. 171, второй столбец); «Прення» Иларiona Меглинского (1114 г.)—(ПСРЛ, т. IX, с. 145—148).

встречается в Киево-Печерском патерике, в «Слове 27. О святом и блаженном Агапите безмездном врач», древнейшем летописном своде **«Повести временных лет»** (XII в.).

Автор рассказа монах Поликарп сообщает, что врачом Владимира Мономаха был «некий арменин родом и верою хитр бе врачеванию», который обладал фантастическими качествами лекаря. Он был так искусен, что, посмотрев на больного, как показывает Поликарп, определял степень тяжести болезни и предсказывал ее исход и даже мог якобы назвать день и час смерти больного.

В **«Путешествии иеродиакона Зосимы по Святой Земле в 1420 г.»** Армения упоминается в географическом смысле как нечто хорошо знакомое. А в **«Истории о Казанском царстве»** (XVI в.) автор пишет, что в почестях всенародной встречи царя вместе с представителями других народов принимали участие и армяне.

Значительнее и шире по информативности сведения встречаются в **«Хождении купца Василия Позднякова по святым местам Востока в 1558—1561 гг.»**, в котором автор, будучи в армянской церкви Воскресения Христова, обратил внимание не только на архитектуру памятника, но и описал процесс религиозного обряда. Одно из ранних сообщений отрывочных сведений об Эривани, о духовной культуре Армении, встречается в **«Хождении» Ф. Котова**. Рассказ автора занимателен и вы-

годно характеризует его, подчеркивает широту кругозора.

Более содержателен в отображении армянской действительности памятник паломнической литературы **«Житие и хождение в Иерусалим и Египед казанца Василия Яковлева Гагары. 1634—1637 гг.»** Его сообщения имеют большое познавательное значение, они изобилуют наблюдениями светского характера¹.

Первое русское художественное произведение на армянскую тему

В отличие от приведенных упоминаний об Армении и безымянно об армянах, в сказочной **«Повести о Бове Королевиче»** (XVI—XVII в.) место действия, действующие лица и время обозначены, описана жизнь в армянском царстве или вокруг него в определенный период времени.

«Повесть о Бове Королевиче» известна почти во всех европейских литературах, в ней причудливо соединились роскошь Востока и рафинированность Запада. Красавец Бова, бежав от преследования отчима и матери, попадает в армянское царство, где выдает себя королю Зензевею за сына пономаря и прачки. Зензевей определяет его главным конюхом. Прекрасная Дружневна, дочь Зензевея, пленилась красотой Бовы. Однако к

¹ Подробнее о вышеупомянутых памятниках см.: **Амирян М. Д.** Русская художественная публицистика об Армении. Ереван, 1984, с. 11—20.

Зензевею обращается король Задонского царства Маркобрун с просьбой выдать за него Дружневну, а в случае отказа грозитя сжечь его царство.

Армянский король встретил Маркобруна распростертыми объятиями и назвал его любимым зятем. Тем временем сорокатысячное войско Маркобруна расположилось возле армянского города. **Узнав об этом, Бова оседлал иноходца, взял в руки метлу и поскакал в стан Маркобруна. Он убил 15 тысяч человек из войска Маркобруна и по требованию Зензевея возвратился обратно. Устав от ратных дел, он лег почивать. Однако Маркобруну недолго пришлось наслаждаться гостеприимством Зензевея, поскольку в это время к армянскому царству подошло войско Рахленского царя Салтана Салтановича во главе с богатырем, его сыном Лукопером, который написал грамоту Зензевею Адаровичу с требованием выдать за него прекрасную Дружневну. В противном же случае он также грозитя сжечь царство и силой отнять дочь. Зензевей с Маркобруном поступили разумно: они объединили свои войска и выступили против него. Однако в бою победил Лукопер.**

Проснувшись, Бова услышал шум за городом, узнал обо всем происходящем, оседлал богатырского коня, который «стоял на двенадцати цепях и за двенадцатью дверьми», надел доспехи, признался Дружневне в том, что он сын короля Видона и королевы Милитрисы, дочери короля Кирбита Верзауловича, и перескочил через городскую

стену. В поле съехались два богатыря—Лукопер и Бова. Бова победил Лукопера и за пять дней и пять ночей разбил стотысячное войско противника. Затем, освободив из плена королей Зензевея Адаровича и Маркобруна, Бова возвратился на конюшню в царство Зензевея. Впоследствии он совершил еще ряд подвигов и всюду выходил победителем, женился на Дружневне, у них родились два сына-богатыря¹. Таково краткое содержание повести.

Это было, хотя и сказочное, первое целостное художественное произведение, в котором **основные** события разворачиваются в армянском царстве. Сюжет повести, естественно, не соответствует историческому прошлому, и действующие лица вымышлены. Тем не менее «Повесть» привлекала внимание к армянам и Армении. Любопытно, что «Повесть о Бове» пришла в Россию в переводе с итальянского на белорусский (XVI в.), а затем уже на русский язык (XVII в.). Она со временем вобрала в себя элементы русской сказки, сильно русифицировалась и знакомила читателя с Арменией, пусть и вымышленной. Ее сюжет в дальнейшем неоднократно использовался в литературе (А. Н. Радищев, А. С. Пушкин—об этом ниже). Для нас не менее важно другое: почему автор (на каком бы языке ни была создана «Повесть») описал события, ее действия в армянском царст-

¹ См.: Хрестоматия по древней русской литературе, с. 452—464.

ве или вокруг него и почему русский человек заинтересовался ею. Ведь в те далекие времена под рукой был десяток—другой отрывочных сообщений или упоминаний об Армении. А самым популярным источником, прямо или косвенно указывающим на эту страну, была Библия. И появление «Повести о Бове Королевиче» в русской среде указывает, в первую очередь, не только на интерес к Востоку, к Армении, но и на стремление русских к духовному самообогащению.

В XVIII в. в русской литературе упоминания об Армении заметно активизируются. Немалая роль в этом принадлежит Петру I, который принимал непосредственное участие в судьбах армян, оказывал им поддержку. В Указе от 2 марта 1711 г., в частности, он писал: «Армян, как возможно, приласкать и облегчить им участь, в чем пристойно, дабы тем подать охоту для большего их приезда»¹. А в Указе генерал-майору Кропотову он наказывал: «Учини им редкое воспоможение, понеже мы оный арменский народ в особливу нашу имперскую милость и протекцию приняли»².

Наметив широкую политическую и экономическую программу, он стремился заселить юг России христианскими народами, а также активно

¹ Полн. собр. законов, т. VII, Грамоты Петра I об армянах, с. 257.

² См.: Сборник актов, относящихся к обозрению истории армянского народа, ч. I, М., 1833, с. 165—166.

содействовал изучению этнографии, истории, экономики Армении и современного положения ее народа. Политика Петра I заметно способствовала расширению отображения инонациональной, в том числе армянской, темы в русской литературе. Развитие ориенталистики в России определялось государственными задачами. Наряду с экономической и политической проблемами это было важно и с научной точки зрения¹. В 1722 году Петр ос-

¹ См.: **Эзов Г. А.** Сношения Петра Великого с армянским народом. СПб., 1898; его же. Начало сношения Эчмиадзинского патриаршего престола с русским правительством. Тифлис, 1901.

Ряд обширных и ценных сведений из истории, этнографии, экономики, культуры, быта и религии армянского народа был представлен русскому читателю в различных источниках второй половины XVIII в. См.: **Иван Густав Гербер.** Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекой Курой народах и землях, и о их состоянии в 1728 г.— «Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие», 1760, кн. 3, июль, август, сентябрь; кн. 4, октябрь; **Путешествие Иоанна Лерхе,** продолжавшееся от 1733 по 1735 год из Москвы до Астрахани, а оттуда по странам, лежащим на западном берегу Каспийского моря.—«Новые ежемесячные сочинения», 1790 г., январь, февраль, март; Известия о втором путешествии доктора и коллежского советника Лерхе в Персию от 1745—1746 гг.—«Новые ежемесячные сочинения», 1790 г., июнь, июль, август; Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия г-на академика **И. А. Гильденштедта** через Россию и по Кавказским горам в 1770, 71, 72, 73 гг., СПб., 1809, с. 234—345. **Броневский С.** Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., ч. I, с. 77—83, 174—271.

мотрел обнаруженные ранее развалины города Болгара, где были найдены татарские и армянские надгробные надписи.

Тогда же он распорядился принять меры для сохранения памятника. Современник Петра I Ф. И. Соймонов пишет об этом: «Остатки города Болгара, ниже устья реки Камы на повосточной стороне реки Волги лежащие, возбудили в императоре, когда мимо ехал, любопытство, чтоб оные осмотреть. Он сожалел, что древние строения совсем разваливаются, о чем вспомнив в Астрахани, писал 2 июля Губернатору Казанскому, и велел немедленно послать туда несколько каменщиков для починки фундаментов у башен и чтоб впредь таким же образом и протчия старья строения починили. Губернатор получил же при том указ, чтоб велел списать находящиеся там татарские и армянские гробные надписи, коим полезным трудом истории онаго старого города несколько изъяснена, потому, что копии надписей остались в сохранении Казанской губернской канцелярии»¹.

¹ **Соймонов Ф. И.** Описание Каспийского моря и чиненных на оном Российских завоеваниях, яко часть истории Петра Великого, трудами тайного советника, губернатора Сибири и ордена святого Александра кавалера. Федора Ивановича Соймонова, выбранное из журнала Его превосходительства в бытность его службы морским офицером.—«Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах». СПб., 1763, март, с. 198.

Это—свидетельство проживания армян в г. Болгаре.

Таким образом, действия отдельных высокопоставленных лиц способствовали активизации деятельности армян на территории России.

Библейские сведения об Армении и русские былины

Сведения об Армении, хотя и отрывочные, неоднократно проникали в русскую действительность и через библейские источники. Ведь Библия подчас с ее полуисторическими свидетельствами, легендарными повествованиями, занимательными эпизодами и лирическими взлетами имела не только широкую популярность, но была, естественно, и «душеспасительным» чтением. Поэтому отрывочные упоминания об Армении в ней имеют особый смысл. Вот они:

«И остановился Ковчег в седьмом месяце, в семнадцатый день месяца, на горах Араратских»¹. В другом месте, когда ангел порастил в ассирийском стане сто восемьдесят пять тысяч человек, ассирийский царь Сеннахирим отступил от Иерусалима и жил в Ниневии. «И когда он поклонился в доме Нисхора, бога своего, то Адрамелех и Шрецер, сыновья его, убили его мечом, а сами

Библия, «Бытия», гл. VIII, ст. 4.

убежали в землю Араратскую»¹. И еще, пророк Иеремия призывает многие царства, в том числе и Араратские, принять участие в сокрушении Вавилона: «Поднимите знамя на земле, трубите трубою среди народов, вооружите против него народы, созовите на него царства Араратские, Минийские, и Аскеназские...»².

Легенда о Ноевом ковчеге, неоднократные упоминания о библейской горе Арарат и многое другое имели огромное значение и, безусловно, возбуждали интерес к Армении. Ведь Библия полностью была переведена на русский язык в 1499 году³. Ранее она переводилась на церковнославянский выборочно-аппрокосно для отправления богослужения. Из Библии нередко использовались сведения при создании фольклора. Так, в былинне «Илья Муромец и Святогор», созданной в XVI—XVII вв., дважды упоминается гора Арарат. В первом случае, когда Святогор, проснувшись от крика и неоднократных ударов Ильи, рассерженный, взял

...Илью да за желты кудри,
Положил Илью да он к себе в карман
Илью с лошадыю да богатырскою
И поехал он по святым горам,
По святым горам да Араратским.

¹ Библия, «Четвертая книга Царств», гл. XIX, ст. 37; то же в «Книге пророка Исаи», гл. I, ст. 38.

² Там же, «Иеремия», гл. I, ст. 38.

³ БСЭ. М., 1970, т. 3, с. 313.

Так Илья просидел в кармане Святогора три дня. Затем богатыри побратались.

И поехали они да не в чисто поле,
А поехали они да по святым горам,
По святым горам да Араратским.

Упоминание «Араратским» проникло в былины, естественно, из Библии. «Названия эти проникли в былины из житийной (религиозной) литературы»¹.

Кроме того, Библия указывала пути «к святой» земле русским путешественникам, проходившим через Армению, которые описывали ее в своих «Хождениях»: «Сие имя не может быть вам неизвестно., — пишет Аббат де ла Порт. — Об нем часто упоминается в священной и светской истории. Армения почитается за первую землю, населенную людьми, спасшимися от потопа. В ней еще и гораздо прежде были жители, если то правда, как утверждают некоторые писатели, то здесь находился земной рай. Но сколько раз переменили положение сего чудесного сада, что ничего о том верного сказать нельзя»². Эту мысль Аббата де ла Порты впервые узнал русский чи-

Русские народные былины. Сост. В. И. Чичеров. М. 1958, с. 45—48.

² Всемирный путешественник или познание старого и нового света, т. е. описание всех по сие время известных земель в четырех частях света изданное Аббатом де ла Порт, т. 2. СПб., 1781, с. 148.

татель из его «Писем» о странах Ближнего Востока, переведенных с французского и изданных на русском языке в 1781 году. «Письмо XIX» посвящено Армении, находившейся тогда под властью Персии¹. Оно начинается с того, что «Армения сама собой достойна, чтобы о ней знать. Она была театром великих происшествий и кровопролитных сражений и неоднократно управлялась собственными Царями, но которые худо умели защищать свои владения». Автор «Письма» вспоминает времена армянских царей Гайка, Ара Прекрасного, Тиграна Великого, рассказывает об обычаях, роде занятий, религии, культуре, природе Армении. Приводит сведения, которые могли заинтересовать читателя и стать поводом для ознакомления, изучения и посещения этой страны. Перевод и издание этой книги на русском языке является тому доказательством. В заключении «Письма XIX» читаем: «Армения есть страна плодоносная и вообще приятная. Воздух в ней здоровый, хотя несколько и густ... Земля повсюду приносит изобильно всякие плоды и все нужное к пропитанию и содержанию жителей... Дичины и рыбы также много, как плодов земных. Соседские народы хвалят много форелей и карпов из Эриванского озера. Одним словом, Армения есть наилучший

¹ В это время Армения была разделена на две части: большая была под властью Персии, меньшая под властью Турции.

округ в Азии, сей части света в старину столь изобильной, а ныне столь опустевшей, по крайней мере в том месте, которое почитается колыбелью рода человеческого».

Таким образом, упоминания об Армении в Библии, имеющей наибольшее распространение и влияние в русском обществе, проникали в поэтическое творчество народа и указывали пути к «святой» земле.

Армянские мотивы у «Екатерининских поэтов»

Во второй половине XVIII века в русской периодике публикуются материалы об Армении и научного характера. В 1762 г. в майском и июньском номерах «Полезного увеселения» была помещена работа штаб-офицера полевых полков, переводчика и писателя, автора многих прозаических сочинений, од и стихов, президента Петербургской академии наук **С. Г. Домашнева** «О стихотворстве». Эта работа была, по сути, первым опытом создания всеобщей истории поэзии народов. В разделе «Стихотворство армянское» автор пытается впервые на русском языке кратко охарактеризовать армянское стихосложение, его изменчивость и связи с поэзией других народов. «Стихотворство армянское,—пишет Домашнев,—переменилось в рассуждении перемены времен. Сперва оно имело совсем вкус Европейской, оно заимствовало свои приятности от естественной стройно-

сти сего языка: потом, потеряв сии благородные выражения, сии дивныя и поразительныя изображения, сии важныя мысли, переняло некоторые правила в сем искусстве от арапов, и сделалось примечательно в рассуждении только тех, кои в нем упражнялись, между коими считают Царей и Патриархов. Из первых же был Гайрон, владевший малою Арменией, который жил в третьем из десятиа веке. Оно рушилось с разрушением сего государства¹.

Поверхностные и скороспелые выводы автора стали основанием для этих неточных формулировок. Хотя заключения Домашнева, между прочим, и не могли создать какого-либо представления об армянском стихотворстве его высокой поэтичности, жизнеутверждающей силе, тем не менее такое обобщение в историко-литературном аспекте — факт любопытный.

Поэт XVIII века **Василий Петров**, автор многочисленных од и посланий, личный чтец Екатерины II, «позабыв» об абсолютистской политике императрицы, ее угнетении крестьян, воспел «благотворительность» и просветительные деяния Екатерины II. В 1770-х гг. императрица, продолжая начинания Петра I, предприняла добровольное переселение из Крыма армян, греков и других национальных меньшинств на юг России. На новых местах переселенцев нужно было, согласно ее

¹ «Полезное увеселение», 1762, май-июнь, с. 240.

указаниям, «обласкать», чтобы не только «перешедшие в пределы сохранены были, но и чтобы находящиеся за границей, видя их благоденствующих, к ним присоединились»¹. Специальной грамотой императрицы они освобождались от рекрутства, от уплаты государственных податей и повинностей сроком на десять лет. Им разрешалось свободно торговать как вне, так и внутри России, строить фабрики, заниматься промыслами и т. д.² Мероприятия Екатерины II осуществлялись через влиятельного государственного деятеля князя Г. А. Потемкина. Эти события легли в основу оды В. Петрова «Его светлости, князю Григорию Александровичу Потемкину» (1778), в которой восхваляются действия Потемкина в вопросах подчинения России южных областей, где он стремился создать города и подвести многие народы под «материнское крыло» Екатерины:

От ног прах Крыма отрясите,
Ей дань—дух чистый принесите!
Молдаванец, Арменин,
Индианин иль Эллин,
Иль черный Ефиоп,
Под коим бы кто небом,
На свет не произник—
Мать всех Екатерина!³

Собрания актов, СПб., 1833, ч. I, стр. 45—46.

² См.: **Нерсисян М. Г.**, А. В. Суворов и русско-армянские отношения. Ереван, 1981.

³ **Петров В.** Сочинения, изд. 2-е. СПб., 1811. ч. I, с. 181

В этом стихотворении В. Петров показывает «заботу» фаворита Екатерины Г. А. Потемкина о многих народах, явно намекает на переселение армян из Крыма к Азовскому морю и основание на Дону города Ново-Нахичевана, а в стихотворении «На кончину князя Григория Александровича Потемкина-Таврического», вместе с оценкой роли князя в деле переселения национальных меньшинств и их размещения, описана скорбь и печаль представителей многих народов, в том числе и армян, по поводу кончины князя:

Крушатся по тебе и малы, и велики,
Болезнуют свои и чуждые языки;
Молдаванец, Арменин и Влаха, и Галл, и Грек...

У другого русского писателя этого периода, **Василия Рубана**, издателя журналов «Ни то, ни се» и «Трудолюбивый муравей», личного секретаря Г. А. Потемкина, также встречаются упоминания об армянах. В стихотворении «Эпидикион или Надгробная песнь», посвященном князю Г. А. Потемкину-Таврическому, автор вместе с его «заслугами» в осуществлении политики Екатерины с документальной точностью описывает факты недавнего прошлого: для чего были переселены с других мест национальные меньшинства на юг России, о строительстве там армянами Ново-Нахичевана и важности принятого правительством политического и экономического акта:

Ты, тихий Дон, и вы, усть-Кальмиусски воды!
Из ваших влагу недр днесь новы пьют народы!
Нахичевань при том, Мариуполь при сих,
И множество еще селений и других;
Для удобрения полей и садоводства,
Художеств и ремесел, торгов и судоходства,
Род греков и армян из Крыма переведен
И при Миотиде в России заселен...¹

Таким образом, восхваляя Екатирину и ее приближенных, придворные поэты в своих, хотя и слабых в поэтическом отношении, стихах не прошли мимо и представителей других национальностей, в том числе и армян, на которых распространялась «благотворительность» императрицы.

«Армянское» в сочинениях В. Н. Татищева и А. Н. Радищева

Многочисленные упоминания об Армении встречаются в сочинениях известного русского историка XVIII в. **В. Н. Татищева**. В его «Истории Российской» утверждается о проживании армян в названном выше г. Болгаре. Еще в 1773 г. он подчеркивал, что «между ими же (Болгарами.—М. А.), значительно, было немало и армян; ибо в развалинах Богарда сысканы камни гробовые, подпись армянскую от Христа 557, 884, 886 имеющие, которые хранятся в Императорской Академии»².

¹ Русская поэзия XVIII в. Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1897, с. 356.

² Татищев В. Н. История Российская, т. 2, ч. 2, М.-Л., 1963, с. 230 (примечание 173).

Здесь уместно вспомнить убедительные рассуждения К. Н. Григорьяна о том, что «армяне, переселившись еще в XI веке в Крым и Поволжье, обосновались в крупных центрах, несли туда свою культуру. Армянские мастера-строители оставили значительный след в архитектурных памятниках приволжского края»¹. Примечательно, что утверждения Григорьяна базируются на анализе наблюдений известных историков М. И. Броссе, Б. Д. Грекова, А. Ю. Якубовского, А. П. Смирнова.

Продолжая мысль о Татищеве, следует сказать, что в его трудах неоднократно встречаются различные отрывочные упоминания об Армении и армянах². «В «Истории Российской» Татищева, в основе которой много летописного материала, читаем: «И прослы имя Александрово по всем странам от моря Варяжского до моря Понтийского, и до моря Хвалынского, и до страны Тиверейския, и до гор Араратских...»³ И еще: «Оскудеша ж цари гречески, и тако от тех стран армянских воцарися во грецех царь. Други же брат его воцарися во отечествии своем Армении. Бе же оба христиане, и цареградский и арменистий, еже есть аче-

¹ Григорьян К. Н. Из истории русско-армянских литературных и культурных отношений (X—начало XX вв.). Ерван, 1974, с. 32—34.

² См.: Татищев В. Н. История Российская, т. I, М.—Л., 1962, с. 136, 137, 142, 145, 166, 176, 180, 261; т. 5, с. 181.

³ Там же, с. 33.

мирский (Армянский.—М. А.) два брата сущи, един во гресех царствуя, а другой во Ачемии (Армении. — М. А.) царствуя»¹.

Ссылаясь на летопись Нестора в той ее части, где повествуется о том, как сыновья Ноя Сим, Хам и Афет делили Землю, Татищев приводит библейское упоминание Великой и Малой Армении: «Афету же досталась полносчная и западная страна, яко Мидна, Албания, Армения Малая и Великая»².

Весьма ценные сведения об Армении встречаются в сочинении В. Н. Татищева «Лексикон российской, исторической, географической, политической и гражданской» (СПб., 1793). Это трехчастный своего рода энциклопедический словарь. В нем под буквой «А» Татищев трижды сообщает сведения об Армении. В частности, он описывает гору Арарат, на вершине которой «Ноев ковчег остановился», пишет, что эту гору армяне «так высоко почитают, что при узрении оной, землю целуют». Около этой горы «есть монастырь Арменский, где главный Армянский Патриарх обитает». А «быстрая и немалая» река Аракс, по Татищеву, берет начало «при горе Арарат». Это утверждение историка ошибочно.

В разделе «Армяне или Армениане» Татищев пишет, что в «Персидской власти великая, а в Ту-

¹ Татищев В. Н. История Российская, т. I, с. 167.

² Там же, т. 2, ч. 2, с. 25.

рецкой—малая Армения». Об армянах он сообщает, что «они суть христиане, имеют Патриархов, главный в Араратском монастыре...». Татищев имеет в виду Эчмиадзинский кафедральный собор. Он пишет также, что турки устроили на армян «великое гонение», что в России армян много. Им «позволено явные церкви в Москве, Санкт-Петербурге, Астрахани и Кизляре иметь...»¹.

Таким образом, В. Н. Татищев «первым в русской исторической науке ввел в оборот относящиеся к Армении материалы, содержащиеся в русских летописях и литературных памятниках, дал к ним научные комментарии, привел в своем «Лексиконе» интересные данные об Армении, проявил интерес к армянскому языку, поставил в принципе вопрос о значении армянских источников для русской исторической науки. С именем Татищева связано возникновение многостороннего научного интереса к истории и культуре Армении в русской исторической и шире гуманитарной науке»². В работе Татищева это весьма важно и ценно.

¹ Татищев В. Н. Лексикон российской, исторической, географической, политической и гражданской. СПб., 1793, с. 51, 52, 61.

² Хачатрян Р. Г. Вопросы истории русско-армянских отношений в русской дворянской историографии XVIII века. Историко-филологический журнал АН Арм. ССР, 1977, № 2, с. 73.

Более того, утверждения Татищева хотя и отрывочны, но вполне достоверны. Действительно, в России армянам позволялось строить церкви, развивать торговлю, промышленность. Верно утверждение историка и о гонении армян в Турции—первопричине их расселения по многим странам. А встречающиеся в различных источниках XII—XVIII вв. разрозненные сообщения в совокупности накапливали немалую ценную информацию об Армении и, естественно, представляли определенный интерес. Вот почему увеличивающееся и расширяющееся отображение армянской действительности в русской литературе было вполне обосновано и закономерно. Кроме того, многие сюжеты уже известных сочинений служили поводом для создания новых произведений.

В 1798—1799 гг. Радищев вдохновился на создание богатырской повести «Бова» на сюжет вышеназванной «Повести о Бове Королевиче». В стихотворной повести Радищева время и действующие лица, в отличие от сказочной, конкретизированы. В ней упоминается Армения времен Тиграна Великого:

На Пегаса я воссевши,
Полечу в страны дальши,
В те я области обширны,
Что Понт черной облегают.
Протеку страны и веси,
Где стояло сильно царство

Славно древле Мифридата,
Где Тигран царил в Арменьи...¹

Естественно, Радищев в определенной мере был знаком с историей Армении. Он не мог упомянуть имени армянского царя Тиграна случайно, хотя действие в прозаическом тексте «сказочной «Повести...» и происходит в Армении. Ко времени написания «Бовы» Радищев, помимо текста самой «Повести...», мог знать и некоторые работы по истории Армении, в том числе и книгу армянского автора **Шаамира Шаамиряна** «Краткое историческое и географическое описание царства Армянского...», переведенную В. Вагановым (СПб., 1786): Ведь для создания художественного произведения нужна большая информация.

Среди многочисленных подписчиков на книгу Ш. Шаамиряна был друг и покровитель Радищева, президент камерц-коллегии граф А. В. Воронцов, подписавшийся на четыре экземпляра. Известно, что он в 90-е гг. XVIII в. регулярно снабжал сосланного Радищева книгами, журналами и газетами².

В книге Ш. Шаамиряна о Тигране II, между прочим, сказано, что он был «храбр и покорил ору-

¹ Радищев А. Н. Полн. собр. соч., т. 1, М.—Л., 1938. с. 30.

² См.: Акопян Э. А. Арменоведческие взгляды А. Н. Радищева и С. Н. Глинки.—В сб.: «Литературные связи», т. III. Ереван, 1981, с. 93—125.

жением своим многия соседния страны», что он царствовал 33 года¹. Думается, это и нашло отображение в приведенном отрывке из стихотворной повести Радищева. Кроме того, не исключено, что Радищеву были известны «Плач об Армении» Мовсеса Хоренаци, переведенный тем же Вагановым (СПб., 1786), а также повесть «Армянские князья» в переводе с французского, напечатанная в «Городской и деревенской библиотеке» за 1783 год и другие сочинения, которые, пожалуй, и дали возможность Радищеву несколько конкретизировать время и место действия.

Н. М. Карамзин и его армянские зарисовки

Многочисленны упоминания об Армении в русской разножанровой литературе XVIII века. Они зачастую сообщали хотя и отрывочные, но довольно конкретные и реальные сведения об Армении, ее духовной культуре. В этой связи небезынтересно сообщение **Н. М. Карамзина** в «Письмах русского путешественника» (1789—1790) о том, что еще при Людовике XIV в 1669 г. впервые во Франции употребление кофе ввел армянин. Карамзин пишет: «Некто Паскаль, Арменин, взду-

¹ **Шаамирян Ш.** Краткое историческое и географическое описание царства Армянского., СПб., 1786, с. 44—46.

мал завести кофейный дом, новость полюбилась, и Паскаль собрал довольно денег. Он умер и мода на кофе прошла, так что к его наследникам никто уже не ходил в гости»¹. Хотя ко времени пребывания Карамзина в Париже там уже «насчитывалось более 600 кофейных домов». Время возродило введенное когда-то новшество. Здесь же в «Письмах...» с особым сочувствием описывает Карамзин могилу армянского царя Левона VI в Париже: «В церкви целестинов... много картин и памятников, между прочими—монумент Леона, царя армянского, который будучи выгнан из земли своей турками, умер в Париже в 1393 году. Фруасар, современный историк, говорит об нем следующее: «Лишенный трона, сохранил он царские добродетели и еще прибавил к ним новую: великодушное терпение; с благодетелем своим Карлом VI обходился, как с другом, не забывая собственного царского сана, а смерть Леонова была достойна жизни его»².

¹ «Письма русского путешественника» были опубликованы в 1791—92 годах в издаваемом Н. Карамзиным «Московском журнале». Здесь цит. по: Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., Наука, 1984, с. 268.

² Карамзин Н. М. Письма русского путешественника, с. 282.

В 1375 г. под давлением мамелюков, арабов и сельджуков пала столица Киликийского армянского царства г. Сис. Последний царь Армении Левон VI с семьей был пленен и увезен в Египет. После неоднократного вмешательства европейских государств в течение многих лет Левону VI с

Эти отрывочные сведения показывают не только созерцательность автора (увидел—описал), но и подчеркивают интерес Карамзина к историческому прошлому Армении. Его сообщения об Армении значительно расширяются в многотомном труде «История государства Российского». В связи с различными историческими событиями во многих местах неоднократно в различных аспектах упоминается Армения, делаются ссылки на армянские источники, сообщается о завоеваниях Армении и т. д. Как человек науки, Карамзин собрал из различных источников, в том числе и русских летописей, большое количество материалов об Армении и использовал в своем труде. Так, в первой главе своей «Истории...» «О народах издревле обитавших в России. О славянах вообще» Карамзин пишет, что обитатели юго-восточной России аланы «не обрабатывали земли, не имели домов, возили жен и детей на колесницах, скитались по степям Азии даже до самой Индии северной, грабили Армению, Индию...»¹ Конкретизируя

большим трудом удалось высвободиться из плена. В 1384 г. он прибыл в Париж. Французский король Карл VI устроил ему торжественный прием. Левону VI был отведен один из королевских дворцов в Сен Оуэне, где прожил он до конца своих дней. См.: Микаелян Г. Г. История Киликийского армянского государства. Ереван, 1952, с. 475—491.

¹ Карамзин Н. История государства Российского, т. I. СПб., 1816, с. 13.

местоположение аланов, Карамзин, ссылается на «Историю Армении»¹ армянского историка V века Мовсеса Хоренаци, который «полагает алан близ Кавказа»². У Хоренаци Карамзин заметил и одно из ранних упоминаний о славянах³. В этой связи вполне уместно утверждение Р. Хачатряна, писавшего, что «большой заслугой Карамзина является то, что он ввел в обращение армянские исторические источники, в связи с изучением истории славян, открыл для русской исторической науки Мовсеса Хоренаци, как первого автора, упоминавшего о славянах»⁴. И еще, «он первым в русской исторической науке использовал армянские источники и, в частности, «Историю Армении» Мовсеса Хоренаци»⁵. Представляет большой научный интерес пояснение Карамзиным слова «ко-

¹ Первый полный русский перевод «История Армении» М. Хоренаци был осуществлен в 1809 г., отрывки из этого труда были изданы в 1786 г. Первый латинский перевод был сделан в 1736 г.

² Карамзин Н. История государства Российского, т. I с. 262, примечание 23.

³ Там же, с. 282, примечание 46.

⁴ Хачатрян Р. Г. История Армении и руско-армянских отношений в русской историографии (XVII век—начало XIX века). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Ереван, 1982, с. 25.

⁵ Хачатрян Р. Г. Вопросы истории русско-армянских отношений в русской дворянской историографии XVIII века.— Историко-филологический журнал АН Арм. ССР, 1977, № 2, с. 77.

роль». Среди различных источников раскрывающих смысл этого слова, он ссылается и на армянский язык. «На языке арменском Король есть **сильный, могущественный**» (подчеркнуто Карамзиным—М. А.). И действительно, в армянском языке слово «король» —«тагавор» вместе с другими охватывает и понятие «сильный, могущественный»¹. Сейчас трудно однозначно утверждать, что привело Карамзина к армянскому языку, какой источник мог использовать историк. Ясно одно, что пояснение слова «король» со ссылкой на армянский в данном случае—неопровержимое свидетельство разностороннего подхода автора к рассматриваемым вопросам.

В главе «О славянских и других народах, составивших государство Российское» при описании хазар Карамзин замечает, что еще «с третьего столетия хазары известны по Арменским летописям», что они, оставляя в покое Константинополь, «свирепствовали в Арменции, Иверии, Мидии...»²

Немалый интерес представляет ознакомление, по Карамзину, с участием армян в жизни России первой четверти XIII в. Характеризуя торговлю этого периода, он показывает, что внутренние и внешние раздоры России не препятствовали тор-

¹ См.: Толковый словарь современного армянского языка, т. 2. Ереван, 1972.

² Карамзин Н. История государства Российского, т. I, с. 41, 42.

товле, что торговлей занимались представители многих народов. «...Сии корыстолюбивые, хитрые италянцы еще за несколько лет до нашествия татар имели торговые заведения в Армении, следовательно уже господствовали на Черном море. В самое то время, когда войско Российское сражалось с Половцами в земле их, купцы мирно там путешествовали; ибо самые варвары, находя пользу в торговле, для безопасности наблюдали законы просвещенных народов. Греки, армяне, евреи, немцы, моравы, венециане жили в Киеве, привлекаемые выгодною меною товаров и гостеприимством Россиян...»¹. Карамзин рассказывает о том, что «в 90 верстах от Казани и в 9 от Волги нашлись армянские надписи XII века: вероятно, что армяне, издавна славные купечеством, выменивали там русские меха и кожи на товары персидские и другие»². И далее разъясняет, что эти надписи перевел для Петра Великого казанский армянин Иван Васильев в 1722 году, одна из которых относится к 557 году³.

Таким образом, Карамзин включает в свое повествование сведения, затрагивающие различные стороны жизни и деятельности армян, показывает степень их участия в жизни русского обще-

¹ Карамзин Н. История государства Российского, т. III, СПб., 1816, с. 201.

² Там же, с. 202.

³ Там же, с. 523, примечание 239.

ства. Он пишет и об упомянутом выше враче-армянине, который был при Владимире Мономахе, описывает его качества, причем делает это обоснованно, со ссылкой «как пишут». Карамзин явно имел в виду Киево-Печерский патерик, зародившийся в начале XIII в. «Во времена Мономаховы,—пишет он,—славились в Киеве армянские врачи: один из них (как пишут) взглянув на больного, всегда угадывал, можно ли ему жить, в противном случае обыкновенно предсказывал день его смерти»¹.

С XIII по XVIII вв. городом Кафой (древняя Феодосия) владели генуэзские купцы. Описывая основание города Кафы², Карамзин вместе с другими источниками использует и армянские свидетельства. «В записях князя армянского, Иосифа Долгорукова-Аргутинского, архиепископа армянских церквей в России сказано,—пишет Карамзин,—что татары, завоевав Армению в 1262 году, перевели многих жителей в нынешнюю Астраханскую и Казанскую губернии, что некоторые из них ушли в Тавриду и поселились отчасти в Кафе, отчасти в старом Крыму, близ Судака»³.

В сведениях о «Черной смерти», о голоде во многих странах (1346) упоминается и Армения: «Был мор в странах Каспийских, Черноморских,

Карамзин Н. История государства Российского, т. III, с. 212.

² Там же. т. IV, СПб., 1817, с. 110—111.

³ Там же, т. IV, с. 348, примечание, 146

в Армении, в земле Абазинской, Ясской, Черкесской...»¹. В этом случае Карамзин ссылается на Троицкую летопись начала XV века², в которой говорится: «Бысть мор велик на люди, на Бесермьны и на татары, и на ормены...»³.

Во времена Дмитрия Донского (1350—1389), когда Великий князь готовится к решительной борьбе с «Ордою многоголовою», новгородские князья под предлогом охоты составили большие полки и выехали на «промыслы». Они в 1364 г. «отправились вниз по Волге на 150 лодках, умертвили в Нижнем великое число татар, армян, бухарцев, взяли их имение, жен, детей, вошли в Каму, ограбили многия селения в Болгарии...». Узнав об этом, великий князь разгневался на новгородцев. Он заявил, что они поступают «как разбойники», что иноземные купцы «находятся в России под защитою государя»⁴.

Кстати, в «Сказании о Куликовской битве» говорится, что в составе русской армии сражались и военачальники-армяне: «Не тури възрыкают на поле Куликове, побежени у Дона великого,azole посечены князи русския и бояры и воеводы,

Карамзин Н. История государства Российского, т. IV, с. 253.

² Там же, с. 466, примечание 357.

³ См.: Троицкая летопись, М.—Л., 1950, с. 368.

⁴ Карамзин Н. История государства Российского, т. V, СПб., 1817, с. 13—14.

великого князя и князи белозерстии, посечении от погонных татар: Федор Семенович, Тимофей Волуович, Семен Михайлович, Макула Васильевич, Ондрей Серкизович, Михайло Иванович и иния многия дружина»¹. И еще. В летописной повести о Куликовской битве назван и некий Симеон Мелникович, первым сообщивший весть о наступлении Мамаея на Москву². По справедливому утверждению известного советского армянского историка и филолога Л. С. Хачикяна «Окончание—ович(евич) в фамилии павшего в Куликовской битве военачальника Андрея Саркизовича весьма характерно для армян, обосновавшихся в Польше и в южной России; в этой среде видными купцами, высокопоставленными государственными и церковными деятелями были Захар Ивашкевич, Николай Бернатович, Бедрос Захариасевич, Петр Григорьевич, Сефер Муратович, Никол Торосович и многие десятки других армян»³.

В конце XVI века при царе Федоре Ивановиче Россия вела бойкую торговлю многими товарами (меха, воск, мед, сало, кожа, тюлений жир,

Воинские повести Древней Руси. Под ред. В. П. Андриановой-Перетц. М. — Л., 1949, с. 37.

² Полн: собр. русских летописей. М.-Л., 1962, т. I,

³ Хачикян Л. С. «Гости-сурожане» в русских летописях и «Сказании о Мамаевом побоище» (К вопросу их национальной принадлежности).—В сб.: Русская и армянская средневековые литературы. Л., 1982, с. 349.

рыба, икра, птица, лен, соль, деготь, слюда, селитра, сера и др.) с различными странами. В частности, «персидские, турецкие, бухарские, иверские, арменские» купцы скупали «собольи, куньи, лисьи, бобровые, рысьи» и другие меха¹.

В это время вместе со многими достопримечательностями Москвы, сохранившимися до наших дней, «на Красной площади,—пишет Карамзин,—лежали две огромные пушки. В сей части города находились дома многих бояр, знатных сановников, дворян, именитых купцов и богатый арсенал или Пушечный двор. В Белом городе (названном так от выбеленных стен) Литейный двор, Посольский, Литовский, Арменский, площади Конная и Сенная»² и т. д.

Немалый интерес представляет момент привоза роскошно одетых жен, детей и приближенных покоренного хана Сибирского ханства Кучума, уничтожившего в 1595 г. отряд Ермака. Карамзин сообщает, что в январе 1599 года в Москве был устроен торжественный въезд, «улицы были наполнены зрителями, Россиянами и чужестранцами». В число «чужестранцев» входили и армяне. «В ту пору Литовский двор и Арменский не заворяти...»³.

¹ Карамзин Н. История государства Российского, т. X. СПб., 1824, с. 250.

² Там же. т. IV, с. 348, примечание 146.

³ Там же, с. 466, примечание 357.

Таким образом, использованные в трудах Карамзина различные материалы об Армении широко способствовали не только дальнейшему росту и развитию интереса русского читателя к армянской действительности, но и содействовали русско-армянскому межнациональному сближению. Эти материалы указывают на глубокие истоки русско-армянских отношений. Они, безусловно, накапливали сведения об Армении, возбуждали интерес и расширяли отображение армянской действительности в русской литературе.

Итак, возникнув в русской литературе XII века, упоминания об армянах со временем учащались. Касаясь различных сторон действительности, армянские мотивы, штрихи, эпизоды, картины, отдельные произведения на протяжении веков накапливались во все большую и значительную информацию и в совокупности создавали разностороннее представление об армянской действительности. Этому активно содействовал, с одной стороны, искренний интерес русских к странам Востока, в том числе и к Армении, с другой — жизнь армянских колоний на территории России. Поступавшая же различного рода информация и исторические события становились причиной и поводом для посещения самой Армении. А поступательное развитие литературы все шире и глубже отображало русскую действительность и, как естественное течение, присовокупляло к этому отображение инонациональной, в том числе и армянской, жиз-

ни. Накопленная информация явилась своеобразным толчком для дальнейшего, более активного и значительного воплощения Армении как в исторической, так и художественной литературе, в которой ярко проявились межнациональные взаимоотношения русских и армян.

* * *

Наше представление о взаимоотношениях русских и армян с ранней поры и до последней четверти XIX века, отображенных в литературе, будет неполным, если мы, хотя бы кратко, не вспомним многочисленные и разные по содержанию армянские упоминания, картины, образы и цельные художественные произведения русской литературы до той поры, когда официально зародились планы истребления армян в Турции.

Но прежде чем рассмотреть эту часть проблемы, следует подчеркнуть, что третье десятилетие XIX в. было исторически и политически поворотным, качественно новым моментом в судьбах армянского народа. В 1828 г. произошло присоединение восточной части Армении к России. Это событие навсегда освободило часть армянского народа от тяжелого ига Персии и Турции, приостановило опасность его физического истребления, определило дальнейшее социально-экономическое, культурное и политическое развитие армян.

В XIX в. отображение Армении в русской литературе несравненно расширилось и углубилось. В этом аспекте особое звучание имеют армянские отображения в сочинениях классиков русской литературы А. Грибоедова, А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Гоголя, М. Салтыкова-Щедрина, Н. Некрасова, Л. Толстого, А. Чехова и других.

Новые грани межнациональных взаимоотношений показывает художественное слово русских писателей так называемого второго ряда: С. Митропольского, С. Глинки, П. Зубова, Я. Полонского, И. Козлова, П. Вяземского, Д. Мордовцева, П. Мельникова (Печерского), А. Вельтмана и других.

А сочинения малоизвестных или вовсе неизвестных авторов, по той или иной причине побывавших в Армении или встретившихся с армянами и написавших об этом, являются как бы дополнительным аккордом в общем звучании армянской темы.

Широка и тематика армянских воплощений в русской литературе XIX в. В дополнение к отмеченным выше нашли отображение вопросы исторического прошлого, становления личности армянина в русском обществе, социальные проблемы, погромы армян и т. д. Вместе с тем нашло воплощение и отношение армян к русским.

Выше мы кратко рассмотрели интерес русских к армянам на протяжении веков. Для полноты и во избежание односторонности следует коснуться

и нескольких обратных примеров—отношения армян к русским, воплощенного в русской литературе XIX века.

В январской книжке «Дамского журнала» за 1830 год под рубрикой «Из персидских походных записок русского воина. Русские святки» читатель знакомится с характерными для армянской действительности материалами. В публикации проявилось теплое отношение автора к армянам, его забота и уважение к ним. Рисуя подготовку русских солдат к празднованию Нового года, автор статьи писал 7 января 1828 года в крепости Эривани: «После молебна пошли на парад: опять потеха для здешних, особенно армян, преданных России, они не налюбовались еще искусством своих избавителей... душа моя открылась для счастья других и несравненно сильнее стала участвовать в радости меня окружающих и нигде, в другом месте, не мог бы я так много иметь утешений: здесь целый народ пьет отраду: я говорю об армянах. Угнетенные под железным игом Персии, они не смели открыто прибегать к последнему приюту страдальца—к Вере»¹.

Известно, что активное участие в судьбах ар-

¹ «Дамский журнал», 1830, № 5, с. 72—73. Э. Акопян утверждает, что автором этой публикации является декабрист Лачинов. См.: сб.: Связи армянской литературы с литературами народов СССР, вып. II, Ереван, 1982, с. 151.

мянского народа принимал и великий русский писатель А. С. Грибоедов. Он неоднократно бывал в Армении, проезжал ее в 1819—1820 и 1827—1828 гг., по несколько дней останавливался в Эриване, Эчмиадзине. Как дипломат он много сделал для освобождения армянского народа от ига Персии и Турции¹. В силу своих служебных обязанностей и профессиональной пытливости Грибоедов хорошо изучил историю Востока, в том числе и историю Армении. Это, как и пьеса французского драматурга Кребильона «Радамист и Зенобия», переведенная С. И. Висковатовым, рецензия В. А. Жуковского на русский ее перевод² с одноименным заголовком, легенда из «Анналов» Тацита о Радамисте и Зенобии, по всей вероятности, навели его на мысль о создании трагедии с тем же названием «Радамист и Зенобия». А когда Грибоедов услышал от поэта, общественного деятеля, начальника армянской епархии в Грузии и управляющего армянским училищем Арутюна Аламдаряна легенду об армянском царе Радамисте и его супруге Зенобии, он признался, что армян-

¹ О дипломатической деятельности А. С. Грибоедова см.: Юрий Тынянов. Смерть Вазир Мухрата. Минск, 1978; Ениколопов И. К. Грибоедов и Восток, изд. II. Ереван, 1974; Борис Балаян. Кровь на алмазе «Шах». Трагедия А. С. Грибоедова. Ереван, 1983 и др.

² См.: «Вестник Европы», 1810, т. 52, № 22, с. 102—120. То же, см.: Жуковский В. А. Эстетика и критика. М., 1985, с. 255—264.

ский вариант не имеет ничего общего с легендой из «Анналов» римского историка I—II вв. Тацита¹.

Грибоедов предполагал построить трагедию на материалах из истории Армении и Грузии I века. Действующими лицами в трагедии должны были быть парфяне, армяне, грузины и римляне. Этот замысел Грибоедова, к сожалению, остался неосуществленным.

Но армянская тема не ограничивается неосуществленным планом трагедии «Радамист и Зенобия» Грибоедова. Писатель сделал немало красочных описаний Армении в письмах к друзьям, оставил ценные путевые зарисовки и дневниковые записи об этой стране.

Будучи в составе «Эриванского похода» в июне 1827 года, Грибоедов сделал запись в дневнике, которая представляет, как и другие, научную ценность. В ней проявился не только интерес писателя к Армении, не только фиксация момента, но и показано отношение армян к русским. У Грибоедова читаем:

«Июнь I. Середя. В Гергеры, вдоль Тебеде². Налево руины Лори. Попы армянские на дороге в ризах подносят бога главнокомандующему, который его от них как рапорт принимает».

¹ См.: Овчинников М. Ф. Особая миссия. Ереван, 1979. с. 27.

² Река Дебед.

А когда через неделю русские пришли в Эчмиадзин и в знак признания армянское духовенство устроило главнокомандующему торжественную встречу, Грибоедов 8 июня записал в дневнике: «Приезд в Эчмиадзин... духовное торжество. Главнокомандующий встречен с колокольным звоном. Разбиваю палатку между двух деревьев; цветы, водопроводы. Большой обед у архиерея»¹.

Особое звучание имеют армянские мотивы, штрихи, эпизоды, картины и представляют научный и фактический интерес неоднократные упоминания различного характера об армянах в сочинениях А. С. Пушкина (стихотворения «Дон», «Опять увенчаны мы славой», «Черная шаль», «Стамбул гяуры нынче славят», поэмы «Бова», «Гавриилиада», «Тазит», очерк «Путешествие в Арзрум», роман «Евгений Онегин» и др.).

В очерке «Путешествие в Арзрум» Пушкин описал, как он встречался с армянами—представителями различных сословий, как они отнеслись к поэту. У Пушкина не единожды была возможность лично познакомиться со взглядами и национальными качествами армян. Он неоднократно подчеркивает смелость, преданность, доброту и радушие армян. Пушкин увлеченно описывает гостеприимство армянской семьи, в которой ему довелось побывать. Когда в дождливый вечер он

¹ Грибоедов А. С. Сочинения. М., 1953, с. 445—446.

подъехал в Карсе к бане и его проводник стал стучать в дверь, а та не открывалась—«из ближнего дома вышел молодой армянин, и, переговора с моим турком, позвал меня к себе, изъясняясь на довольно чистом русском языке,—пишет Пушкин.—Он повел меня по узкой лестнице во второе жилье своего дома. В комнате, убранной низкими диванами и ветхими коврами, сидела старуха, его мать. Она подошла ко мне и поцеловала мне руку. (Заметим—этот признак высшего уважения к гостю проявлялся женщинами. Обычай утратился—М. А.). Сын велел ей разложить огонь и приготовить ужин. Я разделся и сел перед огнем. Вошел меньший брат хозяина, мальчик лет семнадцати... Они сказали мне, что войска наши выступили накануне и что лагерь наш находится в 25 верстах от Карса... Скоро старуха приготовила мне баранину с луком, которая показалась мне верхом поваренного искусства. Мы все легли спать в одной комнате: я разделся противу угасающего камина и заснул...

Поутру пошел я осматривать город. Младший из моих хозяев взялся быть моим чичероном... Мой армянин толковал мне как умел военные действия, коим он был свидетелем. Заметя в нем охоту к войне, я предложил ему ехать со мною в армию. Он тотчас согласился.. Через полчаса я выехал из Карса, и Артемий (так назывался мой армянин) уже скакал подле меня на турецком жеребце с

гибким куртинским дротиком в руке, с кинжалом за поясом, и бредя о турках и о сражениях»¹.

Примеры радушного национального гостеприимства, высокого воинского мужества, отваги, храбрости и патриотизма армян Пушкин наблюдал неоднократно. Вместе с Раевским он отправился в город, «представляющий удивительную картину. Турки,—пишет Пушкин,—с плоских кровель своих угрюмо смотрели на нас. Армяне шумно толпились в тесных улицах. Их мальчишки бежали перед нашими лошадьми, крестясь и повторяя: «Християн! Християн!...». Мы подъехали к крепости, куда входила наша артиллерия; с крайним изумлением встретил я тут моего Артемия, уже разъезжающего по городу, несмотря на строгое предписание никому из лагеря не отлучаться без особого позволения»².

Цитируемые эпизоды свидетельствуют о том, что Пушкин объективно воспринял армянскую действительность. Основываясь на описанных в «Путешествии в Арзрум» реальных фактах, можно с уверенностью утверждать, что представители трех поколений армянской нации (мать, сыновья, мальчишки) явились для русского поэта примером беспредельной преданности своему народу и признательности освободителю.

¹ Пушкин А. С. Соч. в трех томах, том III. М., 1986, с. 392—393.

² Там же, с. 403.

Любопытны и первые впечатления Пушкина об Армении, когда он впервые встретился с простыми людьми, коренными жителями Армении на их земле: «Я стал подыматься на Безобдал, гору, отделяющую Грузию от древней Армении. Широкая дорога, осененная деревьями, извивается около горы. На вершине Безобдала я проехал сквозь малое ущелье, называемое, кажется, Волчьими воротами, и очутился на естественной границе Грузии. Мне представились новые горы, новый горизонт; подо мною расстилались злачные зеленые нивы. Я взглянул еще раз на опаленную Грузию и стал спускаться по отлогому склонению горы к свежим равнинам Армении. С неописанным удовольствием заметил я, что зной вдруг уменьшился: климат был другой... Я ехал один в цветущей пустыне, окруженной издали горами... Я увидел в стороне груды камней, похожие на сакли, и отправился к ним. В самом деле, я приехал в армянскую деревню. Несколько женщин в пестрых лохмотьях сидели на плоской кровле подземной сакли. Я изъяснился кое-как. Одна из них сошла в саклю и вынесла мне сыру и молока. Отдохнув несколько минут, я пустился далее и на высоком берегу реки увидел против себя крепость Гергеры...»¹.

¹ Пушкин А. С. Соч. в трех томах, том III. М., 1986, с. 388. Подробнее см.: Амирханян М. Пушкин и Армения.— «Литературная Армения», 1980, № 1, с. 85—90.

А вот мнение стороннего наблюдателя, иностранца, об отношении армян к русским.

В начале 40-х годов побывал в Закавказском крае барон Август Фон-Гакстгаузен. Целью его поездки было знакомство с бытом и национальной жизнью народов, изучение их общественных и семейных отношений, обычаев, народных песен, сказаний и т. д. Плодом творческой деятельности Гакстгаузена явился двухтомный труд «Закавказский край»¹.

В Армении, в Эчмиадзине Август Фон-Гакстгаузен искал возможности встретиться с высшим духовным лицом—католикосом. Однако это ему не удалось, потому что избранный в апреле 1843 г. катликосом всех армян Нерсес Аштаракец был в то время приглашен в Петербург для «утверждения в достоинстве». По окончании своего путешествия Гакстгаузен в конце 1843 г. прибыл в Петербург. Здесь благоприятный случай свел его с армянским патриархом. Заметив основательные познания барона о Закавказском крае и особенно об Армении и узнав о его намерении написать книгу, католикос «выразил свое удовольствие и был очень любезен» и откровенен с собеседником. В беседе речь шла в основном об Армении, путях ее спасения, просвещении и т. д.

Разговор с католикосом Гакстгаузен включил в свою книгу. При этом он выделил, что путь

¹ На немецком языке книга вышла в 1844 г.

спасения Армении от поработителей патриарх видел только в помощи великой России и в союзе с ней: «Уже двести лет,—сказал католикос,— как мы обращали наши взоры к России и вздыхали, ожидая от нее спасения»¹. Этой фразой католикос выразил желание всего армянского народа.

В конце беседы барон попросил у патриарха несколько строк «его руки, чтобы иметь и хранить его рукописание». Католикос любезно обещал... На другой день Август Фон-Гакстгаузен получил теплое, полное благодарности и благословления письмо Нерсеса на армянском языке с переводом на немецкий, его портрет и вид Эчмиадзинского собора.

«Следуя заповеди., — писал 27 января 1844 г. Гакстгаузену католикос всех армян Нерсес,—я должен пожелать тебе мир и благоволение, потом выразить мою величайшую благодарность за прекрасные и верные известия, которые ты сообщил о кавказских провинциях и их обитателях, а также и об армянском народе. Я сам родился в этой стране, многое видел, иное слышал и часто весьма удивлялся путевым описаниям некоторых европейцев, которые, не имея никаких положительных

¹ Август Фон-Гакстгаузен. Закавказский край. Заметки о семейной и общественной жизни и отношениях народов, обитающих между Черным и Каспийским морями, ч. II, СПб., 1857, с. 11.

познаний, говорили обо всем и этими вымыслами приводили в изумление одних, другим давали ложное понятие о всех этих странах. Ты же, барон, во всех твоих изысканиях старался дойти до истины, хотел узнать все подробно и основательно, и высказал во всех твоих речах об этих народах такую сильную, истинно христианскую любовь, что я считаю священной обязанностью душевно благодарить тебя в этих немногих строках за твою любовь к человечеству, справедливость и готовность помогать, где только придется, моим соотечественникам»¹.

Трагическая судьба армянского народа исторически сложилась так, что у себя на родине под властью чужестранцев он переживал постоянные притеснения и угнетения, а в России имел поддержку и взаимопонимание. Поэтому все русско-поданные армяне своей преданностью и ратным трудом укрепляли мощь русского государства, активно содействовали его прогрессу. «Грамоты московских царей,—пишет большой знаток истории Армении А. В. Амфитеатров,—свидетельствуют о заслугах армян русскому делу на Востоке; включительно до последней войны, армяне—и нравственно, и материально—неизменные союзники русских. Во главе русских войск шли в Малую Азию Лорис-Меликов, Лазарев, Тер-Гукасов, а на-

¹ Август Фон-Гакстаузен. Закавказский край, с. 13

встречу им из деревень с крестами и хоругвями выходили армянские попы и мужики, веруя, что исполняется заветная мечта армянского народа... Армянская интеллигенция вышла из русских университетов, платя им обратно за науку такими именами, как, например: Ю. С. Гамбаров, Г. А. Джаншиев, Нерсесов; Эзов и др. В науке, в искусстве, в адвокатуре, в войне, даже в бюрократии—всюду русские семидесятые и восьмидесятые годы показывают армян, понимающих счастье своей родины в счастье России и работающих—каждый по-своему — на русской общественной ниве с таким усердием и любовью, каких дай бог природным русским... Единство русской и армянской культуры строилось на единстве русских и армянских интересов, и русская Армения за Кавказом всегда была бельмом на глазу для других и надеждою для армян за Араксом»¹.

Таким образом, армянские отображения в русской изящной словесности всех времен и особенно XIX в. и далее базировались на интересе русских к странам Востока, к Армении, на международных взаимоотношениях русских и армян, на двустороннем взаимопонимании и доброжелательности. В этом проявилось не только отношение русских авторов к Армении, но и показано отношение армян к русским. Кроме того, армянская

¹ Амфитеатров А. В. Армянский вопрос. СПб., 1906, с. 40—41.

действительность воплощалась в русской литературе не обособленно, а в тесном переплетении с событиями русской жизни, что, безусловно, свидетельствует об общности интересов, идеалов и стремлений двух народов, их духовном сродстве. Важность художественных публикаций об Армении характеризуется тем, что «XIX век,—по справедливому замечанию М. Горького,—достаточно насыщен фактом идеологических и формальных связей в области духовной жизни и эти связи необходимо ценить очень высоко»¹.

Вышеизложенные материалы свидетельствуют об отношении русских к другим народам, в данном случае к армянам. Именно такое добрососедское и гуманное их отношение получило свое развитие и стало новым качеством русской литературы во времена геноцида армян.

¹ См. сб.: Горький М. Материалы и исследования, т. I. Л., 1934, с. 253.

Глава II

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ГЕНОЦИД АРМЯН

Возникновение «Армянского вопроса». Погромы армян в конце XIX в. и русская литература

Исторические события последней трети XIX века значительно осложнили и без того тяжелое положение армянского народа в Западной Армении. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. закончилась победой России. По Сан-Стефанскому договору на Балканах ряд областей признавался султанским правительством независимым, а на кавказском направлении к России должны были быть присоединены Батум, Ардаган, Карс, Баязет и Алашкертская долина. По настоянию русского правительства в договор была включена специальная статья (16), которая предусматривала гарантии безопасности армянского населения в Западной Армении. В частности, в ней говорилось: «Ввиду того, что очищение русскими войсками занимаемых ими в Армении местностей, которые должны быть возвращены Турции, могло бы подать там повод к столкновению и усложнениям, могущим вредно отразиться на добрых отношениях обоих государств,—Блистательная Порта обязуется осущест-

вить, без замедления, улучшения и реформы, вызываемые местными потребностями в областях, населенных армянами, и оградить безопасность последних от курдов и черкесов».

Однако Сан-Стефанскому договору исторически не было суждено вступить в силу. Некоторые европейские государства, в первую очередь Англия и Австро-Венгрия, отнеслись к этому договору враждебно. Их внешнеполитические цели не соответствовали успехам России и усилению ее влияния в Малой Азии и на Балканах. Представители этих государств настояли на пересмотре Сан-Стефанского договора. В конце июня—начале июля 1878 г. в Берлине состоялся конгресс с участием России, Англии, Австрии, Италии, Турции и Франции, на котором вместо Сан-Стефанского был заключен Берлинский договор. В нем относительно Западной Армении появилась 61 статья, согласно которой «контроль за проведением реформ возлагался на шесть государств, каждое из которых имело свои интересы». А это значило, что вопрос был оставлен на произвол судьбы. Кроме того, в 61 статье говорилось, что «Блистательная Порта обязуется осуществить, без дальнейшего замедления, улучшения и реформы, вызываемые местными потребностями в областях, населенных армянами, и обеспечить их безопасность от черкесов и курдов. Она будет периодически сообщать о мерах, принятых ею для этой цели, державам, которые будут наблюдать за их применением».

Таким образом, обсуждение Армянского вопроса о судьбах Западной Армении шестью европейскими государствами придало ему международный характер, сыграв, однако, отрицательную роль в его оправедливом разрешении.

Годы, следовавшие за Берлинским договором показали, что, вопреки своим обещаниям, турецкий султан Абдул-Хамид не предпринял никаких мер по осуществлению условий 61-й статьи. Более того, «видя, что великие державы не озабочены решением Армянского вопроса, султанское правительство начало новые преследования армян. В 1880-х гг. по приказу султана Абдул-Хамида были закрыты многие армянские школы и газеты, совершены многочисленные аресты, усилилось угнетение и разорение армянского крестьянства»¹.

Естественно, в создавшихся условиях освободительное движение в Западной Армении приобрело новый размах. «В 1881 г. в Эрзруме был создан тайный союз «Защита Родины», который ставил себе целью организовать вооруженное восстание против турецкого деспотизма», в 1882 г. армянские студенты Москвы создали «Союз патриотов». Затем стали возникать политические партии. В 1885 г. была основана партия «Арменаканов», в 1887 г.—партия «Гнчак» («Колокол»), в 1890 г.—

¹ История армянского народа с древнейших времен до наших дней. Под ред. М. Нерсисяна. Ереван, 1980, с. 214 — 223.

партия «Дашнакцутюн». Эти и другие организации и политические партии не сумели разрешить Армянского вопроса. А вспыхнувшие в 1890-х гг. новые «армянские волнения» носили, по определению В. И. Ленина, прогрессивный, буржуазно-антифеодалный, национально-освободительный характер¹.

Положение армянского народа под турецким владычеством в последнем десятилетии XIX в. еще более усугубилось. Продолжая жестокую политику угнетения, порабощения и истребления, «султан Абдул-Хамид разрабатывал план всеобщей резни армян. По его приказу в 1890—1892 гг. были созданы специальные конные отряды, одна из основных задач которых заключалась в организации армянских погромов»². А вообще, в период массовых погромов в 90-х гг. погибло более 300 тыс. армян. Были разграблены, опустошены и разрушены сотни деревень и городов, много людей осталось без крова и опеки, необходима была помощь извне.

Вот несколько выдержек из сообщений и заявлений различных должностных лиц и организаций о положении армянского народа Западной Армении в 70—90-е гг. XIX в.³

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 144.

² История армянского народа. Ереван, 1980, с. 220.

³ См.: Геноцид армян..., с. 2—186.

Из сообщения корреспондента газеты «Таймс» Нормана от 24 августа 1877 г.:

«Положение армян в стране, по которой прошла Армия Исмаила-паши, крайне бедственное. Из 122 деревень Алашкертской равнины все, за исключением девяти, полностью разрушены. Те немногие христиане, которые не воспользовались покровительством России при отступлении Тер-Гукасова, варварски убиты, целый ряд деревень сожжен дотла. В Мушском округе некоторые деревни были разрушены, а многие жители вырезаны. Город Баязет и окрестные селения удостоились той же участи. В большинстве этих мест мужчины, женщины и дети были убиты самым жестоким образом...»¹.

Из донесения российского военного агента полковника Филиппова послу в Турции Новикову от 19 октября 1880 г.:

«...В течение с лишком двух месяцев народ ожидал какого-нибудь движения армянского вопроса, уже возбужденного Европой, но увидел, что положение, принятое как европейскими государствами, так и особенно Портой, лишает надежды на скорое изменение теперешнего невыносимого положения Арменнии. Между тем турецкое правительство воспользовалось этим временем и приступило к введению известного Вашему высокопре-

¹ См.: Геноцид армян в Османской империи, Ереван, 1982, с. 5. Далее страницы в тексте.

восходительству проекта Аббедина-паши, проекта, единогласно признанного европейскими представителями неудовлетворительным...» (11—12).

Из донесения русского посла в Константинополе Нелидова министру иностранных дел Гирсу от 19 июля 1890 г.:

«... Самыми выдающимися событиями в течение истекшей недели являются кровавые беспорядки, происходившие в воскресенье в Стамбуле, близ армяно-григорианской патриархии... Турецкие власти безумной подозрительностью и бестактным приложением мер строгости вызывают ненависть и враждебность армянского населения, очень значительного в столице и рассеянного по всей Турции. Из этого легко могут произойти весьма опасные осложнения...» (18).

Из депеши Российского посла Нелидова министру иностранных дел Гирсу от 22 ноября 1890 г.:

«Беспрестанные аресты армян, подозрения и преследования всей их общины создали мало-помалу для главных членов оной почти невыносимое положение...» (19).

Из донесения русского генерального консула в Эрзруме В. Максимова послу в Константинополе Нелидову от 20 октября 1894 г.:

«По полученным в последнее время сведениям, турки истребили в Сасуне около 4000 армян... Турки свирепствовали в течение 25 дней и разрушили 30 деревень...» (27).

Из донесения русского генерального консула в Эрзруме В. Максимова советнику Посольства в Константинополе Жадовскому от 26 ноября 1894 г.:

«...Христианское население было уничтожено самым беспощадным и варварским образом в 32 армянских деревнях...

Трудно передать словами неистовства воинов е. в. султана. Они убивали младенцев; удовлетворив свои животные наклонности, беспощадно уничтожали девушек и женщин...» (29).

Из телеграммы Британского вице-консула в Себастии Бюльмана послу в Константинополе Кэрри от 24 марта 1897 г.:

«...Тот факт, что резня продолжалась восемь часов, доказывает, что она была организована. В Токате расквартировано пятьсот солдат. По имеющимся у меня сведениям, дело не обошлось без их участия, но даже если бы эти сведения не соответствовали действительности, несомненно, что пятисот солдат было достаточно для пресечения беспорядков, если бы это входило в намерения властей...» (153).

Из донесения секретаря Генерального консульства России в Эрзруме В. Н. Шаховского послу в Константинополе Зиновьеву от 19 июля 1900 г.

«В дополнение к секретной телеграмме моей от 17-го сего июля имею честь довести до сведения Вашего высокопревосходительства, что сообщенное мною в ней известие об избиении армян

деревни Спаганк в Сасуне вполне подтвердилось, хотя власти положительно и отрицают это, и я конфиденциально получил подтверждение этого из турецкого источника...» (160). И т. д. и т. п.

Таковы краткие выдержки из нескольких сообщений по различным официальным каналам.

В потоке сведений очевидцев истребления армян в прошлом веке особое звучание имеет мнение ирландского ученого-юриста Эм. Диллона, который хорошо знал Россию, работал в Петербургском и Харьковском университетах, владел русским, французским, немецким, древнеармянским языками, перевел на русский язык книгу «Война армян с персами» армянского историка V в. Егише. В качестве корреспондента Эм. Диллон в 90-х гг. был в Западной Армении, увиденное там он изложил в статьях, которые «отличаются основательным знанием трактуемого предмета и правдивостью изложения, они приковали к себе всеобщее внимание в Англии и вызвали сочувствие к положению в Армении, ужасы которой, по авторитетному заявлению Гладстона, превосходят ужасы Болгарии до последней войны»¹.

В 1896 г. Эм. Диллон в соавторстве с Фр. Грином издали в Москве на русском языке упомянутую выше книгу «Положение дел в Турецкой

¹ Диллон Эм., Грин Фр. Положение дел в Турецкой Армении и турецкие зверства в Сасуне. М., 1896, с. 2.

Армении и турецкие зверства в Сасуне». Книга Эм. Диллона и Фр. Грина написана в монографическом плане с привлечением фактографического материала. В ней изложены события, свидетелями которых были авторы.

Она раскрывает подлинное отношение турецких властей к армянам. Первая часть «Положение дел в Турецкой Армении» написана Эм. Диллоном. Вторая—«Турецкие зверства и положение дел в Армении» — Фр. Грином.

Вот несколько примеров:

«Когда иностранные консулы в Эрзруме недавно обратили внимание вали (губернатора) на исключительно резкий случай несправедливости, он сказал драгоманам, что турецкое правительство и армянский народ находятся по отношению друг к другу в положении мужа и жены, и посторонние, питающие сострадание к жене, с которой муж дурно обращается, лучше бы сделали, если бы воздержались от вмешательства. И это замечание совершенно справедливо, если супруги предполагают жить вместе, потому что жестокий муж всегда может найти время и место, чтобы выместить злобу на своей беспомощной подруге. Именно это и происходит в настоящее время в Турецкой Армении»¹.

¹ Диллон Эм., Грин Фр. Положение дел в Турецкой Армении и турецкие зверства в Сасуне. М 1896, с. 2.

Какой цинизм. Читая книгу Диллона и Грина, диву даешься не только самим методам издевательств, но и бытующей психологии губернаторов и подобных им головорезов, у которых мерилom всего было, пожалуй, не простое человеческое минимальное сознание, а животный инстинкт. Факты, изложенные в книге, о другом, к сожалению, не говорят.

Эм. Диллон описывает типичную картину разорения и истребления влиятельной в округе и состоятельной большой армянской семьи. Для достижения цели турки ничем не брезгали. Они одинаково хладнокровно могли убить, ограбить, изнасиловать, предать огню или обратить в мусульманство своих «врагов»—армян.

Где это видано. «Врага» обращали силой в магометанина и он становился «братом». Такова была «святость» турок по отношению к своей же религии. Армянин мог убить турка защищаясь или из-за мести и, приняв ислам, избежать наказания.

Эм. Диллон пишет: «Мелик-ага был влиятельным и благородным армянином деревни Абра (округ Буланик). Бог благословил его сыновьями и внучатами, рогатым, скотом, овцами, землей, хлебом и кормом. Это был своего рода армянский Иов в небольшом разmere. Благородный магометанин той же деревни Кямиль Шейх, завидуя его богатствам, пожелал овладеть ими, и если бы это ему не удалось, то уничтожить их и их владельца. С этой целью он сжег сено и хлеб

Мелика; потом люди Шейха пришли и увели 8 лошадей его, умертвив 150 овец и оставив их трупы на гниение там, где они были убиты. Эта потеря была очень велика для страны, население которой всегда бедствует и часто голодает. Поэтому Мелик отправился в Кон, где живет каймакам и просил защиты закона. Пока он находился в Коне, а его сын был на работе, люди Шейха, постоянно находившегося на стороже, ворвались в дом, убили двух детей старшего сына Мелика и увели его жену, которая была в последнем периоде беременности. Мелик-ага, услышав об этом несчастии, отправился в Эрзрум, чтобы передать это дело властям вилайета. Результатом его жалобы было то, что Селим-паша отправился для расследования этого дела и возвращения женщины, детей, конечно, нельзя было уже воскресить, убийца остался безнаказанным. Похититель отказался возвратить молодую женщину, говоря, что она публично заявит о своем переходе в магометанство. Тогда паша, обратившись к Мелику, спросил: «Что вы скажете или сделаете, если ваша невестка публично признает ислам?»—«Я скажу, что мы тоже сделаемся магометанами, чтобы у нас не отнимали наших жен и дочерей».

Тогда привели женщину, но Мелик, видя, что она окружена шейхами и боится говорить правду, сказал паше: «Она больна, через несколько дней она будет матерью. Оставьте ее в покое до тех пор и поместите пока в каком вам угодно турецком

доме в Эрзруме. Через две недели мы спросим ее, что она может сказать». Все согласились на это, и паша уехал. Через три дня муж этой женщины (старший сын Мелика) был убит слугами Кямиля среди белого дня. Даже турецкое семейство, в котором жила женщина, было охвачено ужасом и просило шейхов взять ее, так как оно не желает иметь никакого отношения к этому делу.

Вскоре после этого второй сын Мелика, Мкртыч застрелил в поле двух шейхов. Это был очень дурной, нехристианский поступок: подобные случаи дают повод честным людям в Европе жаловаться на мстительность армян. Мы знаем, что Мкртычу следовало пригласить шейхов к обеду или, по крайней мере, оставить их в покое, хотя существуют высокообразованные европейцы, даже служители христианской церкви, лично мне известные, которые говорят: «Да будет благословен Бог за великий инстинкт возмущающий против такого порядка, при котором скот переживает человека».

Как бы то ни было, Мкртыч и его младший брат, сознавая, что они и их родичи погибнут, скрылись в доме Муссабея и объявили себя магометанами. Затем они отправили посыльного к своему отцу, чтобы объявить ему, как они поступили и посоветовать ему поступить так же, и он послушался их совета. Мулле было поручено преподавать новообращенной семье догматы ислама и научить ее магометанскому богослужению, и

случилось так, что муллой оказался бывший старый слуга Мелика, который гораздо больше был склонен принять христианство, чем его хозяин признать учение Корана. Мелик, обсудив план действий с дружески расположенным к нему муллой, отправил свою овдовевшую дочь с взрослой девочкой и тремя мальчиками в Россию. Когда они были уже недалеко от границы, в Гора-Гедуке, курды напали на них и хотели отнять девочку. Но она крепко держалась за мать и отказалась сделаться жертвой гнусных желаний этих дикарей. Тогда курды застрелили ее. Мать взвалила труп дочери на спину и отнесла его в деревню Гайраванк, в трех милях от Кагнемана, где убитая девочка и была похоронена отцом Рафаилом. Через некоторое время сам Мелик и остальные члены его семьи убежали в Россию, покинув дом, земли, корм, хлеб, скот и пр. и захватив с собой только немного денег, которые отняли курды у них на пути. Но Мелик благодарил Бога за то, что ему удалось спасти свою жизнь. Мулла отправился в знаменитый армянский монастырь в Эчмиадзине и принял христианство¹.

Таким образом, положение армянского народа в Западной Армении в конце XIX в. было крайне трагичным. Только в сборнике документов и материалов «Геноцид армян в Османской империи»

¹ Диллон Эм., Грин Фр. Положение дел в Турецкой Армении и турецкие зверства в Сасуне, с. 35—36.

опубликовано 65 официальных сообщений, показывающих и разоблачающих зверства турок во время истребления армян в Западной Армении в последней четверти XIX в.

Истекающие кровью, лишенные минимальных средств к существованию, оставшиеся в живых бездомные дети, женщины, старики нуждались в помощи. С целью оказания помощи пострадавшим от турецких погромов армянам, в конце 1896 г. в Москве было предпринято издание литературно-научного сборника, который вышел в 1897 г. под заглавием «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам»¹, с девизом «С миру по нитке— голому рубаха».

В него вошли переписка В. Г. Белинского, А. И. Герцена, М. Е. Салтыкова-Щедрина, стихи Ф. И. Тютчева и другие материалы. Непосредственное участие в создании сборника приняли писатели и поэты К. Д. Бальмонт, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Ю. А. Веселовский, А. М. Жемчужников; художники В. В. Верещагин, И. К. Айвазовский; профессора Ф. Е. Корш, М. М. Ковалевский, К. А. Тимирязев, Н. И. Стороженко, В. Ф. Миллер, А. Н. Веселовский и другие видные деятели русской культуры.

Сознавая огромный мировой авторитет Л. Н. Толстого, заведующий редакцией литературно-

¹ Второе расширенное издание было осуществлено в 1898 г.

научного сборника Г. А. Джаншиев¹ 30 декабря 1896 г. писал ему:

«Обычный эпистолярный этикет к Вам и он-то не идет, а потому позвольте Вас называть Добрый Лев Николаевич!

Я был у Вас вчера, но мне сказали, что Вы нездоровы, и я не решаюсь лично беспокоить Вас.

Я Вам оставил новое издание своей книги, в которой Вы найдете и критический и биографический очерк человека, которого Вы уважаете, Н. А. Белоголового.

Другая книга включает в себе частичную летопись бесчисленных и бесконечных страданий несчастных армян. Для облегчения их участи, для прокормления голодных и одевания их предпринимается в Москве благотворительное издание литературно-научного сборника.

Беру на себя смелость просить Вас дать для этого доброго начинания несколько страниц Вашего чудодейственного пера.

Ваше имя послужит могучим магнитом для привлечения внимания и благоговения читающей публики.

В семье народов обеих полушарий армяне составляют едва заметную былинку. Но беспример-

¹ Г. А. Джаншиев (Джаншян, 1851—1900)—известный историк, юрист, публицист. Он с 1883 г. и до конца жизни был одним из издателей-редакторов «Русских ведомостей».

ные страдания, ими переносимые, да будут ходатаями пред Вашим любвеобильным сердцем.

Само собой разумеется, и тема и размеры статьи всецело зависят от Вас.

С глубоким уважением и преданностью
Г. Джаншиев»¹.

Джаншиев постоянно интересовался многогранной деятельностью Толстого. Узнав о том, что Толстой, в связи с написанием «Хаджи-Мурата», собирает различные материалы, касающиеся Кавказа, Джаншиев высылает 7 марта 1897 г. «типы и виды кавказские» вместе со следующим письмом:

«Глубокоуважаемый Граф Лев Николаевич!

Приятель мой С. И. Танеев² передал мне вчера, что Вы желали бы иметь типы и виды кавказские.—Позвольте передать Вам все, что у меня оказалось. Если найду еще что-нибудь у знакомых, не замедлю прислать.

Сборник в помощь армян уже печатается, и осмеливаюсь просить и о возможности поспешить присылкою Вашего драгоценного вклада.

С искренним уважением и преданностью
Гр. Джаншиев»³.

¹ Цит. по: Амирханян А. М. Армянские корреспонденты Л. Н. Толстого,—«Филологические науки», 1982, № 6, с. 43—44.

² С. И. Танеев (1856—1915)—русский композитор, пианист, педагог, ученый, музыкально-общественный деятель.

³ Оригинал хранится в ГМТ.

Л. Толстой в ответ на эти письма сожалел, что в силу сложившихся обстоятельств не смог принять участие в предпринятом «добром деле». Вот что он писал Григорию Джаншиеву 17 апреля 1897 г.:

«Милостивый Государь Григорий Аветович!

Очень сожалею о том, что не могу принять участие в предпринятом Вами добром деле. Болезнь и другие обстоятельства помешали мне докончить то, что я намеревался предложить Вам в Сборник. От всей души желаю ему успеха и достижения цели, ради которой он предпринят.

С совершеннейшим уважением остаюсь готовым к услуге.

Лев Толстой»¹.

Сохранились еще два письма Джаншиева к Толстому. Одно от 26 января 1898 г., в котором он вновь просил Толстого дать что-нибудь для второго издания сборника «Братской помощи пострадавшим в Турции армянам», вышедшего в 1898 г. Другое — от 18 декабря 1898 г. — в связи с подготовкой третьего издания указанного литературно-научного сборника.

Сейчас остается не выясненным до конца, почему Толстой не смог предложить что-либо в сборник. Однако имеющиеся в нашем распоряжении материалы свидетельствуют о том, что Л. Тол-

¹ Письмо было опубликовано в сборнике: Братская помощь пострадавшим в Турции армянам, М., 1898, с. XLVIII.

стой не был равнодушен к происходящим в Армении событиям.

Когда в 1893 г. московский врач Минас Мурадян, возглавлявший группу по ликвидации эпидемии холеры в г. Туле, сентябрьским утром пришел в Ясную Поляну, чтобы встретиться с Толстым и узнать мнение великого писателя по поводу погромов армян, посоветоваться как и чем им помочь, Толстой в ответ на вопрос Мурадяна сказал: «Доктор, я много думал об этом, на меня пагубно влияют эти варварства. Вот вы спрашиваете, что я могу предложить для их прекращения. Надо стараться поднять нравственный уровень ваших соседей. Это трудно. Но когда два соседних народа трудятся для общего блага, они никогда один другому не навредят. Значит, последуйте сказанному мною и со временем мир и дружба воцарятся между турками и армянами»¹.

Здесь сработала теория Толстого «непротивление злу насилием». И нам неизвестно, верил ли писатель в данном случае в свою теорию. Поскольку через несколько лет отношение Толстого к событиям в Западной Армении стало носить уже более ярко выраженный осудительный характер. Толстой был глубоко потрясен кровавыми событиями 90-х гг. в Сасуне.

В книге П. Сергеевко «Как живет и работает

Цит. по: Амирханян А. М. Л. Н. Толстой и армянская действительность. Ереван, 1985, с. 37.

гр. Л. Н. Толстой», вышедшей в Москве в 1898 г., есть такая запись: «Вдруг слышатся быстрые шаркающие шаги и, скрипя по лестнице, поспешно входит в зал Лев Николаевич с французскою книжкой в руке. Лицо у него взволновано.

— Какие ужасы творятся в Турции! Господи, и когда это все уже кончится? Таня, Маша, идите сюда! Послушайте, что делается в Армении,— говорит Лев Николаевич так громко, чтобы его могли услышать через несколько комнат.

Игры прекращаются. В зале появляются две старшие дочери Льва Николаевича. Все усаживаются вокруг стола с лампой, и Лев Николаевич начинает читать о сасунских ужасах, прерывая чтение различными замечаниями, чтобы справиться с охватывающим его волнением. Читает Лев Николаевич превосходно. Но драматические сцены (Мы бы сказали трагические. — М. А.) не по его средствам. Обладая необыкновенной остротой художественного чутья, он уже заранее, как бы за целую версту, угадывает надвигающийся ужас драмы, и голос его, помимо его воли, спазматически сдавливается.

Описание сасунских зверств производит на всех глубокое впечатление. При чтении некоторых сцен Лев Николаевич откидывается от книги и говорит с волнением:

— Как это ужасно!

Некоторое время разговор вращается исключительно на сасунской резне...

Во время ужина внизу слышались громкие голоса и появились новые гости, хорошие знакомые Толстых, приехавшие из Москвы. Они привезли с собою целый ворох самых животрепещущих новостей. Лев Николаевич был очень рад гостям, дружески беседовал с ними, но в лице его все-таки было что-то как бы притаившееся и грустное. Описание человеческих страданий в Армении, очевидно, оставило тяжелый осадок в его душе»¹

Сообщения Сергеенко не нуждаются в комментариях. Гуманное отношение Толстого вообще к людям общеизвестно. И болезненное восприятие писателем событий, происходящих в Армении, вполне естественно. Хотя конкретных шагов по их пресечению он и не предпринимал. Но вскоре у Толстого появляются уже конкретные предложения, осуществление которых, безусловно, предотвратило бы кровопролитие в Армении.

В октябре 1898 г. по случаю 70-летнего юбилея писателя у Толстого два дня гостил священник Милитопольской армяно-григорианской церкви св. Благовещения Срапион Самуэлян. Во время одной из бесед относительно путей оказания помощи армянам, писатель, вопреки своему мнению, сказанному за пять лет до того Минасу Мурадяну, определенно заметил, что «самое верное средство

¹ **Сергеенко П.** Как живет и работает гр. Л. Н. Толстой. Изд. II, М., 1903, с. 141—143.

для улучшения положения армян в Турции заключается в том, чтобы европейские государства потребовали от турецкого султана искусственно не разжигать изуверства своего народа против армян. В этом добром намерении и наше государство может сыграть большую роль»¹.

Таким образом, Толстой хоть и не смог принять непосредственного участия в сборнике «Братская помощь», однако налицо его сочувствие обиженным судьбою армянам. Может быть, эти и подобные события, накапливаясь, выплеснулись мощным потоком в его трактате «Одумайтесь» (1903), осудившем человекоубийство, войну вообще и русско-японскую войну в частности.

Особый интерес представляет в сборнике «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам» переписка А. П. Чехова с Г. А. Джаншиевым. Дело в том, что друг Джаншиева М. М. Чемоданов, хорошо знавший А. П. Чехова, известил писателя о предпринятом намерении издания указанного сборника и просил принять участие в нем. Чехов положительно отнесся к просьбе, но не знал, что и в какие сроки должен был представить. Тогда Джаншиев в начале 1897 г. обратился к Чехову с письмом, в котором подробно изложил цели и назначение сборника. Чехов не ответил ему ввиду занятости, а потом-болезни, и, таким обра-

¹ См.: Амирханян А. М., Л. Н. Толстой и армянская действительность. Ереван, 1985, с. 40—41.

зом, не смог участвовать в первом издании книги. Прочитав в «Русских ведомостях» от 21 декабря 1897 г. рассказ Чехова «На подводе», Джаншиев написал на следующий день Чехову в Ниццу:

«Милостивый государь Антон Павлович!

С искренним удовольствием узнал я вместе с другими Вашими читателями, что здоровье Ваше поправляется. Эта приятная новость дала мне надежду, что, быть может, на сей раз удастся исполнить ваше любезное обещание дать что-нибудь для «Братской помощи армянам». Первое издание разошлось в три месяца, и с января начинает печататься второе издание. Был бы Вам крайне признателен, если бы Вы прислали несколько страничек на число 7-ое февраля. Сам чувствую, что срок короток, но удлинить невозможно, так как сборник выйдет в конце февраля. Я даже ничего не имею против такой комбинации: я бы набрал Вашу статью в рукописи, а потом передал бы в «Русские ведомости», в крайнем случае я удовольствовался бы даже разрешением перепечатать Вашу прелестную последнюю вещицу, напечатанную вчера в «Русских ведомостях», или что-нибудь в этом роде. Просил бы только черкнуть два слова, чтобы я мог воспользоваться Вашей подписью для автографа. Вероятно, Вы познакомились там с милейшим Н. И. Юрасовым¹ Передай-

те ему мой поклон и просьбу, чтобы он Вам показал «Братскую помощь».

Ласкаю себя надеждою, что в компании с Вами, да всеми, кто участвовал в сборнике, помочь этим несчастным жертвам дикого мусульманского изуверства.

С искренним уважением Гр. Джаншиев»²

Г Джаншиев, очевидно, получил согласие Чехова, поскольку во втором издании «Братской помощи» напечатан его рассказ «На подводе».

Это косвенно подтверждается и тем, что Чехов, в силу своего призвания, вообще добродушно и милосердно относился к нуждающимся. В ответе на обвинение в анонимной статье, помещенной в «Русской мысли» (1890, № 3), за много лет до выхода «Братской помощи», 10 апреля 1890 г. он писал издателю В. М. Лаврову: «До сих пор я решался отказывать только тем журналам и газетам, недобросовестность которых являлась очевидною и доказанною, а когда мне приходилось выбирать между ними, то я отдавал предпочтение тем из них, которые по материалам или другим каким-либо обстоятельствам наиболее нуждались в моих услугах» (Подчеркнуто мною.—М. А.).

Во второе расширенное издание «Братской помощи» был помещен ряд новых как документальных, так и художественных произведений. В

¹ Государственная публичная библиотека им. Ленина, фонд А. П. Чехова, 42, 4.

них была история армянского народа, сочувственно воспринятая его боль, грусть, трагедия и заботы времени, искренний отклик сердечной доброты.

Стихотворение **Евгения Морозова** «Привет», включенное в «Сборник», своим содержанием дополняло отображенные в литературе трагические картины армянской действительности. В нем образно описаны бесконечные зверства, чинимые врагом на территории Армении. И когда глумились над армянами, и когда губили детей, разоряли города и села, преследуя коварную цель стереть с лица земли этот народ, тогда

Как плачущий прибой, к подножью Арарата
Они стекаются замученной толпой
Искать прибежища, не помощи, у брата.
Да, помощи им нет, с врагом неравный бой!

Аналитический строй мысли в стихотворении и оптимизм поэта призывали армянский народ крепиться и верить, что пробьет час и блеснет заря освобождения над «оставленным народом», будущее должно быть другим:

Грядущий век несет конец твоим слезам.
Исчезнет гнусный мрак насилья, жертв без шума.
На старых пажитях воспрянет новый труд,
И возрожденные долины Эрзрума
Красою мирною роскошно зацветут¹.

¹ Братская помощь пострадавшим в Турции армянам. М., 1898, изд. II, с. LXXXI.

Во второе издание «Братской помощи» включено и страстное, волнующее до глубины души стихотворение Г. Кансона «К смерти». Оно также показывает жестокость, творимую в Армении. В стихотворении лирический герой обращается к олицетворенной Смерти с упреком, почему от нее не было пощады «лучшим силам молодым», прежде жертвовавшим в борьбе за край родной и радостью, и «любовью, и собой». А теперь она, жестокая, их «убаюкала», и потонул «край опозоренный» как «ночь во зле». Почему смерть не поражает врага лютого, а безжалостно и несправедливо убивает ни в чем не повинных людей:

Убиваешь ты безжалостно
Сотни, тысячи людей,
Порази ж врага ты лютого
Бедной родины моей!¹

Отрывок «Избиение армян в Константинополе» из романа в стихах «Сварогов»² русского писателя и поэта **Владимира Шуфа**—автора ряда художественных книг³—был опубликован во втором издании «Братской помощи». Проявив сердечное отношение к угнетенным нерусским вообще и к армянам в частности, В. Шуф повествует

¹ Братская помощь, отд. II, с. 48.

² Там же, с. 161—165.

³ Могила Азиса. Крымские легенды, СПб., 1895. В крайинной. Сонеты. СПб., 1906; Гексаметры. СПб., 1912 и др.

о том, как среди тишины в Стамбуле то оттуда, то отсюда доносились звуки перестрелки, как трое друзей Дмитрий, Марко и Мамут, слышали женский крик «в доме, жавшемся в стороне», ворвались в него и, не успев защитить женщину, стали невольными свидетелями жестокого истязания:

Режут женщину! угрюмо
Марко стал, армянский дом! —
Дмитрий быстро и без шума
Спрыгнул с лошади: «войдем!»
— Не ходи, эффенди! робко
Звал Мамут, нельзя теперь!
Но уж Дмитрий, вырвав скобку,
Распахнул ногою дверь...

В комнате было пусто, крик доносился сверху, крутая лестница вела на второй этаж, там «был шум, возня и стоны». Дмитрий вмиг взвел курок и бросился наверх, но споткнулся о лежащий на пороге окровавленный труп старухи. Вбежали вместе с Дмитрием Марко и Мамут. Там били женщину втроем, «люди в фесках—курд и турки». Женщина кричала, отбивалась, но вдруг «стала кинжала, заблестев, ей в грудь впилась». Дмитрий выстрелил, он сжал горло кому-то:

Курд, борясь, хрипел под ним.
Вдруг сверкнул кинжал Мамута,
И опять стон, шум и дым.

Прикончив убийц, Дмитрий хрипло крикнул: «Где женщина». Но она уже была мертва.

...Ах, злодей!
В сердце ткнул!—Лицо сй вытри,
Дай, Мамут, платок скорей!
Но в крови, среди убитых,
Хороша, нема, бледна,
С мертвым взглядом глаз открытых
Вечным сном спала она.
Профиль резкий, резки брови,
Смерти странная краса,
На лохмотьях пятна крови,
Разметались волоса...

Но в стихах В. Шуфа значимо и другое. Один из трех его героев Мамут (Махмут), будучи турком, робко пытается выступить в защиту армян. Вначале он предупреждает своих друзей Дмитрия и Марко об опасности в доме, куда войти нельзя, а затем становится участником убийства убийц. Это редкое описание в русской литературе в связи с армянской темой подчеркивает объективность отношения В. Шуфа к реальной основе художественных образов. Выше мы вспоминали отдельные случаи, когда турки оказывали помощь армянам. Так что вполне возможно, что Шуф использовал такой реальный случай.

Кровавая трагедия продолжалась и в иных частях города. Дмитрий, Марко и Мамут попали в ту лунную ночь в центр совершившейся другой «кровавой драмы». Они видели кровь, неравный бой, видели как в толпе убивали армянского священника:

Окруженный, на колени
Он упал, избит, чуть жив,
Точно в храме в час молений
Руки дряхлые сложив.
Турок с бранью непристойной
Старика ударом сшиб,
И под палками, спокойный,
Он, как мученик, погиб.

Наблюдали герои Шуфа и как за мостом у поворота бежал, спасаясь, армянин, который прыгнул в Босфор, а вслед за ним—«рослый турок в красной феске»:

И в воде, в борьбе и плеске,
Завязался страшный спор.
Оба прятались в пучину,
Появились вновь вдвоем...
Турок всплыл и армянину
Голову отсек ножом...

Трагические события совершались не только в Константинополе. В 1894—96 гг. во многих городах Западной Армении—Сасуне, Ване, Трапезунде, Себастии, Тигранакерте, Малатии, Харберте и других местах турки также устроили беспощадную массовую резню армян.

В Сасуне. «Несколько молодых, полных сил армян были взяты в плен... связаны, покрыты хвостом и сожжены живыми. Некоторое число армян, определяемое различно, но не менее 100 человек, сдались и просили пощады. Многие из них были застреляны на месте, а остальные зарезаны

саблями и заколоты штыками. Группа женщин, определяемая различно, от 60 до 160 человек, была заперта в церкви, и среди них «были пущены» солдаты. Многие из этих женщин были замучены до смерти, а остальные убиты саблями и штыками... Детей ставили в ряд один за другим и стреляли в один из концов ряда, очевидно, чтобы узнать, сколько человек можно убить одной пулей. Малолетние и грудные дети клались один на другого и головы их отрубались. Солдаты окружали дома, зажигали их и штыками заставляли людей возвращаться в пламя, когда они пытались выбежать из него»¹.

Из донесения португальского консула в Алеппо итальянскому послу в Константинополе. «Армянская церковь, где укрывалось более 2500 человек, главным образом женщин, детей и стариков, была облита керосином и подожжена. За исключением пятидесяти лиц, которым удалось вовремя выбраться на крышу, все остальные погибли. В подвалах церкви задохнулось 400 человек»².

Резня в Ванском вилайете. «Самая ужасная резня была произведена в Арчеше, Айоц-Дзоре, Каваше и Карчкане. В первых двух убито 1650 человек и 850 во вторых. Во всех деревнях Арчетской волости почти не осталось никакого населе-

Положение армян в Турции до вмешательства держав в 1895 году. М. 1896, с. 233

² Геноцид армян... с. 113.

ния. В деревне Нарек убито 200 человек, а в Балу и более того. Из всех этих деревень спаслось только десятеро. Два разбойника, Абдул-Хамид и его брат Абдул-Кафюр, убили более 200 человек. В Шахпазе убито 160 человек»¹

Эти и подобные им сотни и тысячи кровавых событий по всей Западной Армении легли в основу стихотворения «Пора!..» (1896) Е. Алибековой, являющегося своеобразным художественным обобщением происходящих событий. Вместе с тем это стихотворение по своей политической направленности объективно трактовало историческую обстановку, верно ориентировало читателя.

Хищнический разгул, устроенный над армянским народом от мала до велика был беспрецедентным. Для пресечения этих преступлений не было в Турции ни власти, ни закона. Наоборот, только разжигались страсти, армянская нация уничтожалась на корню:

Грудных младенцев не щадят
На колья сотнями сажают!
Повсюду смерть... повсюду стон,
Везде кровь заревом пылает
Где правосудие?.. Закон?..
Ведь люди, люди погибают!

Вместе с истреблением народа грабилось его имущество, уничтожалось все недвижимое, преда-

Братская помощь пострадавшим в Турции армянам.
М., 1897, с. 122.

валось огню и мечу. Такова была воля главарей
головорезов-бандитов:

В крови дома, поля и нивы.
Отец сраженный здесь лежит,
Там мать несчастная рыдает,
Ребенок на костре горит,
К пощаде старец призывает...

Е. Алибекова вобрала в одно стихотворение судьбу всего армянского народа конца XIX в. Она, как и многие писатели и поэты, воплощая в художественных образах трагические картины действительности, видела спасение армян только в одном—в помощи России. Поэтому в стихотворении она обращается к олицетворенной «доброй России» не медлить и скорее выступить «на спасение» гибнущих собратьев:

...Вокруг разбой и похищенье
Средь воплей, просьб, молитв глухих..
Скорей, скорее на спасенье!
Резня кровавая кипит,
Бегут мгновенья дорогие
Армян вся Турция разит!
Не медли, добрая Россия!
Услышь несчастных скорбный глас,
Услышь предсмертные моления,—
Для них пробил последний час
И гибнут целые селенья¹

¹ Братская помощь пострадавшим в Турции армянам, изд. II. М., 1898, с. LXIX.

Следует помнить, что издание «Братской помощи» имело огромное не только культурное, но и общественно-политическое значение. Материалы сборника вносили в русскую сре-

Ю. Веселовский — пропагандист армянской литературы

В конце XIX века в Турецкой Армении проводилось, как было показано выше, планомерное и последовательное истребление армян, тогда как в Русской Армении, даже в условиях царского режима, велась работа по взаимному ознакомлению с культурами русского и армянского народов, что, безусловно, было новым важным элементом в моральной поддержке армянского народа в противостоянии турецкой тирании. В этих условиях различные русские деятели по-разному выступали в защиту армян. Одни разоблачали и клеймили действия турецких палачей в своих исторических,

ду богатые сведения по истории и литературе армянского народа, знакомили с многими сторонами жизни армян, показывали их трагическое настоящее. В русской читающей публике сборник вызвал исключительно большой интерес. В короткие сроки разошлись все 3600 экземпляров сборника и возникла необходимость II (обновленного и расширенного) его выпуска. Многие периодические издания России поместили одобрительные отклики и дали высокую оценку «Братской помощи». В частности, «Петербургские Ведомости» писали, что материалы сборника заслуживают большого внимания, что «культурное единение с армянским народом (с его богатой историей, с его цельным и здоровым мировоззрением, его испытанной духовной силой) является вкладом в сокровищницу русского духовного бытия и самосознания. Это живой и сильный поток, влившийся в русское море, им надо дорожить и уметь воспользоваться... Это книга-симфония. Она полна поэзии, красок, идей добра, труда и челове-

публицистических, документальных и художественных сочинениях и призывали к помощи, другие пропагандировали армянскую духовную культуру, чем, естественно, активизировали внимание широкой общественности к Армении и создавали возможность углубления и проникновения в современные ее проблемы.

В 90-е гг. прошлого столетия Ю. А. Веселовский первым из русских деятелей культуры занялся более или менее систематическим ознакомлением русской общественности с армянской литературой и особенно критическим ее осмыслением.

К концу прошлого столетия армянская литература имела уже немало прозаических художественных произведений, которые смело можно было

ческого достоинства. Она властно проникает в душу, звучит в ней чудными аккордами и вызывает вдохновение. Этот сборник—одно из светлых явлений нашего времени, он как бы энциклопедия, хрестоматия добра. Такая книга воспитывает». А «Вестник Европы» писал, что независимо от своей благотворительной цели, заслуживающей всякого сочувствия, «роскошно напечатанный литературно-научный сборник «Братская помощь», почти в тысячу страниц с массою иллюстраций, портретов и автографов, должен обратить на себя общее внимание читающей публики по богатству и разнообразию своего содержания... Заключительная часть книги содержит в себе потрясающий обзор турецких зверств и насилий над армянским народом за последние три года, по свидетельствам очевидцев и по данным дипломатических документов». О «Братской помощи» одобрительно писали «Новое время», «Мир божий» и другие периодические издания (См. предисловие ко II изданию «Братской помощи»).

поставить в ряд с сочинениями западно-европейских и русских писателей. Однако они оставались почти неизвестными русской общественности. А знакомство русского читателя с образцами армянской литературы, безусловно, активизировало интерес к деятельности армянской национальной интеллигенции. Возникла необходимость более широкого ознакомления русского читателя с образцами армянской литературы. Так, в 1893 г. Москве по инициативе и под редакцией **Ю. Веселовского** и **М. Берберяна** вышел первый том сборника «Армянские беллетристы». В него вошли полные и в отрывках сочинения из новоармянской литературы, начиная от ее основоположника **Х. Абовяна** и до современности. Это был первый сборник, более или менее системно представляющий армянскую литературу, хотя мы и вовсе не намерены умалять роли проделанной до того работы по представлению русскому читателю отдельных образцов армянской литературы.

Сразу же после выхода в свет сборника «Армянские беллетристы» в периодической печати России появился ряд благожелательных и одобрительных откликов. В рецензии, опубликованной в литературном и политическом журнале «Русская мысль», автор чистосердечно признавался, что русским, которые специально не занимались армянской литературой, совсем мало было известно об армянском народе и почти ничего о его литературе. «Наша публика,—писал журнал,—знает

армян-купцов, армян-чиновников, достигающих иногда высших степеней, армян-ученых и никакого понятия не имеет об армянах-писателях, сочиняющих свои книги на армянском языке для армянского народа, все сведения о котором ограничиваются для большинства публики редкими газетными сообщениями о неисполнении турецким правительством какой-то статьи Берлинского трактата и о притеснениях, чинимых турецкими властями в каких-то округах малой Азии... Сборник гг. Веселовского и Берберяна открывает совсем неведомую страну»¹ (Спустя двадцать с лишним лет В. Брюсов во вступительном очерке к «Поэзии Армении» также назовет армянскую поэзию «областью неведомой»). В конце рецензии автор справедливо отмечал, что «сборник составлен превосходно, от души желаем ему полного успеха и с нетерпением ждем выхода следующих томов».

В том же 1893 г. литературный и научный журнал «Русское богатство» также откликнулся на выход «Армянских беллетристов». Вместе с похвалой автор отметил, что в сборник включено больше материалов исторического жанра. А задачи «новой молодой» армянской литературы рецензент подтверждал словами одного из героев повести Раффи—«да будут благословенны те писатели, которые вдохнут в нас новый дух, которые

¹ «Русская мысль», 1893, № 7, с. 302.

помогут нам вернуть наши прежние силы, которые познакомят нас с требованиями действительной жизни»¹.

В числе многих откликов любопытным было выступление академика **А. Н. Пыпина** на страницах «Вестника Европы», отметившего большой интерес к сборнику. Кратко охарактеризовав некоторые стороны армянской литературы, Пыпин затронул вопрос об идее, форме и содержании ее. Он утверждал, что в повести, романе, драме и стихотворении «содержание, очевидно, внушено более или менее глубокими влияниями европейского образования, которые совпадали с побуждениями просвещенного патриотизма: ненависть к рабству, достоинство человеческой личности, искание просвещения и т. д.», тем самым, естественно, ставил под сомнение самобытность национальной литературы. И здесь же утверждал, что заимствование для национальных литератур—явление неизбежное, в том числе как для русской, так и для армянской.

Отмечая достоинства сборника, ученый оценивал появление книги как явление, обогащающее русскую литературу. Книга «заслуживает всякого сочувствия, обогащая нашу литературу сведениями о предмете, который оставался у нас почти неизвестен»².

¹ «Русское богатство», 1893, № 7, отдел II, с. 60.

² «Вестник Европы», 1893, том V, кн. 9, с. 388—391.

С положительными рецензиями на сборник «Армянские беллетристы» выступили «Русские ведомости», «Новое обозрение», «Русский листок» и другие периодические издания России.

Издание «Армянских беллетристов» было первой в XIX в. серьезной попыткой познакомить русского читателя с армянской литературой. И действительно, армянская литература до того представлялась русской общественности крайне разрозненно, в переводах отрывков или небольших произведений или же в критическом осмыслении какой-либо темы. А с выходом в свет этого сборника читатель получил сразу переводы сочинений семи армянских писателей XIX века (Х. Абовян, Раффи, П. Прошян, Р. Патканян, А. Паронян, Церенц и Г. Агаян). Это было явлением в литературной жизни. Сборник широко представлял русскому читателю армянскую литературу, которая заслуживала внимания инационального читателя, сделал заявку на дальнейшее расширение этой работы.

Воодушевленные горячими откликами и успехом первого тома «Армянских беллетристов», издатели в короткий срок подготовили и в феврале 1894 г. выпустили второй том. Этому успеху содействовало и «быстрое распространение первого тома», которое показало, что «в публике существует несомненный интерес к армянской литературе и к жизни армянского народа. Вместе с тем,—писали редакторы второго тома в предисловии, — нам от-

радно было видеть, с каким вниманием, с какой симпатией отнеслись многие органы русской печати к нашей попытке познакомить русского читателя с армянами, какие гуманные и широкие взгляды на настоящее и будущее армянского народа и его словесности были высказаны в некоторых очерках, посвященных нашему изданию. Все это были отрадные и знаменитые явления, показывающие, что в русском обществе, в частности, в интеллигенции есть желание и умение узнать «подлинных армян».

В отличие от первого, второй том был многоплановым. В него были включены сочинения четырнадцати авторов (Ал. Ширванзаде, В. Папазян, Нар-Дос, Лео, Мурацан, Г. Сундукян, Р. Патканян, С. Шахазиз, М. Пешикташлян, П. Дурян, Церенц, И. Иоаннисян, А. Цатурян, О. Туманян). Сборник распадался на три раздела: первый охватывал роман и повесть, второй—драму, третий—лирическую поэзию. Критические статьи, как и в первом томе, были предпосланы каждому автору.

Но второму тому сборника, озаглавленному «Армянские беллетристы, драматурги и поэты» (М. 1894), не было суждено дойти до читателя и выполнить свою добрую миссию. Отсутствие предварительного разрешения на издание книги, очевидно, формально послужило поводом для составления донесения в Московский цензурный комитет, в результате чего книга была запрещена. Но в дейст-

вительности «книга эта имеет, как видно из предисловия,—писал цензор В. Назаревский,—целью пробудить в русской публике широкие взгляды на настоящее и будущее армянского народа, который, как говорит эпитаф, стоит на повороте своей судьбы.

Составители этого сборника стремятся достичь этой цели, представляя армянских писателей близкими к тому литературному уровню, на коем стоят представители нашей литературы и других народов. При этом армянским беллетристам, драматургам и стихотворцам вменяется в заслуги их прогрессивное направление, их народничество, их симпатии к молодому поколению, отвращение ко всякому гнету, до экономического включительно, новаторство и т. д.»¹.

Но неудача со вторым томом «Армянских беллетристов» не ослабила энтузиазма Ю. Веселовского в вопросе пропаганды армянской литературы среди русского читателя. В содружестве Ал. Цатуряном Ю. Веселовский переводит и в 1896 г. издает комедию Г Сундукяна «Пепо» и пишет к ней предисловие.

Большой знаток армянской литературы, неутомимый труженик и поборник братства Ю. А. Веселовский имеет огромные заслуги в вопросах пропаганды армянской литературы. Активный по-

¹ Цит. по кн.: Арешян С. Армянская печать и царская цензура. Ереван, 1957, с. 410—411.

пуляризатор богатейшего духовного наследия армянского народа в русской среде, он в течение всей своей жизни систематически исследовал армянскую литературу и культуру. Его работы публиковались на страницах широко распространенных тогда органов русской прессы и по мере накопления издавались в литературно-критических сборниках¹. Он является создателем первых русских монографий об армянских писателях² и первым, как было отмечено, составителем и редактором сборников армянской литературы на русском языке. Писательские симпатии к армянской действительности не помешали Веселовскому объективно увидеть в ней светлые начала и теневые стороны. В этой связи большой интерес представляет его статья «Тогда и теперь»³, имеющая политический смысл. Здесь он как бы подводит итог той большой работе по ознакомлению русской общественности с армянской действительностью через литературу, которая велась за последние два с половиной десятилетия. Он справедливо подчеркивал, что теперь, как никогда, возрос интерес русской публики к армянской духовной культуре, что лет 20—25 назад, хотя и выходили «в свет книги об армянах, переводились армянские рассказы и

См.: **Веселовский Ю.** Очерки армянской литературы и жизни. Армавир, 1906; изд. II, М., 1910.

² См.: **Веселовский Ю.** Армянский поэт Смбат Шахазиз (критический очерк). М., 1902; изд. II, М., 1905.

³ «Армяне и война», 1916, № 9.

стихотворения», время от времени публиковались в периодике статьи, но теперь «со всем этим знакомятся более обширные круги читателей».

Ю. Веселовский вспоминает случай, когда еще в 1892 г. одна молодая, «не лишенная дарования писательница, в присутствии которой речь зашла об армянской молодежи», задала анекдотичный вопрос: «Скажите, что же, у них..., у этих армян... и язык свой есть?» Это заявлялось в условиях, когда уже делались некоторые попытки ознакомить русскую читающую публику с армянской историей и литературой, а широкой информации и различным публикациям об Армении не было тогда и счета. Веселовскому неоднократно приходилось тогда отвечать на один и тот же вопрос: «Почему он интересуется армянской литературой?» Если в конце прошлого века было весьма трудно добиться, чтобы «редакции журналов и газет принимали для напечатания переводы с армянского или статей по армянской литературе», то уже во втором десятилетии XX века отдельные «органы печати специально **заказывали** (подчеркнуто Веселовским) статьи, относящиеся к Армении, ее умственной жизни и политическому положению».

Однажды один литератор по поводу выхода книг по армянской литературе заметил, что в России вряд ли могут найтись люди, интересующиеся армянской литературой, тогда как «уже ранние опыты популяризации армянской литературы нашли все же публику...».

«Так было тогда, — пишет Веселовский. — Современное положение вещей у всех на глазах, и слишком очевидно, как оно отличается от отмеченных фактов... Но если теперь настроение русского общества и интеллигентных кругов по отношению к армянам стало совершенно другим.., то это было вызвано не только тем, что в новейшее время появилось несколько новых книжек и статей, посвященных армянскому народу и его литературе, но также тою усиленною и настойчивою работою, которая в течение приблизительно четверти века подготовляла определенно обозначившийся именно теперь поворот русского общественного мнения»¹. Многолетней кропотливой последовательной работой велась борьба с «застарелыми предрассудками». В результате этой работы упоминания об армянских писателях, городах, областях в русской периодике как фактов, характеризующих «политическую борьбу Армении», уже становились чем-то хорошо знакомым, общеизвестным. Эта работа значительно способствовала расширению круга взаимного понимания представителей двух народов.

Что побудило Ю. Веселовского выступить в печати с такой публикацией? Ответ на этот вопрос мы находим у самого же Веселовского. На праздновании юбилея, 10-летия его литературной деятельности, в январе 1900 г. он сказал: «Я зани-

¹ «Армяне и война», 1916, № 9, с. 7.

мался и занимаюсь армянской литературой, так как эта литература имеет присущие ей привлекательные стороны, это сокровище, к которому, к сожалению нужно признать, очень мало кто приходит. Я отношусь к изучаемым материалам как человек и, верно, не знаю, как еще можно к этому относиться. Я не знаю более привлекательной идеи, чем идея всеобщего братства. Верно, что этой идее я ставил на службу до настоящего дня свое слабое перо, этой же идее поставлю на службу и в будущем мои скромные силы»¹.

Одной из первых критических работ Ю. Веселовского, посвященных армянской литературе, была статья «Древнейший период истории армянского театра»², в которой впервые в русской литературе рассматривалась театральная жизнь времен Артавазда I (II в. до н. э.), известного в армянской историографии как автор трагедий и большой любитель театрального искусства, и Тиграна II (I в. до н. э.).

Армянская драматургия XIX века, как неотъемлемая часть национальной литературы, представляла собой значительный интерес. Анализу

Здесь и далее, за исключением особо оговоренных, цитаты приводятся по сб.: **Веселовский Ю.** Очерки армянской литературы, истории и культуры. Вступительная статья, составление, редакция и примечания А. Давтян. Ереван, 1972, с. 28. В дальнейшем: **Веселовский Ю.** Очерки...

² «Приазовский край», 1892, №№ 207—209.

некоторых драматических произведений посвящена написанная в начале последнего десятилетия прошлого века другая работа Ю. Веселовского— «Из истории армянской сцены. Тифлисский театр и бытовая комедия»¹. Этот очерк Ю. Веселовского знакомил читателя с историей созданного в середине XIX века тифлисского армянского театра. Рассматривая его репертуар, Веселовский относительно подробно остановился на комедиях Г. Сундукяна.

Армянская драматургия XIX века в конце столетия мало или вовсе не была известна русской публике. И очерк Ю. Веселовского, посвященный ей, был началом той большой работы по пропаганде армянской литературы в среде русского читателя и сближению культур двух народов, которой русский критик посвятил всю жизнь.

В творчестве Сундукяна Ю. Веселовский объективно заметил то новое, диктовавшееся временем, которое стимулировало общественное развитие национальной литературы. Обличая пороки прошлого, драматург предлагал брать из прошлого положительное. Он «никогда не вооружался против старины в принципе,—пишет Веселовский,—и никогда не предлагает совершенно порвать связь с прошлым, в котором могли быть и действительно были свои хорошие стороны... Он подвергает осмеянию полуобразованную моло-

¹ «Артист», 1892, №№ 22, 23, 24.

дежь, которая щеголяет презрением к своему народу, его языку, обычаям, верованиям ~~только~~ потому, что все это не французское или не русское. Но Сундукян вооружается против той старины, прикрываясь которою, люди обделывают свои личные дела и создают себе безнравственную житейскую философию»¹.

В этом ключе Веселовский анализирует пьесы Сундукяна «Хатабала», «Еще одна жертва», «Пепо», «Разоренное гнездо» и другие, в которых драматург показывает зарождавшееся новое в армянской жизни, новые стремления молодежи и порывы молодой интеллигенции.

В конце очерка Ю. Веселовский характеризует роль и значение известного армянского артиста-трагика Петроса Адамяна в развитии армянской драматургии. П. Адамян выступал во многих городах России, в том числе во Владикавказе, Моздоке, Пятигорске, Екатеринодаре, Астрахани, Ростове, Москве, Петербурге и других. И всюду артист, «странствуя по России, сумел внушить всем уважение к той сцене, представителем которой являлся, к тем художественным воззрениям, которые он исповедывал, к тому языку, на котором играл»².

¹«Артист», 1892, № 22, с. 92.

² Веселовский Ю. Из истории армянской сцены. М., 1892, с. 26. О Петросе Адамяне см.: Тер-Габриелян Г. Воспоминания о незабвенном армянском артисте Петре Иеронимовиче Адамяне, Тифлис, 1896.

На рубеже двух веков армянская литература стала шире и более целенаправленно осмысляться в русской критике. В 1900 г. вышли «Литературные очерки» Ю. Веселовского. Сборник охватывал ранее опубликованные в периодической печати критические работы автора по западно-европейской, русской и армянской литературам.

Очерки «Древнейший период в истории армянского театра», «Байрон на острове св. Лазаря», «Грибоедов и армяне» были известны читателю. О первом из них мы упомянули выше. Здесь же скажем, что в очерке «Байрон на острове св. Лазаря»¹ Ю. Веселовский увлекательно повествует о посещении в 1816—1817 гг. Байроном давно известного своей просветительской деятельностью монастыря армян-мхитаристов на острове св. Лазаря в Венеции, где его живо заинтересовала «религия, литература, история древнего восточного племени», где он подружился с обитателями этого монастыря, изучал с их помощью армянский язык, где вместе с одним из них, М. Агверяном, составил армянскую грамматику для англичан, в предисловии к которой, между прочим, написал: «Трудно было бы, быть может, найти летописи народа менее запятнанные преступлениями, чем летописи армян, добродетели которых были мирные... Но какова бы ни была их судьба,—а она печальна!— что бы ни ожидало их в будущем, их страна всег-

¹ «Семья», 1893, №№ 54, 55.

да должна оставаться одною из самых интересных на всем земном шаре; и уже самый их язык, быть может, требует только большого изучения, чтобы получать все больше привлекательности...»¹.

И, наконец, в статье «Грибоедов и армяне» Веселовский затронул три вопроса. Это: восприятие и впечатления Грибоедова от Эчмиадзина и его окрестностей, отношение автора «Горя от ума» к армянам и составленный Грибоедовым в соавторстве с Завелейским очерк «Общий взгляд на обширные виды, которые могут постепенно и по естественному ходу дел войти в круг действий учреждаемой в Тифлисе Закавказской торговой компании».

Естественно, здесь нет необходимости рассматривать публикацию Веселовского детально. Тем более, что впечатления Грибоедова об Армении, их отражение в художественном слове кратко рассмотрены нами выше. Что же касается вопроса об отношении Грибоедова к армянам, то следует сказать, что Веселовский абсолютно справедливо утверждал, что Грибоедов «вовсе не был настоящим арменофилом». Это, естественно, не мешало ему добросовестно относиться к исполнению всех законных требований армян по Туркманчайскому договору. Именно это и делает «еще более ценным и замечательным его справедливое отношение к армянам, продиктованное уважением законности и твердую уверенность в праве всех русских под-

¹ Цит. по: Веселовский Ю. Очерки., с. 397.

данных на поддержку и защиту со стороны правительства». Грибоедов отстаивал права армян исключительно по «чувству справедливости, как благородный и беспристрастный человек»¹. И в ответ на это он видел благодарное и благородное отношение армян к нему, к русским.

Вот что писал Грибоедов к издателю «Северной пчелы»: «Нельзя описать восторга здешних жителей, большею частью армян, вышедших навстречу победителям и благословящих нелицемерными приветствиями русского царя, оружием которого исторгнуты они от столь долгого томления под игом мусульман... День 30 августа останется достопамятным у жителей Баязета: поутру на довольно обширной площади совершен был церковный парад, приводивший в восхищение здешних жителей и самого пашу, не выдавших прежде ничего подобного».

В критических работах по армянской литературе Веселовский каждый раз ставил все новые и новые проблемы. Так, в очерке «Женская доля в изображении армянских писателей» он попытался кратко обозреть тот скромный, «но все же любопытный вклад, который сделала армянская литература в разработке женского вопроса, что может представить известный интерес для русского читателя, в особенности же для русских женщин»².

Цит. по: **Веселовский Ю.** Очерки., с. 342.

² **Веселовский Ю.** Литературные очерки., М., 1900, с. 540:

К концу XIX века художественная литература сыграла важную роль в «пробуждении армянки от многовекового сна. И хорошо уже то, что появились, хотя бы в незначительном количестве, те истинно новые, развитые, самостоятельные, гуманно настроенные женщины и девушки, которых выводят Сундукян, Лео, Мурацан» и, добавим мы, Шахазиз, Ширванзаде, Нар-Дос, Вр. Папазян и многие армянские писатели, «которые способны показать поучительный пример, внушить бодрость, энергию и веру в будущее»¹.

В отображении женских образов армянская литература XIX в. основывалась на богатом национальном литературном опыте прошлого. Начиная еще с V века, армянские мыслители в своих историографических сочинениях, показывая жизнь и борьбу народа, особое место уделяли армянке. В «Истории Армении» Егише, которую впервые обстоятельно на русском языке обозрел Ю. Веселовский в очерке «Литературный деятель героической эпохи»², на фоне всенародной борьбы и стремления к независимости и самосохранению ярко вырисовывается образ армянской женщины: «Они несли бремя своей жизни,—цитирует Веселовский из «Истории» Егише,—как закоснелые в трудах земледельцы, и как будто с самого младенчества привыкли выносить тяжкие лишения,

¹ Веселовский Ю. Литературные очерки, с. 541.

² «Кавказский вестник», 1901, кн. 14, с. 49—67.

налагаемые бедностью... Каждая из этих женщин, без всякого различия званий, имела свою долю в хозяйстве, соблюдала в дни воскресные воздержания, как монахи в пустыне. Никто не подносил воды знатым господам, чтобы они вымыли руки, и для обтирания служанки не подавали им тонких полотенец. Они перестали потреблять душистые мыла и благовония по дням праздничным... На столах не красовалось уже дорогой посуды, и богатые кубки заздравные были с них изгнаны... Пыль и копоть лежали слоями на внутренних покоях и на занавесах постелей молодых супругов... Нежные жены армянской страны, взлелеянные с детства в неге и роскоши, воспитанные на софах и мягких подушках, ходили теперь из сырых жилищ своих в церковь Божию...»¹.

Заметим, что в армянской литературе проблеме эмансипации женщин затрагивали многие писатели XIX века. В поэме «Скорбь Леона» С. Шахазиза армянка показана как равноправный член семьи, общества, образованный человек. Вопрос женского образования и воспитания поставлен в поэме широко. «Идеал новой женщины—культурной, всем интересующейся, независимой, умеющей трудиться»² нарисовал поэт. Веселовский утвер-

¹ «Кавказский вестник», с. 63

² Веселовский Ю. Армянский поэт Сымбат Шахазиз. М., 1902, с. 36.

ждал, что «замужняя женщина должна быть, в истинном смысле слова, подругою мужчины, а также хорошею просвещенной матерью». Это утверждение критика основано на словах С. Шахазиза о том, что «святое супружество становится совершенно негодным, когда оно основано только на чувственном влечении; тогда муж является повелителем жены, а жена—существом послушным, безгласным, бессильным. Она рабыня, наложница, низкостоящая служанка, и с другой стороны, она—мать, рождающая детей и принужденная выносить страдания. Это—Ева, которая, вступая в жизнь, должна скорбеть и терпеть лишения,—одна из тех женщин, которые сотнями попадали в гаремы и умирали там, не переставая страдать... Бог создал тебя равною нам, — но какое место отвел тебе недостойный мир? Исходя из какой точки хвалили тебя и законодатель и юрист...»¹. Шахазиз раскрывает в поэме социальные причины индифферентности армянских девушек и молодых женщин, которые в этом отнюдь не виноваты. Автор утверждает, что виноваты родители, которые не занимаются воспитанием своих дочерей, не готовят их к борьбе с невзгодами жизни. Поэтому и правомерен в поэме женский вопль: «Мы не виноваты, нам помешали наши родители... Бог свидетель, что никто из них не давал нам добрых советов...»²

¹ Веселовский Ю. Армянский поэт Смбат Шахазиз. М., 1902, с. 38.

² Там же, с. 39.

Литературно-критические работы Ю. Веселовского раскрывали богатство армянской литературы.

Выше мы упомянули «Историю Армении» Егише, в которой русский критик справедливо усмотрел литературные начала. Как образец публицистического повествования Веселовский приводит отрывок из «Истории» Егише, где, описывая действия персидского царя Азкерта, преследовавшего армян с целью искоренения христианства, ровный тон историка в патетическом обращении к персидскому царю сменяется негодованием: «О царь! Для чего ты предпринимаешь столько труда? Для чего выходишь из себя? Для чего это пламя гнева, могущее потухнуть? Для чего ты призываешь опять на совет фанатиков, бешенных людей, и без того уже затмивших ум твой?... Но ты желаешь этим прикрыть собственные злодеяния, и ты увидишь каков будет конец, когда они откроются»¹. Устами героев историк выражает собственные взгляды, авторские отступления вполне объективны. Говоря о преследовании армян персами, он пишет: «Я опишу их без преувеличений, без гаданий, без вражды... расскажу только, что видел сам или слышал на месте происшествий»².

Монументален образ главного героя повествования Егише—доблестного полководца Вардана

«Кавказский вестник», 1901, кн. 14, с. 53.

² Там же, с. 55.

Мамиконяна, память о котором сохранилась в народе и неоднократно воспевалась им. Преданность родине, любовь к своему народу—вот смысл знаменитой речи полководца перед Аварайрским сражением весенним днем 22 мая 451 г.: «Идите по стопам доблестных отцов ваших!..—воскликает Вардан. — Да не устрасит вас эта несметная толпа язычников, да встретит грудь нашу их смертоносный меч! Если Господь даст нам победу, мы их поразим, чтобы святое дело истины восторжествовало; если же напротив, дни жизни нашей пресекутся в этих святых сражениях, мы покоримся (нашей судьбе) радостно и безропотно. Смотрите, да не очернит вашего мужества измена»¹.

На примерах конкретных действий героев Ю. Веселовский анализирует использованные автором образные выражения в описании событий.

После гибели патриарха Иосифа, неоднократно вдохновлявшего армянский народ на подвиги, приспешник персидского царя Азкерта грозный Деншапуг недвусмысленно восклицает: «Так как вы все не просите меня иметь к вам сострадание, то я сам прошу вас: вы—люди, достойные уважения, пожалейте же себя и не бегите на смерть жестокую!»².

Древний мыслитель не односторонен в поведении. Он не ограничился показом действий

¹ «Кавказский вестник», 1901, кн. 14, с. 56.

² Там же, с. 58

отдельных героев той или другой стороны. Егише, как верно заметил Веселовский, «задался целью отметить и славные деяния всей нации, разнообразной по составу народной толпы, сыгравшей видную роль в истории борьбы армян с персидским владычеством и учением магов в V столетии. Он хочет увековечить мужество, самоотвержение и бескорыстие отдельных сословий, забывших свои узкоэгоистичные интересы, чтобы сплотиться для защиты своего отечества и своей религии»¹.

Критик приводит полные мужества и преданности, решимости и благородства слова народа из послания персам: «Пусть не говорят нам более об отречении от христианства! Мы дали обеты наши не человеку, а Богу, и навеки! Уничтожить эти обеты невозможно ни теперь, ни позже, ни спустя много столетий, ни во веки вечные!.. Это великое собрание, составленное не только из высших сословий, но и из низших классов народа, поклялось святою клятвою держаться веры своей всю жизнь, в единодушном согласии»².

Большой мастер слова Егише оставил грядущему зримое описание картин Аварайрской битвы, так что «мы положительно видим перед собой отдельные эпизоды этой битвы, слышим воинственные крики, шум борьбы и стоны раненых»,—пишет Веселовский. И действительно: «Это было вес-

¹ «Кавказский вестник». 1901, кн. 14, с. 60.

² Там же.

ною..,—пишет Егише,—поля и луга, усеянные душистыми цветами, залиты были кровью человеческою, изменявшею цвет их... Какое грустное зрелище—это бесчисленное множество трупов!»¹.

Историк Егише поэтичен и трогателен. «Лед многих зим растаял, весна несколько раз уже возвращала ласточек, все радовало сердце человека: но жены пленных христиан тщетно ждали радостного возвращения возлюбленных своих супругов»²

Ю. Веселовский метко уловил параллель между «Историей» Егише и «Словом о полку Игореве», найдя в них некоторую духовную близость.

Таким образом, всесторонне обобрав труд «выдающегося публициста, недюжинного художника и мастера слога» Егише, Веселовский справедливо утверждает: «Я думаю, после всего сгруппированного выше мне нет особой необходимости пояснять, почему я решил назвать Егише древне-армянским литератором, предшественником поэтов, романистов и публицистов XIX века»³. К тому же приведенные нами несколько отрывков, думается, подтверждают правоту Веселовского, работа которого, по сути, была первой монографией об армянском авторе и для своего времени имела немаловажное значение как для критического осмы-

¹ «Кавказский вестник», 1901, кн. 14, с. 65.

² Там же.

³ Там же, с. 66.

сления армянской литературы V века, так и для ее пропаганды. Не материалы ли из «Истории Армении» Егише вдохновили Ю. Веселовского на создание стихотворения «Смерть Вардана Мамиконяна», написанного в 1916 году? В нем поэтически выразительными красками создается зримое представление об Аварайрском сражении армянского народа под предводительством Вардана Мамиконяна с персидским войском в 451 г. В этом историческом сражении ударом вражеского копья был тяжело ранен предводитель армянского войска. В предсмертный час он вспоминает картины былых сражений за свой народ и свою страну:

И перед ним, как вихрь, промчалась
Картина родины тотчас;
Он вспомнил все,— и сердце сжалось,
И слезы хлынули из глаз...

Армянский полководец завещает своим войскам, как показывает Веселовский, не посрамить народ и сражаться так, как сражались они вместе с ним. Он убежден, что никто из армян не забудет о славе «прежних лучших дней» и не смирится с неволей:

Угас! Но верностью герою
Его народ одушевлен;
Он гонит персов пред собою,
Он их теснит со всех сторон!
Взамен прощальной, грустной тризны
Над прахом славного борца,—
С мечом в руке, за честь отчизны
Он смело бьется до конца...

Аварайрское сражение осталось в истории Армении одним из примечательных и легендарных событий, показавшим народную гордость, честь и славу.

Прошли века... былым сраженьем
Гордится древняя земля.
И все взирают с уважением
На Аварайрские поля!..¹

Но заслуги Ю. Веселовского—критика, переводчика и поэта—не ограничиваются упомянутым. Неутомимый труженик и поборник дружбы и братства, он с каждым разом все шире и глубже знакомил русскую общественность с армянской литературой. Так, «Русская мысль» в 1901 году напечатала его пространный литературно-критический очерк «Армянская поэзия XIX в. и ее происхождение»². Определив задачи очерка: «дать общую, беглую характеристику дарования всех более или менее заметных армянских поэтов», Ю. Веселовский объективно усматривает истоки современной армянской поэзии в народной песне, возникшей еще в эпоху язычества, претерпевшей определенные изменения во время утверждения христианства и вновь заметно расцветшей за последние два столетия в «устах ашугов». Значи-

¹ Стихи цит. по кн.: А. Давтян Ю. Веселовский и армянская литература. Ереван, 1970, с. 276—296.

² «Русская мысль», 1901, кн. 12, с. 97—123.

тельные изменения произошли и в области стихосложения, и на смену древнеармянскому пришел новоармянский язык.

В армянской литературе Веселовского в равной мере интересовали как вопросы отображения отдельных тем в ней, так и вопросы ее пропаганды. Поэтому понятен его сдержанный подход к характеристике и оценке творчества поэтов младшего поколения, поэзия которых рассматривалась критиком в связи с исторической эпохой.

Веселовский указывал на некоторое влияние на них творчества русских поэтов. Обозрев армянскую поэзию XIX века, он признавался, что не хотел «возвеличить во что бы то ни стало эту поэзию, возводить ее в перл создания...». Веселовскому хотелось показать, «что она все же заслуживает внимания, может представить безусловный интерес для русской публики и литературных деятелей. Живя в близком соседстве с армянами (вспомним, что число русских подданных армян равняется приблизительно миллиону), мы не можем совершенно индифферентно относиться к их умственной жизни и художественному творчеству!»¹—писал он.

Армянская литература 50—60 гг. XIX века пережила новый подъем. Издание романов «Раны Армении» Х. Абовяна, «Сос и Вардигер» П. Прошяна, поэмы «Смерть храброго Вардана Мамико-

¹ «Русская мысль», 1901, кн. 12, с. 123.

няна» Р. Патканяна, пьес Г. Сундукяна, основание в Москве журнала «Юсисапайл» («Северное сияние») и т. д. сыграли важную роль в развитии новой армянской литературы. Некоторые молодые армянские писатели оказывали помощь издателям журнала Ст. Назаряну и М. Налбандяну. В их числе были Раффи, С. Шахазиз и другие.

Русская критика в начале XX века сделала новый шаг в оценке армянской литературы. Вместе с осмыслением некоторых общих тем началось изучение творчества отдельных писателей и поэтов. Правда, такой опыт уже существовал. И тем не менее, создавались новые монографии, что свидетельствовало о возрастании значимости армянской литературы для русской общественности и восприятию поставленных ею проблем.

Таким образом, заслуги Ю. Веселовского в вопросах отображения армянской действительности, критического осмысления армянской литературы и ее пропаганды трудно переоценить.

Веселовский является первым издателем сборников армянской литературы на русском языке, первым русским автором, систематически изучавшим в течение всей своей жизни армянскую литературу и публиковавшим критические статьи о ней. Его публикации не потеряли своей актуальности и научной ценности и в настоящее время. Работы Ю. Веселовского, нам кажется, явились значительной притягательной силой для русского читателя к армянской духовной культуре.

В статье «Чего ищет сейчас русский читатель в армянской литературе?»¹ критик выдвинул ряд актуальных вопросов, которые получили свое разрешение лишь в советское время. Веселовский отметил, что в начале XX века уже было достаточное количество переводов из армянской литературы, а исторические события конца XIX — начала XX вв. заострили внимание на самой Армении. Поэтому русскому читателю нужны произведения, в которых «полнее и ярче отразилась армянская жизнь, откуда можно больше узнать о той стране, с которой были связаны исторические судьбы армянского народа. Настоящее положение вещей можно вкратце определить так: русский читатель ищет в армянской литературе самих армян!».

Ю. Веселовский выдвинул идею создания сборника армянской литературы, в котором были бы сочинения авторов разных времен, чтобы можно было «показать русскому читателю подлинную Армению и подлинных армян». Именно это считал критик «главной задачей подобной книги».

В 1917 г. Ю. Веселовский написал статью «Страдающие дети»², в которой раскрыл мученическую долю армянских детей—жертв турецких тиранов. С глубокой скорбью рассматривает Веселовский литературу по этому вопросу, содержа-

¹ «Армянский вестник», 1916, № 40, с. 4—6.

² Там же, 1917, №№ 39—40, 41—42.

шую факты чудовищных издевательств над беззащитными детьми в 90-х гг. XIX в. и в последующие времена. Он подчеркивает, что «страдания детей дошли до крайних пределов. Бесчисленные юные существа, погибшие в пору избиений и погромов, красноречиво свидетельствуют о том, что злополучным армянским матерям приходилось, как и раньше, выносить свою скорбную и мучительную Голгофу».

Ю. Веселовский предложил составить для потомства «Книгу армянского ребенка», куда «должны войти все фактические данные, которые разбросаны были по различным периодическим изданиям».

Документальные материалы о многочисленных насилиях и издевательствах над детьми, их истреблении рассмотрены в пространной статье Ю. Веселовского. Мы ограничимся лишь одним типичным примером, содрогающим рассудок и наглядно демонстрирующим мученическую участь армянских детей. Он пишет, что изнасилованная «двенадцатилетняя беременная девочка вполне сознавая весь ужас своего положения, терзалась мыслью о том, что отцом ее будущего ребенка является гнусный насильник, враг ее народа»¹

Ко всему сказанному выше следует добавить, что в 1896—1899 гг. Ю. Веселовским были написаны и помещены по его предложению в «Энци-

¹ «Армянский вестник», 1917, №№ 41—42, с. 4.

клопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона восемь статей об армянских писателях: Рафаэле Патканяне, Перче Прошяне, Раффи, Акопе Паро-ияне, Степаносе Назарянце, Микаэле Налбандяне, Мхитаре и мхитаристах, Хримяне.

А что привело Ю. Веселовского к изучению, защите и пропаганде армянской духовной культуры?

Еще в конце XIX в., в гимназические годы в Московском Лазаревском институте восточных языков, у юного Веселовского, постоянно общавшегося с гимназистами и преподавателями-армянами, возник интерес к загадочной для него стране—Армении. Тогда он написал цикл вдохновенных стихов об Армении, которые были помещены в рукописном журнале «Горц», но опубликованы в печати лишь в советское время¹.

Его художественные сочинения об Армении пронизаны одной общей идеей — гуманизмом. В стихотворении «К армянам» повествуется о героических страницах исторического прошлого армянского народа. Поэт признается, что хотя он

...не родился там, где вы могли родиться,

Востока жаркий луч меня не согревал.

Нет! В северной стране я должен был томиться,

Но я далекий край любить не перестал.

Он вдохновлял меня: меж трудностей науки

¹ См.: Давтян А., Ю. Веселовский и армянская литература. Ереван, 1970, с. 276—296.

Он для меня светил отрадную звездой,
Я видел новый свет, другие слышал звуки,
И я стремился вдаль восторженной душой.

В обращении к армянам поэт не без гордости признается в том, что хоть он и северный поэт, но готов воспевать полюбившуюся ему восточную страну:

А вы, рожденные под ярким солнца светом,
Узнайте, что в глуши, средь северных лесов
Я не могу никак быть северным поэтом,—
Восточную страну я воспевать готов.

К ранним сочинениям Ю. Веселовского относятся стихи того же цикла—«Старый армянин к маленькому сыну», «Армянскому народу», «Ты знаешь край...», «Перед портретом Вардана Мамиконяна» и др.

Особой поэтической выразительностью и силой наделены стихи Ю. Веселовского, написанные в зрелые годы:

Есть древний край — о нем давно забыли,
Но вспомнить вновь судьбу его пора!
О, тяжелы его страдания были...
Он смерти ждал — но дожил до утра.

Это четверостишие из стихотворения «Армения», написанного в 1911 г. В нем Ю. Веселовский проявил себя знатоком истории многострадального народа. Стихотворение звучит особо актуально. Поэт отобразил в нем «былые дни» «немых раз-

валин», «грубый гнет» тиранов, «порывы и мечты» счастливых лет армянского народа, сыны которого всегда «отважно рвались в бой», и сквозь мученья открывался им «новый путь».

Пусть злобен враг, — и, как в былые годы,
Твоих детей несчастных льется кровь:
Армянский край, ты долго ждал свободы,
Твой близок день... он не померкнет вновь!

Трагичны и горьки размышления армянского узника, описанные в стихотворении Ю. Веселовского «Из поэмы. Думы армянского узника», опубликованном в «Армянском вестнике» в 1916 г. (№ 3).

Автор показал мучительную тоску и притеснения рожденного в угнетенной Армении и попавшего в «сырую темницу» человека — «героя-борца», который с давних пор неоднократно был свидетелем мук и зла, чинимых врагом на его родине. Строй мыслей, переживания и чувства попавшего в заточение к врагу армянина—всецело отражение чаяний угнетенного народа. В тюрьме турецкого султана узник вспомнил «заветный берег Вана», и родина его, Армения, воскресла перед ним. Он с горечью представил, как безвинно текла алая кровь его братьев, а «светлая память отцов» будила «умы в отчизне угнетенной», чтобы не щадить «безжалостных врагов». Узник убежден: не вечен гнет палачей, и свобода должна прийти, только нужна борьба, и свободу надо любить го-

рячей. Ведь много же борцов-армян, их призыв разнесется по стране, и воскреснет «героический дух отцов»:

Он умрет, бесстрашный, благородный,
Храня в душе надежды юных лет;
В своих мечтах он видит край свободный,
Он смело даст мучителям ответ!

Таким образом, Ю. Веселовский—первый русский деятель культуры, целенаправленно и системно изучавший армянскую литературу. На протяжении всей жизни он был ее активным пропагандистом в среде русского читателя. Его деятельность на этом поприще—пример взаимопонимания двух народов, гуманизма и интернационализма. Работа Ю. Веселовского создала возможность для русского и шире—русскоязычного—читателя ознакомиться с богатой древней культурой армянского народа, укрепляла его дух в трудные времена.

Межнациональная травля и протест русской литературы против геноцида армян

Начало XX века ознаменовалось в России подъемом революционного движения, а в судьбах армянского народа—усиливающейся трагедией, продолжавшимся массовым избиением армян. В этих условиях многие прогрессивные деятели мира искали пути оказания помощи многострадальному

армянскому народу. В их числе было много русских. Опыт общения русских и армян показывал необходимость активного развития и расширения контактов двух народов в различных областях жизни. Все заметнее и чаще фигурировало слово «Армения» в русской периодике, шире и глубже становился интерес русских как к Армении, так и к армянской духовной культуре.

В 1905 г. царские власти спровоцировали татарско-армянскую резню в Баку (6—9 февраля) и Эривани (6 марта), а также в других местах. Резня неоднократно возобновлялась и в июне 1905 г.

Многие прогрессивные деятели России, осудив эти варварские погромы, выступили в защиту межнационального равенства и мирного сосуществования народов. Резко осуждая политику межнациональной розни, **В. И. Ленин** неоднократно выступал в защиту армян. В предисловии к брошюре «Докладная записка директора департамента полиции Лопухина» в феврале-марте 1905 г., разоблачая политику царского самодержавия, направленную на разжигание межнациональной и расовой вражды, он писал: «Именно так поступает теперь правительство, натравливая татар на армян в Баку...»¹ А в апреле того же года в листовке «Первое мая» подчеркивал: «Царское правительство старается натравить один народ на другой, оно устроило побоище в Баку, наклеветав та-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 333.

тарам на армян...»¹ Тогда же редакция газеты «Баку» обратилась к великому русскому писателю М. Горькому с просьбой откликнуться на современные кавказские события и дать им оценку.

В ответной статье «О кавказских событиях», «написанной языком революционной прокламации» и по цензурным соображениям опубликованной в отрывках 15 июля 1905 г., великий пролетарский писатель резко осудил межнациональное подстрекательство. Горький отмечал: «...бывая на Кавказе, я всюду видел, как дружно и мирно работали грузин с татаринном и армянином, как детски весело и просто они шутили, пели и смеялись, и как трудно поверить, что эти простые, славные люди ныне тупо и бессмысленно избивают друг друга, подчиняясь подстрекательской их злой и темной силе»².

Великий гуманист Горький глубоко верил в силу разума и был за то, чтобы народы сами избирали себе форму жизненного уклада. Его одинаково волновала судьба русских, евреев, поляков, финнов, армян, грузин и других. Он осуждал ту

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 83.

² Ответ М. Горького «О кавказских событиях» по цензурным соображениям был опубликован в отрывках 15 июля 1905 г. в газете «Баку» с примечанием: «Редакция лишена возможности привести письмо целиком по независящим от нее обстоятельствам». Полностью отдельной брошюрой статья вышла в 1905 г. в Женеве. См.: Горький М. Собр. соч в 30-ти т., т. 23. М., 1953, с. 337—340:

кучку людей, которая ради сохранения своей власти разжигала межнациональную вражду, «открыто науськивала, как собак, русских на евреев, поляков и финнов; татар на армян и грузин, отупевшего от голода, забитого мужика на студентов и даже детей!» Горький осуждал гнусную борьбу, которая велась в России «против стремления к свету и новой жизни». Он абсолютно справедливо вопрошал:

«...Рука, которая вчера разбила череп армянина или еврея за то, что они сознали себя свободными людьми раньше русского или татарина, — кто скажет, на чью голову опустится завтра эта рука?» Спасение народов от «слепых взмахов и ударов» Горький видел только в одном: «Нужно только, чтобы все лучшие люди Кавказа и Финляндии, Польши и России, — писал он, — соединились в одну семью друзей-борцов, в дружину честных и бесстрашных... Все люди, — татары, русские, армяне и евреи, поляки и финны — все хотят одного — жить лучше, чем им живется».

Эти мысли М. Горького получили развитие в романе «Мать», отобразившем революционные события 1905 г., где впервые в русской художественной литературе широко показано пробуждение народных масс. Поднимались на борьбу отсталые слои общества, вовлекая в нее представителей трудящихся и других национальностей: «Собирай, народ, силы во единую силу!» В романе ярко выражена идея братства и солидарности трудящих-

ся¹: «В тесной комнате рождалось чувство духовного родства рабочих всей земли, — пишет Горький. — Это чувство сливало всех в одну душу, волнуя и мать; хотя было оно непонятно ей, но выпрямляло ее своей силой, радостной и юной, охмеляющей и полной надежд.

— Какие вы! — сказала она хохлу как-то раз. — Все вам товарищи — армяне, и евреи, и австрияки, — за всех вам печаль и радость!»²

Является ли это упоминание об армянах, евреях и австрийцах случайностью у Горького? Нет, конечно. Здесь, нам кажется, проявился гуманистический характер русской литературы, которая

¹ Заметим, что роман М. Горького «Мать» имел сильное влияние на читателей и получил широкое распространение как в России, так и за рубежом. В 1907—1909 гг. его переводы публиковались на многих языках (английском, немецком, французском, итальянском, датском, болгарском, сербском и др.). В зарубежной армянской периодической печати в 1908 г. также публиковались переводы глав из романа «Мать». Поступавшие в Россию публикации на иностранных языках, как и русские издания романа «Мать», не допускались к обращению. Так, согласно докладу цензора Г. К. Чарыхова от 18 июня 1908 г., были изъяты из обращения №№ 19, 20, 21 и 22 армянской газеты «Айренник» (Бостон); по его же докладу от 18 ноября 1908 г. об армянской газете «Манзумен эфкар» (Константинополь) были также изъяты из обращения ее №№ 2236, 2238, 2241, 2242, 2245, 2247 и 2270 (см. сб.: М. Горький. Материалы и исследования, т. III, М.-Л., 1941, стр. 425—427).

² Горький М. Собр. соч. в 30-ти т., т. 7, с. 221.

одинаково для всех народов несла на своих страницах освободительные идеи.

Кавказские события начала века были осуждены и прогрессивными политическими организациями России. Так, проходящая в Риге 7—9 сентября 1905 г. Конференция Социал-демократических организаций в России по поводу событий на Кавказе приняла четкую однозначную резолюцию: «Политика натравливания одной национальности на другую за последние годы сделалась в руках правительства главнейшим орудием борьбы с революционным движением пролетариата и в недавних кавказских событиях достигла своего апогея, вылившись в кровавую резню между армянами и татарами»¹.

По поводу февральских событий 1905 г. в Баку открытое письмо написал бакинскому губернатору князю Накашидзе Александр Новиков. Оставшись неизвестным по долгу службы и роду занятий, он вскрыл в своем письме подлинные причины армянской резни, прямо указал на виновников кровавых событий. Письмо было распространено в рукописи. Копию получил и Л. Толстой. До сих пор оно не публиковалось. Ал. Новиков писал:

«Вся Россия, весь мир содрогнулся от ужаса, когда узнали про события 6—9 февраля в Баку.

Россия ищет и не может найти, кто виноват в бедствии. Долг того, кто знает виновника, ука-

¹ КПСС в резолюциях.. т. I. М., 1983, с. 161.

зять на него открыто. Иначе он сделается его укрывателем. Я его знаю и считаю священной своей обязанностью без обиняков назвать его. Вп-новник резни — вы.

Вот основания, на которых я возвожу это обвинение, которое берусь доказать.

1) Все полицейские, солдаты, казаки, когда их просили спасти погибающих, поименно в один голос отвечали: «Нам не велено». Некоторые из них сами негодовали, что принуждены бездействовать и с оружием в руках смотреть, как избивают невинных.

2) Вы и ваш помощник, полицмейстер Деминский, с многочисленной охраной казаков разъезжали по городу и вместо того, чтобы разгонять громил, нарочно уезжали, как бы торопясь в другое место, чтобы дать убийцам довершить свое кровавое дело. Между тем, доказано, что появление двух казаков или пяти вооруженных армян было достаточно, чтобы убийцы разбежались.

3) Вы отталкивали взывавших к вам о спасении и когда Лалаев и другие при вашем приближении с восторгом думали, что спасены, вы на них же набросились с заведомо ложным обвинением, что они стреляют и тем вызывают месть.

4) Вы с вашей свитой подъезжали к громилам, ласково с ними разговаривали, а иногда даже приказывали возвращать им оружие, по ошибке отобранное у них казаками.

5) Вы отказывались давать письменные пред-

ложения военным властям прибегать к оружию и ограничивались словесным распоряжением, зная, что вам не поверят на слово.

Этого достаточно, чтобы считать вас не только попустителем преступления, но и пособником убийц, а при вашем высоком положении в Баку, и душою этого неслыханного погрома. Каин, что ты сделал с братьями твоими!

Но как трус, вы все время лгали, притворяясь что у вас нет достаточных сил, чтобы действовать, обманывая общество, что вы дали приказ пустить в ход оружие, проливая даже иногда крокодиловы слезы.

Вы не погнушались сделать попытку обмануть общество, как будто представив официальную просьбу о гласном расследовании дела в присутствии представителей общества, хорошо зная, что такого суда вы не получите.

Ваши сообщники Деминский, Хамицкий, Бородин лучше вас. Им стало совестно смотреть людям в глаза после преступления, в котором они играли лишь второстепенную роль. Они ушли. Вы остались в Баку, вы — главный пеступник. Вы принимаете людей, вы созываете совещания.

Вы хуже Каина, ибо Каин убил Авеля и не коснулся следующих поколений, а вы постарались на многие поколения посеять семена вражды между дружественными народностями, живущими в Баку. И лишь благоразумие их может расстроить ваши гнусные планы.

Вы хуже Иуды, ибо Иуда, совершив ужасное дело, раскаялся, пошел и удавился, а вы находите возможным жить после всего вами содеянного..

Да будет ваше имя презренно на веки.

Александр Новиков»¹.

Не осталась в стороне от осуждения варварского отношения к армянскому народу и революционная печать России. Газета «Правда» в статье «Турецкие события» вскрыла и осудила коварные замыслы младотурецких головорезов. В июне 1912 г. она писала: «Младотурки с первых же шагов, словно нарочно, стали отталкивать от себя симпатии народов Оттоманской империи. Они обнаружили все пороки и слабости либеральной буржуазии, а с другой стороны — весь деспотизм военно-офицерской касты, ставшей у власти. Либеральничая на словах, на деле они полны были черносотенным национализмом самой крепкой марки и черствым буржуазным эгоизмом; к народу, о котором, казалось, они так пеклись, они питали страх. Всякая самостоятельность широких кругов населения встречала с их стороны недоверие и препятствия. Обещанные реформы, которые хотя сколько-нибудь облегчали положение обнищавшего населения, занимались игрой в честолюбие и темными делишками, чем окончательно роняли себя во мнении народных масс...

¹ Оригинал хранится в ГМТ. БЛ 172/7.

Их стремление отуречить славян, армян, евреев, греков и т. д., населяющих Оттоманскую империю, приняло еще более грубый и настойчивый характер, чем при Абдул-Хамиде»¹.

Таким образом, чинимые над армянским народом зверства нашли отклик не только в сердцах отдельных прогрессивных деятелей, но и в прогрессивных политических организациях и печати России. В русско-армянских отношениях это было новой волной борьбы за социальную справедливость и межнациональное равенство.

Постоянные притеснения и истребления армянского народа в конце прошлого и в начале XX в. получили широкое воплощение в художественной литературе. В дореволюционных рассказах И. А. Бунина «Тень птицы» (1907), «Петлистые уши» (1916), стихотворении «Вдовец» (1908), как и во многих произведениях последующей поры, встречаются весьма любопытные и своеобразные по характеру упоминания о Кавказе, об Армении.

В рассказе «Петлистые уши» главный герой, «выродок» (так сгоряча он называет себя) Адам Соколович, заводской рабочий, весь вечер в петроградском дешевом ресторане с двумя матросами пил из чашки под видом чая «кавказский коньяк». Начатый с осуждения житейских беспорядков разговор собеседников склонился к проблеме безнаказанности за совершаемые преступления. И

¹ «Правда», 1912, 27 июня, № 76.

кому известно, мучает ли совесть тех, кто совершает их. Соколовitch вспоминает кошмарные страницы древней истории, варварства, инквизицию и злодеяния ассирийских царей. Утверждает, что аналогичными кошмарами полна и современная жизнь. «Как вы думаете, Левченко, — спросил Соколовitch, снова поднимая строгие глаза на матросов, — мучились все эти господа муками Кайна или Раскольникова? Мучились всякие убийцы тиранов, притеснителей, золотыми буквами записанные на так называемые скрижали истории? Мучаетесь ли вы, когда читаете, что турки зарезали еще сто тысяч армян...»¹.

Озабоченный проблемой межчеловеческих взаимоотношений, Бунин устами безнравственного и далеко неблаговоспитанного героя осуждает всякие кровавые преступления над человеком. А «тяжелая» фраза — «турки зарезали еще сто тысяч армян» — взята из реальной действительности, она свидетельствует об избиении армян в 1915 г. и клеймит злодеяния турок.

Известно, что против геноцида армян вместе с такими прогрессивными деятелями культуры, как А. Франс, М. Горький, Р. Роллан, С. Городецкий, К. Либкнехт, Ю. Веселовский и др., подал свой гневный голос протеста и писатель-академик И. Бунин.

¹ Бунин И. А. Собр. соч. в 9-ти т., т. I. М., 1965, с. 314.

Современное положение и историческое прошлое армянского народа были хорошо известны И. Бунину. По случаю 25-летнего юбилея в 1912 г. в ответном слове на приветствие Ал. Цатуряна он сказал: «Я пламенно люблю Солнце и Восток! Армянский народ некогда, в очень давние времена, тоже поклонялся Солнцу и сегодня в своей тяжелой жизни тянется к Солнцу. Я глубоко тронут и благодарен Вам за то, что Вы на моем скромном празднике поздравляли меня на языке этого древнего восточного народа...»¹.

Таким образом, обрета пристанище в России, армяне быстро осваивались в русском обществе, вовлекались в жизнь окружающей среды и действовали согласно своему трудолюбию, темпераменту, уменью, сноровке и характеру, с пользой и для себя, и для России. Именно так раскрывалось отношение армян к России, к идеалам русских.

Поэтому в канун Октябрьской революции, как естественный итог, армяне нравственно уже были готовы к своему социальному переустройству.

Второе десятилетие XX века в судьбах Турецкой Армении стало поистине трагическим. Погромы армян, начатые еще в XIX веке, переросли в 1915 году в геноцид. В ответ на это прогрессивные деятели многих стран выступили в защиту армян. Одни осуждали эти погромы в письмах к

¹ См.: Связи армянской литературы с литературами народов СССР. Ереван, 1975, с. 142—143.

своему правительству и взывали к помощи, другие выступали и клеймили преступные деяния османских палачей в прессе¹, третьи осуждали эти мрачные, ничем не оправданные события в произведениях художественной литературы. Примечательно, что подавляющее большинство выступлений в защиту армян было наполнено оптимизмом и надеждой на помощь. И эта помощь пришла из России.

Накануне Октябрьской революции армянская действительность все больше занимала русских деятелей культуры. Уроженец Тифлиса **Василий Немирович-Данченко** — сын русского офицера, военный корреспондент, автор многих публицистических статей, прозаических и поэтических произведений, — написал ряд сочинений об Армении. Как участник русско-турецкой (1876—1877 гг.) и первой мировой войн, он не раз был свидетелем зверских погромов армян. В его сочинениях — раздумья и осуждения, поиски и надежда, любовь и разлука, родина и изгнание, — одним словом, горькая участь армянина, какой она в действительности и была.

В глубоко публицистическом стихотворении «За что?» Немирович-Данченко вопрошает: за что нарушился «благословенный труд» деревень Армении? Поэт клеймит тех, кто «тешится над жертвенным народом», призывает к помощи унижен-

¹ См.: Геноцид армян в Османской империи.

ным и притесненным. Этот народ могло бы спасти повиновение, но он избрал «апостольскую казнь».

Утверждая единство своего «я» с армянским народом, лирический герой стихотворения выступает с суровым протестом, бичует тиранов, защищает армян:

Мы на Голгофу шли с восторженной любовью.

И в темные века боролись мы одни.

Могли бы напоить мы ад своею кровью.

И погасить багровые огни.

А унижения мучительного плена?

А пытки, а позор, а горе и боязнь?

О, нас спасли бы всех предательство, измена,

Но мы—мы выбрали апостольскую казнь.

Надгробный слышен плач над братской и великой

Могилою армян и погребальный звон...

Стыдитесь! Жалок смех вражды и злобы дикой

В благоговейный час народных похорон¹.

В 1916—1917 гг. «Армянский вестник»² опубликовал написанные по горячим следам трагиче-

¹ «Армянский вестник», 1916, № 47, с. 14.

² «Армянский вестник»—еженедельный общественно-политический журнал, посвященный вопросам армянской жизни, был основан в начале 1916 г. Московским армянским комитетом и просуществовал до весны 1918 г. Его целью было доводить до русской читающей публики страницы прошлого армянского народа, публиковать современные материалы общественно-политического и публицистического характера, художественные произведения об армянской действительности и освещать вопросы из национальной жизни армян. Это было одно из интереснейших периодических изданий, публиковавшее богатый и разнообразный материал из жизни «малых» народов России.

ских событий стихи Немировича-Данченко «За что?», «Маленькие поэмы», «Песни об Армении», «Молитва эмигранта», «Весною» и другие. Эти стихи пронизаны одной общей идеей, выражающей стремление армянского народа обрести национальную свободу и независимость, остановить погромы и избиения.

Жестокие преследования разбросали армян по всему миру. Факты горькой действительности получили образное выражение в страстном и злободневном поэтическом слове Василия Немировича-Данченко.

Герой стихотворения «Молитва эмигранта»¹ помнит «чудесные сады» своей родины, но зверская сила сразила и свела в могилу многих мирных жителей, разорила их счастливые очаги. Вся страна стала «печальным саркофагом».

Первая часть стихотворения о том, что «неистовствовал враг» и лилась, «как вино, святая кровь», что Армения пережила жестокие удары многих «подлых рук» и из прекрасного края превратилась в «черный ад». И тем не менее, Армения жива, жива красота ее природы, и в ее «тишине священной» звучит «родная песнь» с душевным жаром «славных предков», слезами матерей и «кличем грозы военной». Стихотворение пронизано идеей заботы о человеке, о национальной сво-

¹ «Армянский вестник», 1917, № 1, с. 9.

боде. Автор готов разделить тяжелую участь многострадального народа:

Армения! Ты слышишь ли набат?
Твои ли шелестят знамена издалека?
Прими меня, многострадальный брат,
Без злого ропота и позднего упрека...
Я весь остыл в холодной стороне.
Вдали я забывал тоску родимых песен
И мать, чья кровь горячая во мне...
И край, мой отчий край казался чужд и тесен...
Голгофою Армении родной
Явилось прошлое... И лучше мне, как брату,
Быть на кресте мучительном с тобой,
Чем мстительно кричать: «Распни ее» Пилату...

События 1915 г., свидетелем которых был Немазович-Данченко, легли в основу стихотворения «Весною». Автор рисует весеннюю природу Армении, когда распускаются розы, благоухают сады, когда «загорается» цветок граната и дарят прохладу платаны. С этой гаммой красок «пышного Востока» резко контрастирует «печаль сожженных деревень». Даже в солнечные весенние дни, когда все оживало кругом, не утихали муки армянина. Терпеливо надеясь, он ждал «зарю победы», вести о которой шли издалека, с «туманного Севера» и таили в себе «молниеносные огни». Поэт сознавал, что для армянина лучше было встретить смерть в бою, «чем гнить» в неволе:

Мы верим, близок час расплаты!
За ружья, в строй! Воскресший брат,

¹ «Армянский вестник», 1917, № 1 с. 9.

Ты слышишь дальние раскаты, —
Побед обещанных набат?...¹

Картины мирной жизни, а затем и печальной действительности нарисованы в «Маленьких поэмах»² Немировича-Данченко. Поэма двучастна. В ней переплетаются личное с общим, радостное с трагичным. Первая часть, «На берегу Евфрата», полна лиризма, душевной теплоты, но вместе с тем и описаний погромов и пожарищ. Лирический герой — девушка. Она вспоминает свой старый дом на берегу Евфрата и мирные дни, когда «тонкорунных коз пасла», а по вечерам слушала «свирель тоскующую брата»; вспоминает, как мать после знойного дня рассказывала ей о «радостях смиренных деревень», «о старине седой», о «праведных царях», как армяне верили, что «ни мести, ни захвата не будет в тишине благословенных мест». И вдруг в этот покой врывается толпа бегущих женщин и детей — из Аданы, Лаллы, Эйменэ, Таша и Метли. Их преследовала злая смерть. Тогда люди взялись за ружья. Но что они могли сделать?

Полегли «отцы и братья», «корчилась земля». «Спасаться пришлось всем. Потеряли друг друга родные, сгорели отчие дома. Девушка, «цветок семьи», осталась одна у «дедовских могил». Ее сгоревший дом

¹ «Армянский вестник», 1917, № 9, с. 12.

² Там же, 1916, № 45, 47.

Стоял... на берегу Евфрата...
Истлела алых роз святая красота,
Я умирать пришла в последний час заката—
На пепелище их... Но я душой чиста!
Я жертва за тебя, о родина, святая,
Прими мой смертный миг...¹

Во второй части «Маленьких поэм», озаглавленной «У берегов Евфрата», повествуется о происходящих мрачных событиях уже у берегов Евфрата. Сам заголовок указывает на раздвинувшиеся географические рамки событий. Лирический герой этой части — ополченец. Находясь в «песках чужих пустынь», он ищет овееянное славой знамя своей дружины. Ему снятся «благоуханные долины». Изгнанный из дома, он сознает безвыходность своего положения. Для него нет возврата в «далекий край своих могил». Но он убежден, что

Воскреснет родина моя!
А я — боец ее плененный,
Любовь и ненависть тая,
Умру в пустыне отдаленной.

Уезжая из Западной Армении, поэт не остался безучастным к судьбе поработленного народа. Его не покидало чувство сострадания, он навсегда сохранил в сердце армянскую песнь, в которой все-народная печаль и радость, тоска и веселье, любовь и разлука:

¹ «Армянский вестник», 1916, № 45, с. 13.

Я уношу с собою в даль.
Где солнце, счастье и свобода,—
Несчастной родины печаль
И песнь воскресшего народа¹.

«Несчастной родины печаль» — тема и прозы Немировича-Данченко.

Горькая участь армянки глубоко и сочувственно раскрыта им в рассказе «Армянка Гаянэ». Не подчинившаяся злему мусульманскому адату, девушка-армянка покончила жизнь самоубийством, дабы не стать гаремной наложницей.

Несколько стихотворений, отображающих трагедию армянского народа, напечатал в «Армянском вестнике» в 1916 г. поэт **Степан Кроткий**. Поводом для их создания явились наблюдения автора в тоскливых городах, чудесных долинах, бедных и разоренных селениях, — всюду, где поэт слушал чарующие песни и ощущал, как жаждет Армения «воли с давних пор», как готова она «взмахнуть рукой» ради своего счастья, как «зрел час» судьбы, который пробьет и о котором будет говориться в преданиях:

И пробил час, дарованный судьбой!
И на горах твоих спасенья бой!
И воля, счастье над твоей межой!
Армения, тебя люблю—тебе чужой!
(«Привет Армении»)².

¹ «Армянский вестник», 1917, № 3, с. 9.

² Там же, 1916, № 20, с. 8.

Полно сочувствия и надежды стихотворение С. Кроткого «За счастье родины»¹. Поэт выражает глубокие чувства сострадания к несчастной стране — замученной, но прекрасной и любимой для него Армении. Он утешает олицетворенную Армению, верит в ее возрождение:

Армения, страдалница!
Настанут счастья дни,
И твой народ избавится
От ужасов резни.
Армения, несчастная!
Душою ты воспрянь!
Пора пройдет ужасная,
Как игу диких дань.
Армения, прекрасная!
Ты слышишь сыновей?
Их речи, зовы страстные,
Желанья лучших дней?
Армения! любимая,
То сыновья твои!
Всегда с тобой, родимая,
Страдают и они...
Армения, кормилица!
Увидишь счастья дни!
Конец страданий близится—
Придет с концом войны.

Вместе с многими сторонами армянской действительности русские авторы, пожалуй, больше всего описывали многовековую культуру армянского народа, его унижения, гонения, притеснения

¹ «Армянский вестник», 1916, № 32, с. 13.

и его надежду на спасение. Это характерно было и для **Якова Барановского**. В стихотворении «Армянскому народу» он искренне сочувствует народу, который прославил себя 3 веках, о котором нужно слагать песни и который никогда не терял надежды обрести свободу:

Но близок яркий день свободы:
Тот день, что кажется мечтой,—
Он даст армянскому народу,
Что завоевано борьбой!¹

Трагические события, происходящие на территории Армении во втором десятилетии XX века, получили воплощение в художественном слове многих русских писателей и поэтов. Об этих событиях писали В. Брюсов, С. Городецкий, К. Бальмонт, А. Кулебякин, Ю. Верховский, Е. Алексеева, Е. Сырейщикова, К. Саянский, Х. Бахчисарайцев и многие другие. Каждый из них внес свою лепту в дело отображения армянской действительности в русской художественной литературе, в дело расширения ее интернационального характера.

Война России с Турцией в 1914—1916 гг. привела в Армению и генерала русской армии **А. П. Кулебякина**. Освободительная миссия русского солдата в этой войне вновь проявилась в судьбах армянского народа. 8 января 1916 г. Кулебякин благодарил судьбу за то, что она «дала возмож-

¹ «Армянский вестник», 1916, № 29, стр. 9.

ность увидеть» эту прекрасную, хотя и разоренную, страну, ее гениальные творения зодчества, «овеянные дыханием неразгаданной красоты», мужество изнуренного народа.

Пять месяцев прожил Кулебякин в Западной Армении, в Ване. «Невыразимо тяжелое настроение, — пишет он, — навевает этот дотла разоренный, насыщенный смертью край, но природа его скрашивает даже ужас запустения и гибели. Красота синего озера Вана в серебряной рамке запорошенных снегом гор, прозрачность вод, ясность неба, чистота воздуха и богатство солнечных красок очаровывают душу каждого наблюдателя. Везде отпечаток величия и дрезности. И развалины, развалины без конца»¹.

Как полководец русской армии Кулебякин оказал немалую помощь угнетенным армянам. А как поэт он издал в «пользу пострадавших» от войны армян свои поэтические сочинения. Так, в 1916 г. вышла его книга «Отзвуки Вана», в которую вошли поэма «Дверь Мехера» и стихотворения.

Содержание легенды о Давиде Сасунском и Мгере Кулебякин взял из известных на армянском языке печатных текстов эпоса. А стихотворения написал «под непосредственным впечатлением виденных мест и слышанных рассказов». Армянская

¹ Кулебякин А. П. Дверь Мехера. Отзвуки Вана, 1916, с. 43.

передовая интеллигенция горячо приветствовала это издание.

В апреле 1916 г. «Армянский вестник» пишет: «Русский генерал Кулебякин во время своей поездки по Васпуракану изучил армянские легенды и, в частности, легенду о «Давиде Сасунском и дзери Мехера» с несколькими вариантами, которые переведены покойным Г. Халатянцем. Генерал Кулебякин написал поэму на русском языке в стихотворной форме под названием «Дверь Мехера». Узнав об этом прекрасном поэтическом труде и принимая во внимание, что это «поэтическое произведение дает цельное понятие русскому обществу, чтобы глубоко понимать и переживать красоту той поэзии, которую дала эта многострадальная страна (Армения)», как пишет автор, «Комиссия по восстановлению Армении» решила издать на свои средства это прекрасное произведение генерала Кулебякина и весь доход обратить в пользу пострадавших от войны»¹.

«Дверь Мехера» Кулебякина является частью одной из четырех ветвей (третьей) армянского народного эпоса «Давид Сасунский». Кулебякин обработал ее и издал в стихотворной форме как самостоятельное, поэтически цельное произведение с эпилогом, вступлением, четырьмя частями и заключением. Примечательно, что русский поэт правильно отобразил гиперболическую силу героев эпо-

¹ «Армянский вестник», 1916, № 7, с. 20.

са, их преданность родной земле и своему народу. Любопытно и то, что герой эпоса, Мгер, напомнил Кулебякину богатыря Святогора из русских былин. В своем изложении он несколько русифицировал содержание текста, хотя и сохранил национальные качества героя. «Дверь Мехера» знакомила русского читателя с ратными подвигами героической борьбы армян за свой народ в историческом прошлом, а в настоящем Кулебякин сам наблюдал примеры доблести в своем окружении и правдиво воспел их в стихах. «Армянские» стихи Кулебякина в основе своей документальны. Поэт был в Западной Армении в самые трагические дни истории этого края. Являясь свидетелем геноцида армян в 1915 г., когда боль и трагедия одного была всеобщей болью и трагедией, А. Кулебякин глубоко и сочувственно воспринял ужасную судьбу зверски истребляемого народа. 6 сентября 1915 г. газета «День» в корреспонденции «Из дневника турецкого врача» по поводу происходящих событий писала: «...Недавно здесь получена телеграмма от генерала Ч., отряд которого остановился возле Вана, но в город не мог войти вследствие трупного смрада. В телеграмме, между прочим, сказано: «Город Ван весь в развалинах. Лучшие постройки сожжены, а глинобитные разрушены. Улицы и дворы усеяны трупами армян и животных. Имущество разграблено и растаскано»¹.

¹ Геноцид армян в Османской империи, с. 354.

Но русский генерал-поэт был свидетелем и другого — героической всенародной самозащиты армян:

Бьются, милости не просят,
Все усилья напрягают.
Хлеб, патроны жены носят,
Дети взрослым помогают.

Однако в жестокой борьбе силы были неравны. Армяне бились за «свое существование», и часть из них кое-как сумела в апреле 1915 г. продержаться до прихода русских войск.

Жизнь поникла в древнем Ванае,
Гнев пылает, слезы льются.
Из последних сил армяне
В ожидании русских бьются.
(«Оборона Вана»)¹

1 мая 1915 г. в разоренном селе Корсот около Вана, во время привала, русские солдаты, казаки, добровольцы-армяне разбрелись по дворам. В одном из домов они обнаружили слепую обессиленную старуху, которая уже неделю лежала одна в смраде разлагавшихся трупов — зверски убитых сына, невестки, внуков:

С перерезанным горлом мужчина,
Молодая армянка в белье,
Две замученных девочки, мальчик
И младенец в кровавом тряпье.

¹ Кулебякин А. Дверь Мехера. Отзвуки Вана, 1916, с. 54.

Услышав шаги вошедших, старуха стала называть имена родных, недовольствуя при этом, что вот уже целую неделю оставили ее, беспомощную, голодную, одну. Она не видела зверства, совершенного над ее близкими, и постоянно повторяла «перебитых родных имена». Этот трагический случай, со слов уполномоченного Союза городов К. И. Амбарцумяна, Кулебякин воплотил в стихотворении «Слепая»:

Уцелела старуха слепая
Посреди перебитой семьи,
Несмотря на свое истощенье
И на дряхлые годы свои.

Мученическое состояние слепой старухи поразило вошедших в дом добровольцев-армян. Они были в оцепенении и не могли ей помочь. Да и возможно ли было? Они, подавленные, молча ушли, а затем, как показывает Кулебякин, один возвратился:

На полу шевелилась старуха,
Трупный запах чуть с ног не валил...
Армянин помолился, заплакал...
И не глядя ее пристрелил¹.

Такое тоже бывает... Пресекая страдания, поругания и мучения, доброволец «спасал» оскорб-

¹ Кулебякин А. Дверь Мехера. Отзвуки Вана, 1916, с. 84—85.

ленную душу. И это так правдоподобно! Жестоким поступком он утверждал гуманизм.

В июле 1915 г. русские войска ушли из Вана. Воспользовавшись этим, турки вновь активизировали свои действия. Начались ожесточенные бои, погибло много народу. Город окончательно был razoren и сожжен. Это было страшное зрелище:

Насмерть резались армяне,
В пламя женщины бросались,
Наконец в сожженном Ване
Лишь развалины остались.
(«Гибель Вана»)¹

В стихах Кулебякина показаны издевательства не только над человеком, нацией. В них нарисованы также картины razorenных армянских городов и сел. Факты трагической действительности переданы автором в рельефных поэтических образах:

Там кости людей на навозе гнилом,
Там кучи разрытого хлама,
Там тесный проулок, открытый пролом
И стены армянского храма...

Уродливо боком висят образа,
Валяется в хламе кадило,
И только алтарь боевая гроза
Местами еще пощадила.
(«Старый Ван»)²

¹ Кулебякин А. Дверь Мехера. Отзвуки Вана, 1916, с. 56

² Там же, с. 50.

В Армении злодейская рука поработителя обошла лишь природу, вдохновлявшую поэта, бессмертную красавицу-природу. Солнце также ярко светит и греет, как и раньше, гамма красок радует глаз, весна благоухает, а безмолвные свидетели дикого ужаса — горы, реки и поля — по-прежнему в грустном молчании «лаской» своей подают надежду на лучшие дни. Кулебякин очарован красотой озера Ван. Когда оно «бунтует» и шумит, ему кажется, что оно «аккордами таинственно гремит». Поэт слушает шум его прибоя, любит его волнами:

...когда за облаками

Нырнет солнышко, то прятась, то светя,

И волны пенятся, вскипая гребешками,

И ветер гонит их, вздымая и катя.

Оттенки синие, зеленые отливы,

И змейки золота, и вспышки огоньков,

И глубь призрачной живые переливы,

И отражения бегущих облаков...

(На Ванском озере)¹

Армения — страна «древних царей легендарной Урарту — Испуина, Менуаса и др.» — очаровала Кулебякина и редкими памятниками зодчества, в камне которых на протяжении веков воплотилась человеческая мудрость и сила. Монастырь X века на острове Ванского озера Ахтамар, хотя и осквернен врагом:

¹ А. Кулебякин Дверь Мехера. Отзвуки Вана, с. 61.

Все здесь пришло в упадок,—
Все ограбила война.
Но и этот беспорядок
Освящает тишина.

И тем не менее он, красавец-монастырь, молчаливо еще стоит на «обстроенной площадке»:

Купол острый восьмигранный,
Окна в рамках и карниз,
На стенах рисунок странный
И кругом богатый фриз.
(«Ахтамар»)¹

Радостно воспринимает поэт мастерство человека, сделавшего «узорчатые скульптуры», «орнамент золотой», ниши, фрески, купол, колонны, пристройки и одновременно печалит его, что «лики скорбные тоскуют о беде монастыря», судьба которого неразрывно связана с судьбою его прихожан — армянского народа.

Книга Кулебякина «несомненно представит большой интерес, — писал известный русский поэт С. Городецкий, — особенно теперь, когда Россия начинает узнавать и любить Армению»².

В 1916 г. корреспондент газеты «Русское слово» **Сергей Городецкий** приехал в Тифлис. Это был его третий приезд. Он бывал в Тифлисе в 1902 и

¹ Кулебякин А. Дверь Мехера. Отзвуки Вана, 1916, с. 72.

² Городецкий С. Об Армении и армянской культуре. Сост. И. Сафразбекян. Редакция и предисловие Г. Б. Гарибджаняна. Ереван, 1974, с. 55.

1908 гг. Тогда С. Городецкий гостил у своей сестры, муж которой состоял главным архитектором города. В Тифлисе он обратился в общество «Союз городов» с просьбой отправить его на фронт. Ему предложили поехать в Западную Армению, в г. Ван. Городецкий знал о происходящих там событиях, но отчетливо не представлял всей их глубины и масштабы и что он должен был там делать. Счастливая случайность свела тогда его, известного поэта, с Ованесом Туманяном. «В толпе собравшихся хлопотал худощавый высокий человек, принимавший активное участие в создании условий для отъезжающих в Ван на помощь беженцам», — напишет потом Городецкий. Узнав, что это был известный армянский поэт Ов. Туманян, С. Городецкий обратился к нему:

«Я еду в Ван. Я — поэт Сергей Городецкий.

— Мы знаем Вас... В Ван? Трудная дорога, трудное дело. От «Союза городов»? Что собираетесь делать?

— Не знаю.

— Собирайте и спасайте детей. Они там бродят, живут в развалинах. Одичали. Организуем приют».

Вечером Ов. Туманян пригласил С. Городецкого к себе домой. Увлекательная беседа об Армении, как признавался позже С. Городецкий, надолго запомнилось ему. Туманян рассказывал о гонимом смертью своем народе, который желает жить в мире и верит в помощь русских. Много го-

ворил он и о назначении поэзии и высоком призвании поэта.

«Вы — поэт. Вы едете в разоренную древнюю родину Армении, Напишите про нее.

— Я хочу, но я ничего не знаю.

— Вы — поэт. Поэзия и есть познание жизни. Иначе она не нужна. Вы увидите жизнь страшную, жизнь народа на краю смерти. Напишите про то, что увидите, — это и будет поэзия...»

Потом, в кругу гостеприимной семьи, Туманян произнес первый тост за дружбу Армении с Россией.

«Я ушел с этого вечера потрясенный и окрыленный, — продолжает Городецкий, — мой путь стал ясен мне»¹.

Через несколько дней, 13 апреля 1916 года, С. Городецкий написал и принес Туманяну стихотворение «Армении», которое, нам кажется, было исповедальным и стало программным в дружбе Городецкого с Арменией. В стихотворении поэт как бы заглянул в самого себя и мгновенно, на одном дыхании, излил свои трогательные и лиричные переживания. Прочтем его.

Как перед женщиной, неведомой и новой,
В счастливом трепете стою перед тобой.
И первое сорваться с уст боится слово,
И первую смущаются глаза мольбой.

¹ Городецкий С. Об Армении и армянской культуре, с. 79—80.

Узнать тебя! Понять тебя! Обнять любовью,
Друг другу золотые двери отворить.
Армения, звенящая огнем и кровью!
Армения, тебя хочу я полюбить!

Я голову пред древностью твоей склоняю,
Я красоту твою целую в алые уста.
Как странно мне, что я тебя еще не знаю,
Страна—кремень, страна—алмаз, страна—мечта!

Иду к тебе. Привет тебе! Я сердцем скорый.
Я оком быстрый. Вот горят твои венцы—
Жемчужные, алмазные, святые горы.
Я к ним иду. Иду во все твои концы.

Узнать тебя! Понять тебя! Обнять любовью,
И воскресенья весть услышать над тобой.
Армения, звенящая огнем и кровью!
Армения, не побежденная судьбой!

Плененный Арменией и потрясенный ее горем, Городецкий «вжился» в армянскую действительность и описал ее. Строка «И воскресенья весть услышать над тобой», как и идея всего стихотворения «Армении», тесно переплелась с идеей другого его стихотворения — «Россия», написанного несколько позже. Он знал, что Россия запела «с воле, братстве и любви к народам, гибнувшим в крови».

Стихотворение «Армении» стало вступлением к вышедшему в 1918 г. в Тифлисе сборнику С. Го-

¹ Городецкий С. Об Армении и армянской культуре, с. 3.

родецкого «Ангел Армении», который автор преподнес О. Туманяну с дарственной надписью: «Вам, светлый друг, я посвятил эту книгу не только потому, что я до корня сердца очарован вашей личностью, но и потому, что ваше имя — это идея, прекрасная идея армянского воскресения в дружбе с моей родиной»¹.

Встреча с Туманяном произвела на Городецкого глубокое впечатление. В письме от 24 апреля 1916 г. из персидского города Хоя на пути в Ван он писал: «В душе у меня начинается какая-то новая песня, первое начало которой положено в Тифлисе, в гостеприимном вашем доме»².

В тяжелые дни первой мировой войны Городецкий, как и многие другие русские деятели, встал на защиту Армении, оказывал посильную помощь пострадавшим. Он приехал в Ван и развернул большую работу в обществе «Союз городов» по организации спасения армянских детей-сирот.

Впечатления от увиденного и пережитого вылились в цикл остро публицистических художественных очерков и стихов, которые публиковались в газетах «Русское слово», «Кавказское слово», в журнале «Армянский вестник».

Неведомая и новая для поэта страна поразила его своими контрастами. Древность и красота

¹ Городецкий С. Об Армении и армянской культуре, с. 181.

² Там же, с. 80—81.

ее возбудили в нем «счастливый трепет». С. Городецкий полюбил Армению. Полюбил ее, растоптанную и разоренную, печальную и тоскующую. Он увидел «народное бедствие», людей, покинувших родные насиженные места, армян-беженцев, — и «слезы хлынули из глаз».

Весной 1916 г. по следам свежих впечатлений С. Городецкий опубликовал в «Русском слове» (№ 175) документально-публицистический очерк «Разоренный рай». Это первые впечатления поэта от войны: сплошные развалины армянских городов и сел на фоне красивой природы Вана. И это было страшно. Тяжелы были для поэта страдания, «причиненные человеком человеку». Для Городецкого, как и для многих прогрессивных деятелей того времени, невыносимой была сама мысль, что «сотни тысяч мирных, беззащитных людей были подвергнуты людьми же неслыханным по зверству истязаниям, тончайшим пыткам тела и духа...» Первым ощущением от армянской действительности этой поры было ни с чем не сравнимое по трагизму ощущение поэта: «непоправимое несчастье, несмываемый позор, глубокий гнев за оскорбление души человеческой»:

Горе озеро таит,
Кости в поле тлеют.
Хлеб несобранный лежит,
Новый хлеб не сеют.
Там, где был приют красы,
Сельской жизни счастье,

Бродят сумрачные псы
С одичавшей пастью.
(«Арчак»)¹

Описанные С. Городецким весенний цветущий пейзаж Вана, надругательства над человеком, развалины вокруг, могилы без конца — все это создавало поразительную картину: «Словно в чуждых хлопьях снега, — пишет он, — или в жемчужных ожерельях, стояли сады в цвету. Красавиц-ветки всюду просовывались в развалинах, обвивали их и осыпали лепестками. Контраст зияющей смерти и разрушения с непобедимой весной был потрясающим. А смерть, не стесняясь, показывала свои язвы. Всюду на улицах лежали втоптанные в землю тряпки, остатки одежды убитых...»².

Потрясение Городецкого от увиденного было настолько глубоко, что прозаическое описание его убавляло его переживаний. И тогда «развалин жуткое зиянье» воплощалось в поэтическом слове поэта:

Луна лавины света рушит.
В садах от лепестков дремотных
Исходит ладан, душу душит,
Среди цветов—толпа бесплотных

Рыданья сердца заглушая,
Хожу я с ними, между ними,

¹ Городецкий С. Об Армении и армянской культуре, с. 4; Арчак—озеро недалеко от г. Вана.

² Там же, с. 25.

Душа, как звездный свод, большая
Поет народа скорби имя.
(«Ван»)¹

«На небе рай — на земле Ван», — так гласит народная мудрость. «Ван был цветущим городом перед войной. Культура садов, в которых каждое дерево выращивалось отдельно, стояла очень высоко. Жили в Ване сыто и богато. Процветали там ремесла и искусства. Ван издревле славился плетением кружев, художественной обработкой серебра, перламутровой инкрустацией по ореху. Это был город-сад, цветущий рай...»². Но теперь от этого сказочного города осталась

Душа, огромная как море,
Дыша, как ветер над вулканом,
Вдыхает огненное горе
Над разоренным раем, Ваном.
(«Ван»)³

И вот в город-пустырь, в развалины вернулись люди, изможденные и замученные. Они начинали жизнь сначала. Ключья их разоренного быта казались Городецкому «жемчужными зернами рассыпанного ожерелья, собрать которые необходимо во что бы то ни стало». И они собирались.

Городецкий был на свадьбе возвратившихся в отчий полуразрушенный дом беженцев-молодожат

¹ Городецкий С. Об Армении и армянской культуре, с. 5.

² Там же, с. 25.

³ Там же, с. 4.

нов. Он наблюдал завязь новой жизни. И вместе с тем, по весне поэту было страшно входить в «кущи тишины» цветущего сада, где когда-то любили и целовались, куда больше не придут дочь и мать, отец и сын, — и обида душила его. Он, пожалуй, ради самоуспокоения молил:

Не заветные молитвы
Бытия,—
Песни мщения и битвы
Жгут меня,
Но из пламени той песни,
Из костра,
Вдруг шепчу, молю:—Воскресни,
Брат, сестра...
(«Сад»)¹

Свой гнев, обиду, возмущение и боль за поруганную национальную святыню и варварские разорения С. Городецкий выразил в очерке «Храмы Ормузда, Христа и Аллаха» («Кавказское слово», 1917, № 189). Рассудок поэта не мог допустить, чтобы «смертью решались вопросы жизни».

В центре села на берегу озера Арчак стояла оскверненная церковь. От нее остались только стены. «Долго нельзя уйти от этих развалин, — пишет Городецкий. — Крыши нет, стены разрушены до высоты окон: от звонницы осталось два столба с перекладиной, ниши в стенах обуглены и закоп-

¹ Городецкий С. Об Армении и армянской культуре, с. 6—7.

чены. Память невольно хочет обмануть вас, отодвинуть эту ужасную картину куда-нибудь в прошлое, заставить поверить тому, что не сейчас, не теперь, в двадцатом веке христианской культуры это сделано — но нет, вы видите кое-где совсем новую облицовку стен, совсем свежую краску в остатках росписи и вы слышите тяжелый запах, идущий от бесформенных груд пепла, щебня и камней. Это — свежие могилы.

И не спастись от ужаса, не забыть этой картины. Ваша совесть навсегда больна, ибо такие избиения ложатся на совесть всего человечества, тени армянских мучеников носятся над всей землей»¹.

Когда Городецкий оказался у Варагского монастыря, он посчитал себя счастливым и благодарил судьбу за то, что она привела его туда. «Жертвенник покрыт был клинописью. Я был в древнейшем языческом храме, — пишет он. — Я вспомнил, что армянские зодчие первых времен христианства приспособливали языческие храмы вместо того, чтобы их разрушить². Передо мной был пример такого переустройства: к языческому капищу просто был пристроен новый храм. Капище язычников стало алтарем для христиан. Не

¹ Городецкий С. Об Армении и армянской культуре, с. 43.

² В основании ныне действующего Эчмиадзинского кафедрального собора во время раскопок 1955—56, 1959 гг. обнаружены остатки строения IV в. См.: Армянская советская энциклопедия, т. 4, с. 71.

знаю почему, но я ощутил какую-то глубокую радость. Я впервые был в языческом храме, так прекрасно сохранившемся. И Ормузд¹ был дружен здесь с Христом... Боги жили здесь как добрые соседи. И сближало их одинаковое бессилие, общее несчастье. Тени жрецов и апостолов чувствовались в голубом воздухе, чуть начинавшем блекнуть из-за приближения вечера»². Но и этот храм был осквернен... Не об этих ли местах, спустя много лет, уже в 50-х гг. XX века в письме к Б. Е. Этингофу, приезжавшему тогда в Ван в качестве контролера работы «Союза городов», Городецкий писал: «Ты помнишь эти сады Семирамиды, где мы с тобой карабкались над бездной, чтобы обласкать русскими руками клинописные надписи Аргишти Второго...»³

В октябре 1917 гг. С. Городецкий выехал из Вана. Ехал он на легкой двуколке-таратайке. Вдруг лошадь, испугавшись, рванулась, кучер не смог удержать ее, таратайка перевернулась, и Городецкий разбился. Врач определил перелом ноги и уложил его надолго. В середине ноября, преодолевая мучительные боли, Городецкий оставил Ван, поскольку с уходом русских турки вновь активизировались и захватили город. Поэт с болью

¹ Бог добра и света (Иран).

² Городецкий С. Об Армении и армянской культуре, с. 44.

³ Там же, с. 195.

в сердце расстался с Ваном. Но утешало его одно: он «вез будущее Армении: шесть фургонов детей. Боже, какая это всеискупляющая радость — море детских голов, гроздь детских черных глаз, лесок загорелых ручонков! Наш Ванский приют всегда был гордостью Согора¹. Работа в нем всегда давала наибольшее удовлетворение. Подумайте только, буквально из крови и огня взять детей и создать им, потерявшим все, круглым сиротам, сносные условия жизни, когда кругом ад и смерть, — какая это настоящая радость! Ведь в этих маленьких птенцах — семена всей будущей жизни страны... Ведь должны же кончиться после этой войны исторические испытания несчастного народа, должны же ручьи слез и крови смениться хрустальными ручьями горной гремучей воды, должны же в кругу вулканов зацвести сады, и тысячью синих струй должен подняться дым мирных очагов!

На золотых скрижалях мира, которые уже видны в огне войны, в ряду других народов-мучеников, ярко сверкает имя Армении Воскресающей...»²

Идея заботы о человеке и любви к Армении красной нитью проходит и в стихотворении «Прощанье». Прощаясь с «печальными тенями в цветах залетевших душ», он признавался: «я с вами то

¹ Союз городов.

² Городецкий С. Об Армении и армянской культуре, с. 50—51.

мился и плакал». Тоска и надежда звучали в песнях его «молчаливых» и в вере его «промогласной»:

Что жизнь торжествует победно,
Что смерти зиянье напрасно,
Что люди не гибнут бесследно¹.

С. Городецкий пронес через всю свою долгую жизнь самые светлые чувства о мученической доле армянского народа. «Не забыть мне Армении никогда, — писал он 10 февраля 1944 г., — мечта моя — побывать еще на ее первозданных скалах, где так остро чувствуется связь человека с породившей его природой».

В процессе работы над романом «Сады Семирамиды» Городецкий обратился к известному армянскому поэту Акопу Акопяну. В письме от 20 ноября 1928 г. он писал, что его интересует «колония-коммуна, организованная сиротам Вана. Я их таскал на руках, этих черноглазых ребят, а теперь они пережились и выросли. Мечтаю увидеть их, но Вы, наверное, видели их в Эривани, и я жду Ваших рассказов. Может быть, есть какие-нибудь брошюры на армянском языке по этому вопросу. Простите, что я так бесцеремонно Вас утруждаю, но меня очень все это волнует»². И в

¹ Городецкий С. Об Армении и армянской культуре, с. 9.

² Там же, с. 193.

письме к дочери известного армянского поэта Ованеса Туманяна, Нвард, он также вспоминает об этом. В частности, он пишет (23 марта 1950 г.), что, будучи корреспондентом «Русского слова», он собирал сирот армян, «которых вывез через Бегри-кальское ущелье в Игдыр из Вана несколько сот. В Ереване, наверное, работают сейчас эти мои дети или кое-кто из них»¹. К сожалению, роман «Сады Семирамиды» остался незавершенным.

Художественное слово С. Городецкого об Армении, насыщенное неисчерпаемым зарядом нравственной силы, затрагивало жизненно важные проблемы. Основанное на фактах реальной действительности, многогранное и многоголосое художественное изложение подчинено в нем одной общей идее — отображению событий современности, раскрытию духа времени, характера народа. В сочинениях Городецкого проявилась необычайная любовь автора к армянскому народу. Он изучал армянский язык. «Я усиленно пытаюсь говорить по-армянски», — писал он Нвард Туманян 22 октября 1916 г. из Вана. Изучал он и историю народа. Не поэтому ли С. Городецкий так мастерски связал историческое прошлое Армении с трагическим его настоящим. Он выразил искреннее «соболезнование обиженным судьбою» армянам и правдиво предвосхитил дух и веление времени.

¹ Городецкий С. Об Армении и армянской культуре, с. 189.

Его пророческие слова сбылись. Буквально через три года после Великого Октября в судьбах армянского народа произошел коренной перелом — Армения стала воскресать и возрождаться.

И воскресла... Воскресла, чтобы не умереть никогда!

Ванская трагедия воспевалась в художественном слове и многих других поэтов. В небольшом стихотворении «Ванская газелла»¹ Александр Кушлю на одном дыхании выразил чувство тоскливого и беспокойного страха за весь армянский народ, который и в трагические дни поражений проявлял героизм и мужество. Поэт отобразил ужасающе жуткую картину «ночной тишины» разоренного и опустошенного города Вана:

Где-то далеко кукует кукушка,
Жутко мне, жутко в ночной тишине,—
Плачет над трупом армянка-старушка,
Плачет старушка в ночной тишине.
В городе пусто, мертво, одиноко,—
Дремлют руины в ночной тишине,—
Жуткое пение, пение рока,—
В городе мертвом в ночной тишине.

«Ванскую газеллу» дополняет стихотворение «Разрушенный Ван». Подавленный трагедией народа А. Кушлю и в этом стихотворении выразил тоску по разоренному городу, в котором некому было встречать даже освободителей, где покинуто

¹ «Армянский вестник», 1916, № 21, с. 11.

все и слышен только терзающий поэта вопль «не-
мых страданий»:

И красота разрушенного Вана,
Семирамидиных садов уют,
Как злой кошмар, как злая язва—рана,
Мой мозг гнетут, покоя не дают¹.

Русского солдата армяне встречали радушно. Как и многим другим народам, армянам русское оружие всегда несло освобождение. Они же, в свою очередь, участвовали как в составе действующей русской армии, так и выступали в ополченческих отрядах на стороне русских. Историография оставила немало сведений о совместной борьбе армян и русских против общего врага. Многие русские деятели культуры подчеркивали преданность армян русским, описывали конкретные примеры.

Вот высказывание военного историка В. Потто, показывающего, что в первую русско-персидскую войну (1804—1813) «...армяне служили проводниками для русских войск, предупреждали измену и возмущения, доставляли сведения о неприятеле, давали провиант и, когда нужно было, храбро дрались в рядах русского войска... в армянах русские приобрели надежных друзей, на которых можно было положиться»². На преданность армян

¹ «Армянский вестник», 1916, № 26, с. 11.

² Потто В... Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах, и биографиях, т. 3. Персидская война 1826—1828 гг., выпуск 3-й. СПб., 1887, с. 722.

России неоднократно указывал и С. Глинка. «Армяне, воодушевленные вызовом полковника Лазарева, на крыльях усердия и любви летели к полкам русским и оказывали важнейшие услуги, не по расчленению каких-либо предложений, но по влечению того душевного порыва, который выше всех расчетов человеческих»¹. «Многие из армян... простерли братские объятия к русским воинам, извещали их о каждом движении неприятеля, служили им проводниками и действовали на поле битвы»².

Русское печатное слово не только констатировало аналогичные факты, но и художественно омыслило их. Многие подвиги совместной борьбы армян и русских также запечатлены и воспеты в художественной литературе.

Кавалер многих орденов, командир армянской добровольческой дружины Кери³ погиб в неравном бою 15 мая 1916 г. Но храбрость и преданность снискали бывшему шорнику Аршаку Кюфзяну большую любовь и немеркнущую славу. Он всегда вдохновлял личным примером, смело шел в бой и вел за собой солдат. Но роковая пуля сразила «печального сына печального Востока», а лю-

¹ Глинка С. Н. Описание переселения армян аддербиджанских в пределы России, с кратким предварительным изложением исторических времен Армении. М., 1831, с. 38.

² Там же, с. 24.

³ Кери (арм.) — дядя.

ням осталась лишь память о его подвигах и вера в то, что суровый край его родной «обретет покой и увидит свет зари».

Подвиг Кери описан в одноименном очерке участника сражения Д. Давыдкина. Три дня и три ночи шел бой, повествует Давыдкин. Русская армия, окруженная врагом, была зажата в кольцо. Все знали, что помощи ждать неоткуда. Враг почти торжествовал победу. Но и из безвыходности, как говорится, есть выход.

Кери в сопровождении Давыдкина и вестового осматривал боевые позиции русских и отдавал приказания — «держаться во что бы то ни стало» до конца. Он задумал прорвать окружение врага. С отрядом в 50 всадников стремительным натиском он бросился на обнаруженное с фланга слабое звено врага. Турки обратились в бегство, «увозя из своего окопа пулемет». Возникла задача: отбить пулемет... Стрельба на секунду прекратилась, и Кери с криком «ура!» бросился в атаку, увлекая за собой и всю дружину. Враг осыпал русских градом пуль, дружинники падали один за другим. Последний вражеский залп турецких солдат на подходе к окопу сразил и Кери. Он упал на окопную насыпь врага, успев только вымолвить: «Товарищи, я ранен! Эта славная победа стоила жизни Кери. «Слишком дорогой ценой досталась нам победа, — пишет Давыдкин. — Остановившись, я нагнулся над Кери. Он лежал на спине, с широко раскрытыми руками и закинутой головой. Пу-

ля угодила в правый висок, и смерть была мгновенна». Турки отступили, перестрелка утихла, и только потом, опомнившись, понял Давыдкин, «какую незаменимую потерю понесла дружина в лице этого героя.. Нужно было видеть, как этот почти шестидесятилетний старик без шапки, с развевающимися седыми волосами, бежал, презирая опасность, впереди всех и своим героическим примером увлекал за собой своих дружинников. Нужно было видеть его лицо в это время, на котором было написано одно решение: победить и вырваться из когтей торжествующего врага. И это он выполнил, заплатив за победу своей жизнью. Как знать, — думал я, смотря на труп, — не бросься этот достойный старик вперед и не увлеку за собой дружины, чем кончился бы для нас всех этот день? Вель кольцо врага было уже замкнуто»¹.

По случаю героического подвига Кери журнал «Армяне и война»² (№ 4, июнь, 1916) помес-

¹ «Армянский вестник», 1916, № 46, с. 8.

² В марте 1916 г. в Одессе был основан журнал «Армяне и война». Это был «единственный по своему типу ежемесячный иллюстрированный журнал, посвященный вопросам армянской жизни в связи с войной». Главной целью его было «широкое ознакомление русской и армянской читающей публики с армянской действительностью, быть информационным органом всех событий армянской жизни. Для русской интеллигенции,—писал журнал в обращении к читателю, — это будет интересный сборник фактов об участии в войне одного из первых и храбрых союзников России, а

тил подборку под рубрикой «Безумству храбрых поем мы славу...». В публикации В. Менака сообщались некоторые сведения из биографии Кери. А военный корреспондент журнала представлял читателю «Подробности смерти Кери». В заметке «К кончине Кери» говорилось о том, что «тело павшего в бою героической смертью начальника армянской добровольческой дружины Кери после отпевания в Тифлисе в Ванском соборе предано земле на Ходживанском кладбище», что редакция журнала получила множество телеграмм со всех концов России с соболезнованием по поводу героической гибели Кери, что его гроб с останками провожала на кладбище многотысячная толпа. А поэт Ю. Верховский написал стихотворение «Памяти Кери». Он также воспел героический подвиг командира добровольцев. Не как сторонний наблюдатель и обличитель выступает поэт, а как человек, стоявший перед лицом суровой реальности и вместе с народом переживающий испытания и тяжкую судьбу. Неоднократный повтор «мы» в стихотворении усиливает акцент на межнациональном,

для армянской — памяткой Великой Отечественной войны, где пролито на поле брани и много армянской крови». К участию в работе журнала были приглашены известные русские и армянские литераторы, журналисты и общественные деятели.—М. Горький, В. Брюсов, И. Бунин, К. Бельмонт, Ю. Веселовский, Д. Овсяннико-Куликовский, А. Дживелегов, Н. Марр, А. Цатурян, Г. Чубар, М. Шагинян, А. Ширванзаде и многие другие.

общем для русского и армянина событии, происходящем на армянской земле:

Век за веками живя мы страдали,
С железным терпеньем покорны мы судьбе.
Надеясь и веря, мы ждали, все ждали
Конца испытаньям и тяжелой борьбе.
И ныне алеют кровавым потоком,
Безоблачно чисты высоты небес;
Во вздохе бессильном и в вопле жестоком,
С потупленных лиц смех веселый исчез.
Невольно мы взор устремляем к юдоли
Страданий и слез, где так жребий суров,
Где скорбным рыданьем томленья и боли
Звучит каждодневная песня плугов.,
И ждем мы с надеждой, ждем как бывало,
Чтоб розы в кровавых полях зацвели,
Чтоб грозное небо из тучи послало
Живительный ливень на лоно земли¹.

О чести, славе, мудрости и смерти командира
храброй армянской дружины Кери и четверости-
шие Сергея Зарова «На смерть Кери»:

Он пал вдали, где дымны небосводы,
Где смерть и жизнь пируют красный пир,
Но клич Кери, под знаменем свободы,
Зовет вперед за счастье и мир².

Ю. Верховский в 1916 г. глубоко воспринял
армянскую действительность, «вжился» в нее. Он
разносторонне воспел Армению.

¹ «Армяне и война», 1916, № 4, с. 53.

² «Армянский вестник», 1916, № 22, с. 6.

Два четверостишия Ю. Верховского, посвященные Ованнесу Туманяну, раскрывают очарование и теплоту души поэта:

Я видел родину твою,
Дышал ее дыханьем;
Ее благоуханьем
Овеянный, пою.

И повторяю робко я
Слова далекой девы —
Невнятные напевы
Иного бытия¹.

Ю. Верховский пленился и мастерством армянского художника Егише Татевосянца, которому он посвятил стихотворение «Художнику». По всей вероятности, Е. Татевосянец писал портрет русского поэта, в результате чего и родилось стихотворение, в котором Верховский не только признает мастерство художника, но и подчеркивает родство муз:

Друг мой! Поэт и художник — не братья ль
по музам родные?
Радостно с пеньем стихов братскую руку по-
жать².

Выше мы рассмотрели один очерк Д. Давыдкина. В другой его публикации, «Незаметный герой»³, показаны взаимоотношения офицеров русской армии — русских и армян.

¹ «Армянский вестник», 1916, № 24, с. 12.

² Там же, № 20, с. 8.

³ Там же, № 33, с. 17.

Служил командиром роты вместе с Д. Давыдкиным офицер-армянин М. (автор не приводит полной фамилии). Обстоятельства складывались так, что товарищи офицера М. при случае всегда подшучивали над ним. Сослуживцы знали о нем все. Знали и то, что он обручился с девушкой-айсоркой во время стоянки части в г. У...ин. «Дело в том, что невеста его не знала ни одного слова из его родного армянского языка, — пишет Давыдкин, — а также не знала и русского...».

Служба офицера М. складывалась так, что при представлении к наградам за боевые отличия «он почему-то постоянно оставался за штатом», хотя в службе он «хуже других не был», и это также было предметом шуток. Но однажды, когда противник начал наступление, нужно было выяснить положение роты, просившей помощи. М. собрал до 30 солдат и с винтовкой в руках, впереди всех бросился на наступавшего противника. «Своим криком «ура!» он заставил и нас броситься за ним, — рассказывал позже солдат, участник этой атаки. — Мы уже добежали до места, которое утром занимала наша цепь, как вдруг М., бывший все время впереди, — упал вниз лицом...»¹

Так кончил свой жизненный путь «незаметный герой»... Давыдкин с горечью подумал: «Бедный, бедный М., безобидны были мои шутки над тобой, а ведь ты стоил многих из нас, и умер, как истин-

¹ «Армянский вестник», 1916, № 33, с. 17.

ный герой, без страха и, бросившись на врага, во много раз превосходившего тебя силами и, быть может, даже без уверенности в победе. Ты спас почти от смертельной петли нашу дружину, а вместе с тем и весь отряд... Пусть земля будет легка для тебя, а мы, мало ценившие тебя при жизни твоей, теперь долго будем помнить, что где-то там, в глухих, мрачных ущельях лежит тело твое, что ты погиб геройски и самоотверженно, спасая других».

Нам известны три очерка Давыдкина. Примечательно, что в каждом из них нашла отображение типическая черта характера армянина-добровольца, воевавшего вместе с русскими против общего врага.

Как в предыдущих, так и в очерке «Могила»¹ показана безграничная преданность армянина родине, его любовь и стремление к свободе, к сохранению национальных обычаев и традиций. В небольшой по размерам публикации Давыдкин описал случай, когда армянин воздает должное своему собрату по оружию, погибшему во имя свободы.

После длительного боя Давыдкин спустился на коне под гору, в расположение своих позиций. Не доехав до палатки, он «вдруг услышал пение и, повернув лошадь, поехал на голос». В сумерках он увидел группу армянских добровольцев.

¹ «Армянский вестник», 1917, № 14.

стоявших вокруг свежевырытой большой черной ямы. «На самом краю могилы, — пишет Давыдкин, — лежало несколько трупов, одетых в защитного цвета рубахи и брюки, местами залитые кровью». В тесном кольце стоявших добровольцев в поле зрения Давыдкина выделился один — «высокого роста с черной с проседью бородой. Он стоял на самом краю могилы и то протяжно, то как-то отрывисто и быстро, точно торопясь читал и пел, держа перед собою в одной руке маленькую книгу в коричневом переплете»¹.

Это была процессия отпевания убитых в бою армянских добровольцев. «Читавший оказался армяно-григорианским священником, — пишет Давыдкин, — и странно было видеть его фигуру, одетую в защитного цвета куртку и такие же панталоны. Круглая папаха на голове, заряженная винтовка за плечами и полный патронташ на поясе говорили совершенно о другом. Странно было видеть в руках этого священника большой блестящий крест, обернутый у самой ручки кусочком шелковой материи, и маленькую книжечку Евангелия. Странно было видеть этого воина в роли священника».

Когда было завершено погребение и поднялся холм земли, священник «нагнулся и крестом сделал знак креста на свежей насыпи, сначала над

¹ «Армянский вестник», 1917. № 14, с. 23.

головами зарытых, потом в ногах, а затем по обеим сторонам, отчего тоже получился знак креста»¹.

Грустным и тоскливым было это зрелище. Удаляясь от могилы, Давыдкин, подавленный, думал, что заставило священника оставить «свое теплое место где-то там, в тихом спокойном уголке, в кругу своей семьи, и, вооружившись винтовкой, встать в ряды добровольцев? Да еще если бы он стал в эти ряды по своему назначению, т. е. священником, то это было бы явлением вполне заурядным, но ведь этого нет и, несмотря на свой сан, на свое Евангелие и крест, вооружается винтовкой, идет и садится в окопы вместе с другими добровольцами и вместе с ними занимается уничтожением общего врага»².

Публикация Давыдкина, пожалуй, не нуждается в комментариях, она говорит сама за себя. Священник переживал великое горе залитой кровью Армении, он видел беспредельную боль в сердцах оставшихся в живых ее сынов. Не эта ли боль заставила его, священника, во имя любви к родине, к свободе, к народу вместе с крестом взять в руки оружие?

В судьбах армян, к сожалению или к счастью, этот священник был неодинок. Трагическая история Армении знает немало подобных подвигов.

Таким образом, как в основу очерков Д. Да-

¹ «Армянский вестник», 1917, № 14, с. 24.

² Там же.

выдкина, так и других многих сочинений этой поры легли события реальной действительности. Русская читающая общественность получала из первых уст информацию, в которой отображались героические подвиги армян, служивших в русской армии, показано, как плечом к плечу боролись сыновья двух народов, объединенные общими идеалами и стремлением к свободе.

Заслуживают внимания стихи об Армении **Константина Саянского**. Они полны горечи и страдания к многострадальному народу. Поэт обращается в стихах к олицетворенным вековым скалам — свидетелям давних ужасов, мук и страданий — с вопросом: отчего такой тяжелой была «история народа одного»? В природе автор ищет собеседника, черпает силы, чтобы постичь истину настоящего. Такое не придумаешь, трудно поверить, что на долю людей выпало так много тяжких испытаний.

И пробудились грозные массивы,
И содрогнулись скал гранитных нивы,
И бездна их в ответ мне принесла:
«Молчи, поэт! Преступны все народы
В гибели померкнувшей свободы
Армении... Тут всех вина была»
(«Армения»)¹

Саянский показал трагическую участь народа. Он признавался, как дорога ему Армения, — ее

¹ «Армянский вестник», 1916, № 25, с. 10.

культура и виноградные лозы, и нивы, и Алагез, и Арарат, и Аракс, и язык... Поэт воспринял Армению как священную землю Востока, а армянина — как брата:

Все люблю горячо я в тебе,
Все, чего не ведал когда-то,
А теперь... Теперь в бедном рабе,
Армянина увидел я брата.
(«Великой мученице»)

Этот край стал дорогим Саянскому еще и потому, что опустошенные села, оскверненные храмы и пустые школы возбудили беспредельное страдание и вызвали большую горечь и обиду за поруганное «великое слово армянство». Поэт не находит утешения. Любовь к Армении и обида за ее разорение терзают его:

Тут в любви я молюсь за тебя
О страна, мне теперь дорогая,
И как мать, тебя я любя,
Твои раны лобзаю, рыдая.
О Армения! сердце мое,
Словно сердце у сына родного—
Бытия, стонет над трупом твоим
И само разорваться готово!..¹

Трагедию армянской действительности с большой искренностью и болью нарисовал Саянский в основанных на фактах реальной действительности

¹ «Армянский вестник», 1916, № 36, с. 14—15.

сти образах. Оставшиеся в живых одинокие члены загубленной семьи бродили в поисках «матери, отца, сестер и брата», а «истощенные старухи и дети» с залитыми кровью лицами, похожими на трагические маски, с трудом собирали листочки и жевали их со слезой. Но поэт не плакал:

...что мои слезы!
Я врагов иступленно клян
И шепчу им, проклятым, угрозы,
А душой к умирающим льну.
(«Шествие мертвых»)¹

Это стихотворение своим содержанием перекликается с современными нам строками М. Петровых:

Судьба за мной присматривала в оба,
Чтоб вдруг не обошла меня утрата.
Я потеряла друга, мужа, брата,
Я получала письма из-за гроба.

Совместная борьба русских и армян против общего врага получила отображение в историкографической литературе. Многие подвиги воспеты и в художественной литературе. Об одном из них говорится в стихотворении В. Опочинина «Проводник», написанном по случаю взятия Эрзрума русскими и опубликованном 20 февраля 1916 г. в иллюстрированном приложении «Нового Времени».

В составе отряда действующей армии автор спускался с вершины перевала. Однако в снежную

¹ «Армянский вестник», № 41, с. 6.

зимнюю стужу это было нелегко. Проводником стал член отряда «седой армянин бородатый», который отыскал тропинку и уверенно повел за собой солдат. В стихотворении отмечена острая боль и горькое сознание затянувшегося социального зла.

Ущелья, как трещины, сжаты,
Зловещи изломы стремнин,—
Но знает дорогу вожатый
Высокий седой армянин...

Армянин с детства знал и исходил эти трудные и опасные тропы. А теперь он — вожатый — шагает с «фельдфебелем русским вдвоем». Ему выпало счастье проникнуть вместе с русскими на отчужденную землю. Кульминационная точка стихотворения — это радость достижения цели, как гармоничское завершение внутреннего возвышенного состояния лирического героя.

Исполнилась вечная дума:
Он шепчет в каком-то бреду:
«С отрядом до стен Эрзума
Я завтра, старик, добреду»¹.

Цикл стихотворений об Армении написала в 1916—1917 гг. поэтесса Екатерина Алексеева². Армения для нее — это «отчизна родная», которая

¹ Цит. по: «Армяне и война», 1916, № 1, с. 13.

² См.: «Армянский вестник», 1916, №№ 44, 48; 1917, №№ 2, 4, 10, 11, 12, 13.

в безысходной тоске вынесла вековые невзгоды. Как следствие физического и нравственного уни-
зительного положения, несчастная земля этой стра-
ны обильно полита не водами ее шумных горных
рек, а слезами и кровью народной. «Зияющие ра-
ны» Армении тяжким бременем гнетут поэтессу:

Там горные стонут вершины,
Там стонет родной Арарат,
Безмолвные стонут равнины
И камни пощады молят...

Об участи злой армянина
Далекie звезды твердят,
О жертвах страны неповинной
В сиянии ночи скорбят...
(«Мать Айастан»)

Стихи Е. Алексеевой пронизаны глубоким со-
страданием к армянскому народу. Поэтесса в не-
ведении. Она не может понять, откуда и почему
столько невзгод обрушилось на ее «родную стра-
ну»? В поисках ответа она недвусмысленно обра-
щается и к людям, и к звездам, и к солнцу, и к
ветру, и к небу.

Но и небо, и звезды, и солнце—молчат
Ветер утих и молчит!
Только древний, угрюмый седой Арарат
Вдаль с любопытством глядит!..

Идеал поэтессы — счастливая мирная жизнь—
недостижим в данный момент. Она глубоко ощу-
щает невозможность остановить реальное, огра-

диться от трагедии, она понимает социальную остроту времени, когда не смолкают кругом рыдания и крики:

А рыдания и крик не смолкают кругом,—
Гибнет несчастный народ...
И, как прежде, он стонет под тяжким ярмом,
Закованный в цепи невзгод!..
(«Зачем вы молчите?»)

В стихотворении «Зинворам»¹ Е. Алексеева призывает скорбных сынов Армении отомстить «за муки позора» и освободить Отчизну.

Армения тяжело страдает,
Армения стонет от мук,—
В безумной тоске простирает
К вам длани измученных рук...
Вас нынче к себе призывает,
Как верных и преданных слуг!

Гордая Армения в муках всегда ждала свою
«зарю освобождения»:

Это твоя заря,—она к тебе идет!
Это тебе свободу обещая,
Она горит таинственно сияя!..
Проснись, Армения!—Твоя заря встанет!..
(«Армения»)

Е. Алексееву волновала проблема не только современного положения Армении, но и ее буду-

¹ Зинвор (арм) — солдат

щее. Хотя она не ответила и не объяснила, «за-
чем Армения в слезах», за что она повержена в
прах и почему армянский народ в цепях, тем не
менее ее стихи полны оптимизма. В стихотворении
«Рассвет» поэтесса вспоминает утро, когда «ночная
мгла в поля ушла», а сейчас надо только немно-
го подождать и не грустить, пока исчезнет «злая
ночь»:

Моя Армения родная,—
Уж скоро мука неземная
Исчезнет прочь
И злая ночь
Уйдет, в лучах зари растая!..

Русская литература отображала не только раз-
личные события в Армении, она активно вторга-
лась в жизненные проблемы, формировала обще-
ственное сознание, содействовала их пониманию и
призывала армян на борьбу.

В «Песне армянской дружины» поэт С. П.
Кротков показал, какой восторг вызвали у него
ласковое армянское небо с прозрачной синевой,
долины с дивным ароматом, и как опечалило его,
что в Армении всюду царило разорение, умолкли
песни и не было радости. Вместе с тем он восхи-
щался смелостью армян, их преданностью и стрем-
лением к свободе:

Други, за раны и кровь
Жен, матерей и отцов,
Смело мы бросимся в бой!
Миг нам дается судьбой!

Свободолюбие армянского народа показано и в стихотворении С. Кроткова «Воспрянь, Армения!», где мир, представший перед взором поэта, нашел отображение в свободном философском размышлении:

Ты вся истерзана, но есть в тебе
Кипучей жизни мысли ключ!
Тебя возбудит яркий луч
Свободы, новых сил придаст в борьбе...
Ведь счастье впереди!
Вперед иди!

Эти стихи С. Кроткова перекликались со строками написанного задолго до того знаменитого стихотворения Микаэла Налбандяна «Свобода»¹:

«Свобода!»—восклицаю я,
Пусть гром над головою грянет,
Огня, железа не боюсь,
Пусть враг меня смертельно ранит,
Пусть казнью, виселицей пусть,
Столбом позорным кончу годы,
Не перестану петь, звать
И повторять: «Свобода!»

(Пер. В. Звягинцевой)

В 1916—1917 гг. С. П. Кротков написал цикл стихов об Армении². В них, как следствие осознан-

¹ В «Армянском вестнике» (1916, № 19) был опубликован перевод Ю. Верховского.

² См.: «Армянский вестник», 1916, №№ 31, 36, 40; 1917, №№ 24, 26, 28, 31.

ного в этот период, отображены тяжелые страдания армянского народа. Автор справедливо ставит вопросы: за что армянский народ так жестоко был наказан? Сколько беспричинных и жестоких мучений, разорений и невероятных притеснений мог он пережить? В стихотворении «За что?» С. Кротков затронул общенациональную глобальную проблему и без прикрас донес до русского читателя картины горькой армянской действительности, народ которой уже давно «мечтал о воскресеньи». Этот народ

....сыновей своих послал
В ряды защитников отчизны,
Он весь в душе своей пылал
Исполнить долг без укоризны...
И долг исполнил, как желал.

Как и многие русские поэты, С. Кротков увидел одно из самых главных качеств армянского народа — это его стремление к взаимной помощи и единению, когда действительность и человек объединялись для разрешения огромных и сложных проблем, когда диалектика взаимоотношений личности и земного бытия подчеркивала общественную природу человека...

Когда ж нахлынула толпа
Бежавших вдаль от бед сражений,
Тут до последнего снопа
Народ отдал из сбережений
И спас других от злых мучений.

А по весне, когда приходила пора приступать к полевым работам, этот народ вставал перед новой, не менее сложной и трудной дилеммой:

Весною взяться за работы.
Но тут — пустые закрома,
Но тут — своих сынов сироты!..

Искреннее сочувствие проявил С. Кротков к жестокой судьбе и страданиям армянского народа, к своей «родной стороне». Поэту осталось внешне непонятным, почему и за что эта страна пережила столько бед. Он в недоумении вопрошает, причем его вопросы одновременно раскрывают суть жестокой судьбы:

Армения, родная сторона!
За что, когда ты заслужила,
Что так страдать осуждена,
Что столько горя пережила,
Отдавши все, чем дорожила?

Желание русского поэта совпало с чаяниями армянского народа и выразилось в его метком и вдохновенном слове:

Мы страстно ждем: придет то время,
Когда не будешь ты рабой,
Когда спадет несчастий бремя
И возрастет иное семя!

В основу стихотворения «Прощанье» С. Кроткова легли картины армянской жизни, казалось бы, частного характера. Но это картины, в кото-

рых проявились общенациональные черты преданности, смелости и отваги. С. Кротков образно показал духовную сущность героя, нравственный смысл его поступка. Чтобы оттенить степень трагизма происходящего, он поэтическим штрихом показал, с одной стороны, как катится слеза по смуглой щечке девочки, которая в страхе бежит за отцом, уходящим, может быть, навсегда, и звонким голосом просит сказать, куда уносит он ружье, зачем он простился и почему так спешит, и с другой — как мать тем временем почему-то «потупилась, молчит». Это не укрупнение события, а показ суровой реальности войны, принесшей столько горя и бед в дом, это демонстрация духовного потенциала человека, стремящегося к свободе.

И сердце дрогнуло! И мигом
Отец, отбросивши ружье,
Остановился, с горьким криком
Обнял сокровище свое...
В последний раз... и как герой,
Стремительно к друзьям вперед...
Отец на зов судьбы идет!
И лишь тогда очнулась мать
И стала жалобно стонать,
Дочурку к сердцу прижимать
И лаской горе унимать:
«Не плачь, голубка! Мне поверь —
Погибнет враг наш, лютый зверь!..
С надеждой будем жить теперя!»

Не оставила равнодушным С. Кроткова и красивая природа Армении. Она вдохновила его сво-

ей контрастностью и богатством. Взор поэта как бы «выхватил» деталь, может быть на первый взгляд и неприметную, — когда все вокруг только с виду было тихо,—и в нескольких эпизодах отобразил эту «тишину» в стихотворении «Картинка Арменин». Каждая строка в стихотворении — это отнюдь не фиксация момента, а выношенные и выстраданные признания поэта. Пейзаж в стихотворении является основным компонентом выражения. В его мирное описание врываются строки о разбое, грабеже, убийстве. Картины природы в стихотворении — это не просто фон, на котором проявляются переживания и чувства автора, а поэтический прием, которым он показывает романтику и горечь жизни.

Головкой радостно бодая,
Несется быстро лань лесная...
К реке несется напрямик.
Вдруг шум!.. Прислушалась на миг...
И снова мелкими прыжками
Стремится вдаль
И листья рвет с кустов пучками,—
Их ей не жаль!
На берегу остановилась,
К воде студеной прислонилась
И быстро, жадно струйки пьет
И ножками о камень бьет
Напившись, глазками играя,
Подняла грудь
И, радостно кругом взирая,
Собралась в путь.
Но страшный крик и вопль!.. Кто плачет?

Вдали свирепый турок скачет,
За ним несется стон и крик...
И лань встревожилась на миг...
И снова мелкими прыжками
Стремится вдаль,
И листья рвет с кустов пучками,—
Их ей не жалы!

С. Кротков хорошо был знаком с Арменией, знал он и армянскую литературу. Картины трагической жизни армянского народа под игом турецких пашей, нашедшие отображение в творчестве армянского поэта Рафаэла Патканяна, по всей вероятности, послужили поводом для создания, в подражание Р. Патканяну, стихотворения «Колыбельная песнь армянки». В подражании С. Кроткова мать рассказывает перед сном маленькому сыну о страданиях своего народа, который уже долгие годы не может дожидаться спасения и каждый раз ждет новых бед и кровопролития:

Но дождешься, сын мой, ты иной судьбы!
Ты расти и думай о путях борьбы!
Солнце новой жизни всходит над тобой.
Для своей отчизны ты готовься в бой!

Другой русский поэт, Ал. Попов, в подражание Микаэлу Налбандяну опубликовал в 1916 г. в «Армянском вестнике» (№ 44) «Песнь армянской девушки», в которой девушка добрым словом напутствует брата, отправляющегося на защиту родины. Она долгие ночи вышивала стяг с крестами, под которым выступают войска «на борьбу за край

родной». Хотя и не может она поехать с братом, но, напутствуя его, мысленно с ним:

В миг на коня! К полю битвы
Поезжай, храбрец, скорей!
Хоть не в брани, но душой,
Мыслью я всегда с тобой!

Вообще, следует заметить, что в предшествовавшие Октябрьской революции годы армянская тема в русской литературе значительно расширилась. Это подтверждается многочисленными публикациями художественных произведений в различных изданиях. В этой связи роль «Армянского вестника» была исключительно велика.

В 1916—1917 гг. **Сергей Перивердиев** опубликовал в нем несколько стихотворений об Армении¹. Столетиями изнывавшая страна полуразвалин и великой муки, страна, подавленная тоской и печалью, страна борцов, красот, святынь и надежд — Армения, над которой веками «бушевала вьюга», нашла воплощение в стихотворениях С. Перивердиева. Как и многие авторы «армянских» художественных произведений русской литературы этой поры, С. Перивердиев чувствовал день грядущий и образно выразил его в стихотворении «Радуйся солнцу»:

Армянское племя, великое племя,
О, радуйся Солнцу и снова расти...

¹ «Армянский вестник», 1916, №№ 34, 42; 1917, № 16.

Уж вспыхнуло утро, желанное время,
Чтоб вновь возродиться и снова цвести!..

В небольшом стихотворении Владимира Кипинова «Беженцы» отображена картина мрачных явлений эпохи — погромы Армении. Это стихотворение имеет огромный политический смысл. Оно является своеобразным обобщением трагического в художественном слове. Причем повтор глагола «идут» бесконечно усиливает в стихотворении накал драматизма, вызывает эффект присутствия: как будто идешь рядом с «гонимыми судьбою»:

Идут они, идут гурьбою,
Идут сюда со всех концов,
Идут гонимые судьбою,
Без матерей и без отцов!
Идут они, идут гурьбою
С надеждой твердою в груди,
Идут с невинною душою
И верят—счастье впереди!

Во втором десятилетии XX века русская пресса по понятным причинам большое место уделяла публицистическим материалам о военных событиях. Когда началась первая мировая война, военный корреспондент газеты «Утро России» Валерий Язвицкий находился в Софии. Он был свидетелем того, как в Болгарию «хлынули из Турции волны армянских беглецов. Все это были непосредственные свидетели всевозможных непередаваемых ужасов, пережитых армянским народом в Турции». В сво-

ей публикации «Армянские беглецы из Болгарии»¹ В. Язвицкий сообщает, что армянские эмигранты создавали в Болгарии дружины и, преодолевая всякие преграды, стремились в Россию для борьбы с турками. Сам он был удивлен, услышав, как один молодой армянин заявил: «Если русские не возьмут меня биться с турками, я застрелюсь!»

Когда Болгария встала на сторону Германии, В. Язвицкий переехал в Румынию. В Бухаресте к Язвицкому однажды зашел приятель-армянин и сказал, что из Болгарии прибыли два беженца-армянина. Один из них рассказал, с каким трудом они в начале войны бежали из Турции в Болгарию. А бежали потому, что их непременно взяли бы в турецкую армию, что означало бы «сражаться против русских, которые шли спасать наш народ от цекового ига. Это в лучшем случае, а в худшем — нас перебили бы в первые дни в казармах во время обучений, как это сделали с тысячами молодых армян, попавших в лапы турецких вербовщиков».

В. Язвицкий приводит рассказ беженцев о том, с какими злоключениями, подвергая себя смертельной опасности, они сумели перебраться в Румынию. И лишь в заключение вопрошает: «Нужно ли прибавлять что-нибудь к этому повествованию? Правда, рассказчик ничего не рассказывал о том, что он пережил. Но разве это расскажешь словами?»

¹ «Армянский вестник», 1916, № 35, с. 3—4.

Будучи в Софии, В. Язвицкий случайно познакомился с известным уже тогда командиром армянских добровольцев Андраником¹, воевавшим против турок в Балканской войне. О мужестве, храбрости и героизме легендарного народного героя Андраника повествуется в очерке В. Язвицкого «Армянский герой»². «Имя Андраника, — пишет он, — уже при жизни было окружено народной легендой». Образ армянского героя был воспринят Язвицким и остался в его памяти «как редкая по цельности фигура. Такие люди создаются только непрерывной борьбой не на жизнь, а на смерть, и борьба для них становится смыслом их жизни и профессией. В мирное время такие натуры ничем не отличаются от других, но когда затрубит труба к бою, эти скромные и простые люди становятся вождями и героями, а народная молва восторженно создает около их имени легенду за легендой. Такие люди у себя на Родине показывают свое лицо, а на чужой стороне — лицо своей Родины».

Характеристика В. Язвицкого находит подтверждение и в других публикациях этого времени. Журнал «Армяне и война» поместил заметку дру-

¹ Андраник Озаян (1865—1927)—видный деятель за-
падноармянского освободительного движения, народный ге-
рой, генерал-майор русской Кавказской армии. См.: Исто-
рия армянского народа с древнейших времен до наших дней.
Ереван. 1980, с. 257; Геноцид армян., с. 598—599.

² «Армянский вестник», 1916, № 37—38, с. 10.

жинника «Андраник»¹ — любопытное наблюдение очевидца. Автор публикации утверждал, что Андраник приказал так близко подпустить врага во время боя, что была слышна его речь, и затем шквальным огнем засыпал его градом пуль.

Андраник любил своих подчиненных, но был очень строг к ним, учил их быть всегда точными в цели. Его расчет был прост: «Если твои пули не попадают в цель, — будь благороднее и целься в себя, тут уже навверное попадешь...», — утверждал он. Однажды после долгого боя (бой длился 27 часов) неприятель отступил. Из дружины Андраника было убито 10 и ранено 18 человек. На территории, покинутой врагом, было обнаружено около 350 убитых и большое количество раненых. «Когда после боя подоспели русские и узнали о наших маленьких потерях, они были поражены храбростью Андраника, который был весьма недоволен, что дал все же столько жертв».

В. Язвицкий воспел вместе с командиром и добровольцев. В стихотворении «Армянским добровольцам» автор вспоминает измученные лица, сердитые жесты, полные страданий глаза армянских дружинников, которых преследует кровавый призрак с жадными очами.

Но каждый раз идти на бой и сечу
И будет петь в разгаре битвы:

¹ «Армяне и война», 1916, № 8.

«О, если смерть в бою жестоком встречу,
Я к ней не обращаю молитвы»¹

В. Язвицкий не только встречался с представителями армянского народа, не только воспевал их, но и написал поистине блестящую рецензию на только что вышедшую тогда антологию «Поэзия Армении»², которая явилась огромным событием в духовной жизни русских и армян в то трагическое время.

Издание «Поэзии Армении» на русском языке В. Язвицкий справедливо считал одним из «крупных фактов литературной жизни за последнее время». В кратком, но содержательном отзыве Язвицкий проследил этапы развития армянской поэзии, которая своей простотой и задушевностью напоминала русскому поэту «славянскую лирику, особенно сербскую». Положительно характеризует Язвицкий включенных в сборник поэтов. Но особо высокую оценку он дал поэме Ав. Исаакяна «Абул Ала Маари», которую слушал в чтении своего приятеля Л. Назарянца еще задолго до выхода «Поэзии Армении», в бытность свою на Балканах, в 1912 г. Справедливо и ценно резюме Язвицкого: он подчеркивал, что «струна армянской поэзии прозвучала в «Поэзии Армении», прозвучала полным звуком, и этот звук, безусловно, найдет отклик в каждом чутком сердце».

События Кавказского фронта в русско-турец-

¹ «Армянский вестник», 1916, № 45.

² Там же, 1917, № 12, стр. 5—8.

кой войне неоднократно освещались в прессе. Крупной победой явилось взятие Эрзурума русскими войсками в 1916 г. Корреспондент газеты «Русские ведомости» А. З. Мжедлов в статье «Взятие Эрзурума»¹ — о блестящей победе русских войск — сообщал о том, что ехал в Эрзрум по дороге, которой «шел когда-то Александр Македонский». Догнав «загоревших крепким зимним загаром» русских солдат, Мжедлов узнал, что русские войска уже взяли «первую и вторую линию» укреплений врага. Затем «героической, беспримерной в истории атакой» русских солдат был взят и Эрзрум. Турки укрепляли оборону города два года, они имели большие запасы продуктов и вооружения. Эрзрум имел выгодное географическое расположение: с трех сторон окружен горными высотами, что давало возможность обстреливать далеко вокруг и делало его неприступным. Турки построили свои укрепления в три линии за 30 км от города.

Русские войска начали наступление с востока, затем был нанесен сильный неожиданный удар с северной стороны и начат штурм с южной. Турецкая армия оказывала упорное сопротивление. А когда русские войска нанесли удар с фланга, враг пришел в замешательство, началась паника. Таким образом, русская армия заняла город Эрзрум и крепость. Это было второй крупной победой (после Сарыкамышской) русской армии на

¹ «Русские ведомости», 1916, 16 февраля.

Кавказском фронте»¹. Кстати, в русской армии в это время служило около 250 тыс. армян, а в Эрзрумском сражении участвовали грузинские и армянские добровольческие отряды, в которых насчитывалось около 10 тыс. человек².

Что же представлял собой Эрзрум в ту пору? Член Главного комитета Всероссийского союза городов П. Бурышкин в публикации «В Эрзруме»³ сообщал, что из 25 тыс. армян, которые жили тогда в Эрзруме, уцелело около двухсот человек. В июле-августе 1915 г. армянскому населению Эрзрума было предложено выселиться в глубь страны. «Им была гарантирована личная безопасность» и на случай нападения дана даже охрана. Путь начался благополучно, но вскоре все изменилось. «Турки начали грабить, насиловать женщин, умерщвлять детей и, наконец, несчастные подвергались поголовному истреблению. Трупы бросали в реки и, как передают очевидцы, от массы трупов останавливалась вода. Все происшедшее не поддается описанию и принадлежит к самым ужасным, по своему трагизму, моментам современной войны». Как утверждает П. Бурышкин, у союзни-

¹ Победе русских войск при взятии Эрзрума были посвящены пространные материалы в «Русском слове» от 5, 6 и 7 февраля 1916 г., в «Русских ведомостях» от 6 февраля 1916 г. и др.

² См.: История армянского народа с древнейших времен до наших дней, с. 262—263.

³ «Армянский вестник», 1916, № 7, с. 4—5.

ков Турции — «немцев был расчет вызвать известную национальную рознь и истреблением армян заранее лишить поддержки русские войска» (Подчеркнуто мною. — М. А.). В этих условиях большую помощь как армянскому населению, так и успешному продвижению русских войск на Кавказском фронте оказывало Всероссийское общество «Союз городов», которому было вменено в обязанность «содействовать восстановлению в пределах возможного нормального хода жизни и хозяйства разгромленного армянского населения».

Из многочисленных газетных публикаций этого периода нам хочется выделить некоторые материалы, касающиеся исторической судьбы города Эрзрума. В частности, «Русское слово» (4 и 5 февраля 1916) сообщало, что за последние менее чем сто лет русскому солдату трижды приходилось освобождать этот город. В первый раз в 1829 г., когда Пушкин совершил свое знаменитое путешествие в Эрзрум, второй — в 1877 г. и третий — в 1916 г. Кроме того, Эрзрум сильно пострадал и от землетрясений 1859 и 1901 гг. Это историческая судьба Эрзрума, она же — и судьба армян. А что представлял собой этот город в XIX веке? «Промышленность сконцентрирована была в руках армян, — писали «Русские ведомости» (6 февраля 1916 г.). — Но когда Эрзрум, взятый в 1829 г. гр. Паскевичем, был возвращен по Адрианопольскому миру Турции, тысячи армян (60 тыс.) ушли под предводительством епископа за русскими вой-

сками. Город опустел, между тем как в 20-х годах число жителей определялось в 100 и даже 130 тысяч; в середине 30-х годов цифра эта упала до 15 тысяч, причем армянских семей осталось будто бы всего навсего 120. Немало город страдал и от частых землетрясений... Теперь народнонаселение исчисляется в 50—60 тысяч». К этому следует добавить, что древний город Эрзрум славился кузнецами и мастерами по меди и бронзе, в нем много было кожевенных заводов, мастерских и торговцев; и взятие Эрзрума русскими в 1916 г. «оказало решающее влияние на ход операций на армянском театре войны».

Тематика публикаций об Армении в русской прессе перед Октябрьской революцией была самой разнообразной. В них отразились события современности и исторического прошлого, патриотизм, трудолюбие, гуманизм, героизм и свободолюбие армян. Публикации были полны сочувствия, сострадания и солидарности с угнетенным народом, в них глобально осмыслялась армянская действительность.

Документально-художественный очерк-воспоминание **Александра Тамарина** «Армяне»¹ поведал читателю о трех трагических случаях в судьбе армянского народа, происшедших в разных местах и ставших типичными для армянской действительности своего времени. А. Тамарин вспоми-

¹ «Армянский вестник», 1916, № 7, с. 5—6. № 8, с. 4—5.

пает, как восемнадцатилетним юношей, будучи в Батуми, он наблюдал на пристани скученных людей в лохмотьях, в трагическом оцепенении, с неестественными движениями, полухрипящими, полустонущими, с искривленными лицами и разбитыми головами. Подойдя к ним, Тамарин поинтересовался по-турецки:

«Вас громили?

— Режут, — устало пробормотал старик.

— Многие спаслись?

— Еще осталось... Нас много...

На куче лохмотьев, — пишет Тамарин, — лежал хилый ребенок с расширенными, воспаленными глазами на восковом лице.

— Больна?

— Изнасилована... Ей восемь зим минуло... Их было трое... Мать зарезали, а детей изнасиловали... Двое умерли, эта держится...

— Я давно перестал улыбаться, — продолжает Тамарин. — Отвел взгляд, поднял голову. Небо плакало, трауром востока обвивали чалмы облаков тоскующую лазурь.

— Господи, когда это кончится? — вырвалось у меня. Старик взглянул на меня и полувдохновенно, полунасмешливо, произнес:

— Когда в подземной пещере Арарата проснется царевна Айреник¹, заживо погребенная там... Когда придет смелый, честный, сильный богатырь,

Айреник (арм.) — родина.

с крестом на груди, разобьет гранит преград, одолеет кровавых джинов и разбудит царевну... Разбудит и отпустит ее на свободу...»

У беспомощного старика остались лишь оптимизм и заветные мечты о будущем.

Вторая часть очерка Тамарина рассказывает об издевательствах над армянами в селе Асарчик, близ Гюших-хана в Западной Армении.

Мужчины деревушки не смогли выполнить приказа Ассим-бея, которому захотелось, чтобы армяне не носили фуражек и шляп, а ходили в фесках. Приехав в деревню в воскресенье, через три дня после данного им приказа, Ассим-бей увидел, что все по-прежнему ходят в шляпах и фуражках. В лавках не было фесок, а до Трапезунда надо было идти пять дней. За неповиновение Ассим-бей повесил одного армянина, заporол двоих и приказал, чтобы утром все армяне села явились к нему в фесках. «Утром все мужчины были в фесках... — пишет Тамарин. — Всю ночь связанных по рукам мужчин... гоняли по горным дорогам и били нагайками по головам... Кожа разбухла, выступившая кровь склеила слипшиеся волосы и все оказались в красных фесках».

Таким образом, обе части очерка Тамарина поведствуют о горестном положении армянина в собственной стране, где волею одного, охваченного фанатизмом человека могли быть избиты или уничтожены сотни, тысячи, десятки и сотни тысяч безвинных людей.

Наконец, третья часть очерка касается армянской общины мхитаристов на острове Святого Лазаря в Венеции. Из уст монаха Тамарин узнал о мученической доле армянина на чужбине, о том, как двести лет назад Мхитар Себастици основал общину, которая на протяжении этого времени для своих братьев постоянно «ковала оружие» — распространяла знания. Мхитаристы дали армянскому народу «великих ученых, великих учителей». Они издали и распространили сотни книг. Среди них «жил и работал великий Гевонд Алишан, посвятивший жизнь просвещению народа, изучению его истории, его прав. Алишан, друг Гладстона, жил вот здесь, в этой комнате, рядом с комнатой, в которой много лет назад жил лорд Байрон. Эти стены слышали стон сердец, лучших сердец Армении. Вот гляжу я на смеющийся город, — продолжал монах, — а вижу огромный черный крест и на нем истерзанную, распятую Армению. Всех армян привозят сюда маленькими дикарями, затравленными зверенышами из глубоких уголков Турции. В Венеции они кончают колледж, а затем вступают в братство, в великую Академию наук, в наш храм, в сокровищницу мысли. И когда созревает их ум, крепнет сердце и просветляется душа, они отправляются на родину, туда... где на земле до ныне страсти ада, где люди умирают в муках за веру и свободу... Тяжело здесь. Чужбина — клетка для сына гор...

Монах раскашлялся, привычным жестом, конфузясь, приложил платок, вновь обогрившийся кровью.

— Но настанет час, — продолжал он, — когда и там, у нас, люди будут жить в домах с окнами... Доживу ли я? Дом... и в нем окна. И сон в кровати, сон людей, имеющих право спать ночью...

Холодом веяло от его слов, жутким холодом отчаяния... В ушах стоном звенело: «Когда падет Эрзрум?..».

Отец Дионисий, где вы? — вопрошает Тамарин в конце очерка. — Слышите ли грохот торжества, раскаты радостных криков, слышите ли вы — Эрзрум пал. Иль может быть, вы глядите на распускающуюся над вашей страной белую розу оттуда, сверху, из-за робко дрожащих звезд?

Отец Дионисий, близок час, когда ваши братья будут спать, как спят безмятежные дети. И люди будут жить в домах с окнами... Обреченный, при жизни распятый страдатель, слышите ли вы?»

Увы, «святой отец» не увидел, к сожалению, светлых дней своего народа, хотя об этом много и красиво мечтал...

Многочисленные и разнотемные публикации о современной Армении и ее историческом прошлом в предыдущие Октябрьской революции годы свидетельствуют о большом интересе русских деятелей культуры, русской общественности к жизни армянского народа, к событиям, происходящим на армянской земле.

В 1916 г. «Армянский вестник» напечатал «Сказку»¹ **Иванна**. Автор посвятил ее «нежной армянке», которая на протяжении многих веков гордо и стойко выносила нечеловеческие страдания, «сохраняя в чистоте для лучших дней свою яркую, богатую национальность».

В аллегорической форме «Сказка» знакомит читателя с тяжелой и горькой участью Армении. На протяжении всей истории этот край был яблоком раздора, выдержал тяжелые испытания; и армянка всегда переживала мрачную судьбу своего народа.

Сюжет «Сказки» разворачивается в стране, куда пришел Певец тоски и легенд — лирический герой повествования. Певец пришел с приветом от «Северной пленительной красавицы», чтобы послушать сказку... И вот, Сатиник — символ праматери армян — рассказывает сказку, начало которой «затеряно мировой памятью». Когда-то люди жили в мире, молились Святому Богу, наслаждались радостями жизни. По велению Святого Бога было сотворено чудо — маленькое дитя — и наречено Армэн, именем которой и была названа позже страна. Все любили страну — красавицу Армэн. Слава о ней разошлась повсюду и каждый втайне говорил: «Она будет моей». Но смешными казались ей признания царей, она гордо любила свободу и была полна светлых дум..

¹ «Армянский вестник», 1916, № 44.

Однако Черный Бог ночи, рассчитывая на жестокость сына Тьмы, царя Ущерб, постоянно нашептывал ему о красавице, живущей среди гор: «Что все девушки мира! Что все жены гаремов всех стран! Нет Армэн... Укради...».

Когда, переодевшись странником, Ущерб увидел Армэн, «все краски природы поблекли в очах Ущерб-царя. Все жены, любимые раньше, превратились в страшных жаб». Ущерб пленился красотой Армэн, однако она отклонила его признания. Оскорбленный Ущерб лютым зверем возвратился в свое царство. А Черный Бог ночи все нашептывал ему об Армэн, рисовал картины блаженства с ней. Тогда Ущерб решил силой отнять у народа Армэн. Он собрал войско и могучей силой сломил сопротивление народа, отнял Армэн и увез ее себе в жены. Но поцелуй его были «смертоносным ядом» для нее, она не смогла забыть свой народ, она любила свободу...

Все понял Ущерб и в отместку решил казнить Армэн. Узнал об этом Добрый Волшебник и усыпил Армэн, чтобы Ущерб не смог казнить ее. «Спит Армэн, как живая, нетленно-святая во сне грядущих радужных грез». И Сатаник верит, что «проснется царевна Армэн, плененная злым Ущербом». И вдруг сквозь утренний чуткий сон «тревожная дробь барабана пробуждает спящую царевну Армэн... О, его дробь звучит сладкой мелодией надежды в ее душе!.. Смелый вождь с волнистыми кудрями святого утра из страны полей ведет пол-

ки. Освободить красавицу Армэн... идут суровые седые богатыри. Уж близок рассвет. Предутренняя мгла еще сладко навеивает сон сказки... Скоро пробуждение».

Таким образом, «Сказка» Ивана тематикой перекликается со многими приведенными выше произведениями. Ее символика имеет реалистическую основу. По всей вероятности, Иван, как и многие авторы, писавшие об Армении, был хорошо знаком с историческим прошлым страны. Его аллегорическое сочинение не было случайным. Весь ход мысли автора прямо указывает на историческую судьбу Армении.

Трагическое настоящее этой страны было в центре внимания Ивана. Это и стало, пожалуй, поводом для ознакомления с мрачным прошлым армян, помогло увидеть их стойкость, мужество, терпение и надежду, понять свободолюбивый характер народа, его мирные цели и стремления и оптимистично предвидеть его будущее — будущее, которое принесла «Северная пленительная Красавица» Россия.

В русской художественной литературе неоднократно встречаются материалы, в которых воспеваются армянка. В основе этих сочинений лежат события реальной действительности, когда армянки несли все невзгоды судьбы наравне с мужчинами, проявляя легендарные примеры преданности и стойкости.

Давний друг армянского народа известный польский поэт Тадеуш Мицинский, много переводивший на польский армянских поэтов, путешествуя по Турции, слышал рассказы о мужестве и патриотизме армянской девушки. Он написал полный драматизма с трагическим исходом публицистический рассказ «Любовь Анагиты». Этот рассказ в переводе с польского в 1916 г. был напечатан в «Армянском вестнике»¹.

Тадеуш Мицинский повествует о том, как польский армянин, капитан Станислав Назарович (Назарян), уже воевавший за Польшу под Грюнвальдом, с отрядом в несколько сот кавказцев совершил в войне России с Турцией «дерзновенные подвиги отваги». По приказу главного штаба он прибыл в монастырь, чтобы уладить вопрос о «провианте войск в огромных имениях монастыря. Католикос вышел с крестом навстречу отряду. Дело было улажено в двух словах». В монастыре глубоко взволнованный Назарян молился за обе свои отчизны. Будучи родом из польских армян, он сохранил в душе самые теплые чувства к своей древней праматери — Армении. Это его патриотическое чувство усилилось еще и благодаря горячей любви к армянской девушке Анант, которую он еще до войны встретил в Тифлисе. Тогда же они поклялись в верности своей любви. Но родители Анант жили в Ване, куда она должна была тогда

¹ «Армянский вестник», 1916, №№ 36, 37, 38.

вернуться. С тех пор Назарян не видел ее. Он «надеялся получить известия об Анаит от ее дяди, епископа Мовшеяна», к которому прибыл с отрядом. В беседе с епископом Назарян узнал, что Анаит «находится среди заложников и вместе с родными... вывезена в Эрзрум». Епископ надел на шею Назаряна медный крест. «Простой, чтобы не приковывал внимания... Если нельзя будет спасти Анаит — перешли ей. Она знает этот крест. Он раскрывается пополам — там последнее средство в случае, когда уже нельзя избежать позора или пытки...» — напутствовал Мовшеян. Известие об Анаит изменило планы Назаряна. Он решил во что бы то ни стало принять участие в штурме Эрзрума. Пока он беседовал с епископом, солдаты в большом зале монастыря «сидели на лавках и пили из огромных кувшинов почти черное вино с чудесным ароматом. Столы были заставлены кушаньями. Играла музыка, извивались танцовщицы, но у стен, словно привиденья и скелеты, стояли беженцы...» И вот здесь певица Маги показала Назаряну хачагоха (крестокрада), который знал, где Анаит. Он видел ее мельком, она просила принести для нее от епископа Мовшеяна медный крест: «Проведи меня в Эрзрум... Я дам тебе десять кошельков с золотом, — обратился к крестокраду Назарян. — Хачагох насмешливо рассмеялся. — Зачем мне золотой платок, когда я плюю в него... кровью? Выше ста кошельков желтеньких туманов бревна виселицы. Но я проведу тебя, чтобы дока-

зять, что хачагох умеет уйти, как дьявол, а вернуться, как ангел! Вели дать мне одежду турецкого муллы и хорошего кабардинского коня.

Назарян отдал приказ и посмотрел на часы. Затем он ударил в ладоши. Стало тихо после общего шума, словно внезапно замерз шумящий водопад.

— Раненые могут остаться здесь в монастыре и будут постепенно возвращаться с обозами: могут пойти только здоровые, крепкие, готовые встретить самого черта лицом к лицу!», — сказал Назарян.

Они с трудом пробрались к Эрзруму. Через два месяца прибыли и русские войска. Был отдан приказ наступать. Назаряну с хачагохом с большим трудом удалось проникнуть сквозь подземный ход в город. Условными ракетными выстрелами они указали на пороховые склады противника. Русская артиллерия прямой наводкой взорвала их. Наконец, они нашли Анаит... Увиденное не могло быть осмыслено человеческим разумом. До чего дошла фантазия варвара? «Пожар освещал чердак. В окне первого этажа виднеется ее фигура. Привязанная к стене, — она высунула только верхнюю часть туловища. Анаит узнала возлюбленного! Радость и страдание смешались в ее крике. Назарян бросился к двери — заперты железными балками. В нижних окнах—решетки... С губ Анаит срываются жалобы и рыдания обезумевшего от ужаса ребенка. Она не может сделать ни одного

шага вперед, так крепко привязали ее к крюкам в стене; огонь уже подбирается к платью. Анаит стала молиться и запела гимн Божьей Матери. Назарян подбежал к Морган-бею (тяжело раненному Назаряном организатору этих варварств. — М. А.) — Укажи мне способ, как спасти ее...

— Нет спасения! — Лестницы здесь нет. Ключ брошен в пропасть, чтобы никто не оказался слабым и жалостным. Остается только одно — застрелить!..»

И Назарян вынужденно, с болью в сердце, прекратил мучения любимой Анаит...

В дошедшей до нас литературе нередко случаи, когда армяне сами кончали жизнь, дабы не стать жертвою ярости врага. Достаточно вспомнить роман П. Зубова «Карабахский астролог...» (М., 1834), в котором сын армянского мелика поразил себя кинжалом, чтобы не подчиниться Панахану; в стихотворении А. Кулебякина «Слепая» (см. выше) доброволец прекратил жизнь слепой, измученной, обессиленной старухи, чем избавил ее от длительных, безнадежных мучений; в этом рассказе А. Тамарина Назарян собственноручно пулей избавляет любимую девушку от смертельных страданий.

Вместе с тем в публикациях исследуемой темы встречаются примеры редкого благородства и гуманности армянки. В очерке за подписью «А—до» «Гуманная Армянка»¹ повествуется о том, как

¹ «Армянский вестник», 1917, № 4.

спустя ровно два месяца после армянской резни 1915 г., в селе Беркрикалан на пути в Ван автор вошел в дом армянина Симона, скончавшегося несколько лет назад. После него в доме остались вдова, два сына и дочь. Братья Седрак и Агамир вместе со всеми мужчинами села были убиты. Дом был разграблен и разрушен. В нищенском положении остались шестеро детей.

Внимание автора привлек мальчик лет четырех, «совершенно отличавшийся от других детей этой семьи». «А—до» обратился к старухе с вопросом, что это за ребенок? — «Турчонок», — ответила Санам.

Оказалось, что ребенка спасли армянские добровольцы. Так он и остался жить здесь вместе с «худенькими, измученными, с бледными лицами» шестью детьми этой семьи.

«Стоявшая молча старшая невестка, вдова Гето, в гневе, с дрожью в голосе вдруг обратилась к свекрови:

— Мама! Я убью этого мальчугана! Ведь эти негодяи убили моего мужа!..

— Что же сделал этот невинный ребенок, милая? Чем виноват, если безбожники умертвили твоего мужа и моих двух сыновей? Разве исцелишь ты наши раны, пролив кровь этого ребенка? Успокойся, дочь моя, успокойся, милая!

С такими словами обратилась к своей невестке убитая горем мать двух сыновей. И с такою убежденностью, и в таком спокойном тоне сказа-

ла это Санам, что можно думать, будто сама добродетель говорит ее устами...

Мне более не оставалось ничего сказать. Я преклонился перед великодушием этой представительницы армянского народа, попрощался с этими двумя убитыми горем женщинами и ушел. Но еще долго лицо Санам стояло передо мной...

Да, простым человеческим, а вернее материнским, великодушием была побеждена «святая» месть молодой женщины.

Такова была потопленная в крови суровая армянская действительность, подавленная и растоптанная справедливость в Западной Армении, нуждавшейся в помощи и защите. И звучали голоса в ее защиту. Но увы, меры нужны были уже более действенные.

Видный деятель Коммунистической партии С. М. Киров интересовался судьбою армян. Он осуждал не только геноцид армян, но и тех, кто был равнодушен к варварству вообще. В ответ на выступление министра иностранных дел России С. Д. Сазонова 14 февраля 1916 года С. М. Киров выступил в газете «Терек» в защиту армян. В остро обличительной статье «Народ страдающий» он писал: «Турки лелеют чудовищную мечту об истреблении всего армянского населения Турции! Об этом мы слышим вполне компетентное заявление. И делается страшно, что эта невероятная, на первый взгляд, мысль имеет за собою фактическое основание. С первых же дней войны с Турцией мы

знаем, что турки совершенно недвусмысленно оправдывали приведенное подозрение. Изю дня в день из Турецкой Армении шли одни и те же кошмарные вести. Что делали там турки, об этом не расскажут слезы армянских женщин и детей, а варварски пролитая кровь мирного армянского населения, переживающего невыразимый ужас и страдания, дает только некоторое, весьма отдаленное представление о голгофе армянского народа... Ведь нам первым нужно протянуть руку помощи оставшимся в живых, покинувшим свои пепелища беженцам-армянам».

Примечательно, что армянская действительность вызывала интерес и у тех, кто не только хорошо был осведомлен о современных событиях, но и об истории Армении, ее древней духовной культуре, и у тех, кто впервые увидел ее.

В воскресном номере от 13 ноября 1916 г. газета «Иркутская жизнь», выходящая далеко на востоке России, поместила материал своего корреспондента С. Полтавского «На пути к фронту».

В Армении Полтавский побывал в Алаверди, где увидел медеплавильный завод французского акционерного общества. «Завод обрабатывает добываемую здесь медную руду. Но это далеко не единственное богатство края этого. Красивые горы со сказочными очертаниями кроме меди прячут в себе целые залежи каменного угля... Кроме угля... в окрестных горах найдены богатые залежи марганца...».

Скупые сообщения об Александрополе, затем Карсе, о городах, которые проехал автор, создавали реальную картину разоренной армянской страны.

А когда Полтавский приехал в село Сарыкамыш, он почувствовал, что здесь «веет исполинской легендой. Знаменитые сарыкамышские бои, спасшие Закавказье от турецкого вторжения, здесь еще живы в воспоминаниях, как события вчерашнего дня, и все говорят о них с гордостью и с конкретностью, которая невольно волнует... Местные жители указывают: — Вот на той горе был взят в плен турецкий штаб. С этой горы наша артиллерия громила турок, когда они пытались со стороны Верхнего Сарыкамыша спуститься к «настоящему», в Нижний Сарыкамыш. Оттуда турки обстреливали станцию, отсюда их косили наши пулеметы...

Все это указывается пальцами, все видно, как на ладони. Невольно чувствуется, что отвлеченное понемногу становится реальным, отдаленное близким, что «фронт» перестал уже быть абстракцией, воспринимаемой только представлением, что он вот уже здесь, конкретный, пока еще озаренный отблесками прошлого, но уже явственно напоминающий о том, что еще немного — и он представит уже в свете трагических фактов настоящего, станет реальностью не лет минувших, а сегодняшнего дня...».

Таким образом, русская литература активно

выступала в защиту армян, но та часть трагических событий геноцида армян, которая нашла отображение в русской художественной литературе и публицистике, является незначительной толикой всех варварств. Официальные документы, собранные в названном выше объемистом сборнике «Геноцид армян в Османской империи» под редакцией М. Нерсисяна (изд. 2, Ер. 1982, 704 с.), и по сей день далеко не полностью отображают все зверства, учиненные над армянским народом.

Особое место и роль в отклике на трагедию армянского народа принадлежит В. Я. Брюсову. Он чистосердечно протянул руку помощи армянам и стал самым большим пропагандистом древней и новой поэзии Армении, когда армянский народ пережил геноцид 1915 г., когда в Западной (Турецкой) Армении было перебито более 1,5 млн. человек, когда там практически не осталось ни культурных очагов, ни армянского народа.

Деятельность В. Брюсова в русско-армянских отношениях не имеет себе равных. Она соприкасается с Арменией в нескольких аспектах: Брюсов — переводчик армянской лирики, составитель и редактор антологии «Поэзия Армении», критик армянской литературы, автор цикла стихов об Армении, исследователь армянской истории.

До середины 1915 г. Брюсов мало был знаком с Арменией, ее историей, литературой и древней культурой. Лишь в июне, когда в Московском армянском комитете назрела идея создания на рус-

ском языке большого сборника армянской поэзии, к Брюсову по совету М. Горького обратились представители этого комитета Ал. Цатурян и В. Терьян с просьбой возглавить работу по подготовке и изданию антологии, озаглавленной впоследствии «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней». Брюсов сразу положительного ответа не дал. Он пожелал вначале ознакомиться с армянской литературой, историей, и затем лишь ответить. «Мною была прочитана целая библиотека книг, — признавался впоследствии он, — на разных доступных мне языках (русском, французском, немецком, английском, латинском, итальянском)...». В изучении Армении Брюсов нашел «неиссякаемый источник высших духовных радостей... как историк, как человек науки, я увидел в истории Армении, — продолжает он, — целый самобытный мир, в котором тысячи интереснейших, сложных вопросов будили научное любопытство, а как поэт, как художник, я увидел в поэзии Армении такой же самобытный мир красоты, новую, раньше не известную мне, вселенную, в которой блистали и светились высокие создания подлинного художественного творчества»¹.

Знакомство, а затем и изучение Брюсовым армянской поэзии и истории дало возможность ему

¹ Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней. Редакция, вступительный очерк и примечания В. Я Брюсова, изд. III. Ереван, 1973, с. 9—10.

стать большим пропагандистом армянской лирики. Он выступил в 1915—1916 гг. с лекциями вначале в Москве и Петрограде, а затем и в городах Закавказья. Его деятельность стала новым мощным рычагом поддержания жизнеутверждающего духа армянского народа.

Лекции В. Брюсова в Баку, Тбилиси и Ереване имели огромный резонанс и особое звучание. Это были дни торжества и большого праздника армянской культуры. В отличие от лекций в Москве и Петрограде, в Закавказье слушателями В. Брюсова в основном были армяне, люди в той или иной степени знающие армянскую поэзию. Это, естественно, накладывало еще большую ответственность на русского поэта.

По возвращении из Закавказья Брюсов написал блестящий вступительный историко-литературный очерк «Поэзия Армении и ее единство на протяжении веков» к антологии «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней», вышедшей осенью 1916 г. в Москве под его редакцией и с его примечаниями.

Вступительный очерк В. Брюсова к «Поэзии Армении...» тогда явился самым обстоятельным исследованием на русском языке, не утратившим своей актуальности и научной ценности и в наши дни. В нем армянская лирика всех времен была подвергнута глубокому анализу и оценке.

В обращении к читателям В. Брюсов справедливо замечал, что «армянская поэзия, особенно

поэзия прошлых веков, составляет для большинства русских читателей то самое, что на старинных географических картах означалось белым местом с лаконической надписью: *terra incognita* — область неведомая. Тем смелее я могу высказать такое предположение, что еще очень недавно и сам я был в положении таких читателей: и для меня поэзия Армении была чем-то неизвестным, с чем я был знаком лишь по смутным и неопределенным слухам»¹.

Описывая обстоятельства, в которых ему пришлось познакомиться с армянской культурой, В. Брюсов говорит о праве армян на внимание других народов: «Мы, русские, как и вся Европа, вспоминаем об армянах лишь в те дни, когда им нужна бывает рука помощи, чтобы спасти их от поголовного истребления озверевшими полчищами султана. Между тем, есть у армян более высокое право на наше внимание и на внимание всего мира: та высокая культура, которую выработал армянский народ за долгие века своего самостоятельного существования, и та исключительно богатая литература, которая составляет драгоценный вклад Армении в общую сокровищницу человечества»¹.

Особо выделяя древнюю и средневековую армянскую поэзию, Брюсов в очерке отмечает, что

¹ Поэзия Армении. с. 7.

² Там же, с. 10.

каждый век в армянской поэзии имеет своих «достойных представителей: один — больше, другой — меньше, в зависимости от общей эволюции литературы. Григорий Нарекский (X в.), Нерсес Благодатный (XII в.), Ованес Ерзнкайский (XIII в.), Фрик (XIII—XIV вв.), Констандин Ерзнкайский (XIII—XIV вв.), Мкртыч Нагаш (XV в.), Григорий Ахтамарский (XVI в.), Наапет Кучак (XVI в.), Нагаш Овнатан (XVII в.), Саят-Нова (XVIII в.) и лучшие поэты современной Армении, все это — имена, которые должно помнить и чтить всем, кому дорога поэзия, наравне с именами любимых лириков других народов: Саффо и Овидия, Хафиза и Омара Хаяма, Петрарки и Ронсара, Шелли и Тютчева, Гейне и Верлена»¹.

Горькая судьба армянского народа, на протяжении веков являвшегося «яблоком раздора», ярко отразилась в его поэзии. «Народы, давно сошедшие с мировой сцены, оставили следы в народной душе Армении, и эти следы таинственно оживают в стихах армянских поэтов. Прислушиваясь, мы слышим в средневековой армянской лирике отзвуки седой, нам еле ведомой старины»². В. Брюсов подчеркивает не только познавательный интерес армянской поэзии, представляющей русскому читателю новый мир переживаний и обычаев, но и ее величайшую эстетическую значимость.

¹ Поэзия Армении., с. 12.

² Там же.

К заслугам В. Брюсова следует отнести и то, что, прослеживая в истории армянской поэзии разнообразные влияния — иранское, эллинское, семитическое, романское, германское, славянское, — он одновременно подчеркивал, что «армянская поэзия, взятая в целом» остается всегда «верным зеркалом народной души», она «поет о великих торжествах или великих печалях всей своей родины, в созданиях художников всегда воплощены переживания народа»¹.

Конкретный разбор многовековой поэзии армянского народа В. Брюсов впервые в русской критике начинает с произведений устного творчества.

Связывая письменную литературу армянского народа с созданием армянского алфавита в начале V в., В. Брюсов справедливо находит, что армянская национальная культура не могла бы иметь столь бурного развития сразу после изобретения алфавита, если бы армяне не пользовались до того греческим или сирийским, или же не имели своего хотя бы несовершенного алфавита. В культуре древнего периода устанавливается определенное влияние Востока и Запада, которое осуществлялось благодаря переводам на армянский язык с сирийского и греческого.

Изучение истории и поэзии Армении, ее критическое осмысление, а затем и посещение этой

¹ Поэзия Армении ..., с. 12.

страны дало возможность В. Брюсову написать цикл стихов об Армии.

И первое из этого цикла — «К Армении» — было написано в декабре 1915 г.

В нем Брюсов восторженно признавался:

Армения! Твой древний голос—
Как свежий ветер в летний зной!
И, как дождем омытый колос,
Я выпрямляюсь под грозой!

В Армении Брюсов неожиданно для себя открыл «целый мир живой»:

Но там, где я искал гробницы,
Я целый мир живой обрел,
Запели, в сретенье денницы,
Давно истлевшие цевницы,
И смерти луг—в цветах расцвел¹.

В ходе работы над вступительным очерком к «Поэзии Армении» В. Брюсов, параллельно с литературой, обстоятельно изучил и историю Армении. Итогом этой работы стал очерк «Летопись исторических судеб армянского народа». Словно летописец, Брюсов прослеживает год за годом многовековую историю страны. На основе этого материала, надо полагать, Брюсов написал стихотворение «К армянам»:

Да! Вы поставлены на грани
Двух разных спорящих миров,

¹ Брюсов В. Собр. соч. в семи томах, т. 2. М., 1973, с. 235.

И в глубине родных преданий
Вам слышны отзвуки веков¹

Защитный меч армянского народа испытали полки Кира, Александра Македонского, Лукулла, Юстиниана, Чингиз-хана, Ленгтимура и многих, многих других завоевателей. Судьба вынуждала «стойкого воина» — армянина защищать и хранить «край Наирский». И даже в мрачные времена своей истории армянский народ не терял надежды. В борьбе мужал его дух, люди становились не слабее, а сильнее. Хотя трагедия и печаль зачастую приходили вдруг, и смерть наступала мгновенно, а скорбь длилась годами, десятилетиями, веками, тем не менее «народ Тиграна» должен был выйти «звездой из тумана». Он вправе был носить горделиво «свой многовековый венок», потому что справедливость земная и живая народная лира всегда предвосхищали ему светлый путь.

А мы, великому наследью
Дивясь, обеты слышим в нем...
Так! Прошлое тяжелой медью
Гудит над каждым новым днем².

В связи с подготовкой сборника «Поэзия Армении», как было отмечено выше, Бакинское общество любителей армянской словесности пригласило В. Я. Брюсова прочитать цикл лекций об ар-

Брюсов В. Собр. соч. в семи томах, т. 2, с. 234.

² Там же, с. 235.

мянской литературе. В январе 1916 г. он посетил Баку, Тифлис, Ереван (Эривань), Эчмиадзин. Его первые стихи «К Армении», «К армянам» и затем «К Арарату», «Путевые заметки», «Тигран Великий», «Победа при Каррах», «В Тифлисе», «Свобода и война» и др. охватывали различные периоды жизни Армении и армянского народа.

В Эчмиадзине Брюсов восхищался «белым конусом» древнего Арарата. Этот «властелин гор» вознесся в голубом просторе под облаками и всегда ласкал взор человека. Вокруг него раскинулись «убогие деревни», и где-то там, на каменистом поле, седой старик водил овец. Но в своей молчаливой гордыне этот любимец народа, Арарат, не один, как и армянский народ:

А против Арарата, слева,
В снегах, алея, Алагяз,
Короной венчанная дева,
Со старика не сводит глаз¹.

Картина седого Арарата встает величественно и зримо и в другом стихотворении Брюсова — «Арарат из Эривани». У подножья «священной горы» возрождается жизнь, бурлят шумные потоки, проходят купцы, а древний Арарат — безмолвный свидетель «дыма, стали, огня, тела и крови» — стоит в задумчивости, и никто не смеет нарушить его покой.

¹ Брюсов В. Собр. соч. в семи томах, т. 2, с. 235.

Но ты, седой Масис, не слышишь,
Ни шумных хвал, ни нужд земных,
Ты их отверг, ты выше их,
Ты небом и веками дышишь,
Тебе шептать—лишь младший брат
Дерзает-- Малый Арарат¹.

В «армянских» стихах Брюсова преобладает историко-героическая тема. Да это и понятно. Глубокий знаток истории и литературы Армении, Брюсов видел, как во все времена меч и перо армян действовали сообща: история показывала героическое, оборонительное назначение меча, а перо отображало события в литературе, оставляя грядущим поколениям примеры преданности, доблести и славы народной. Брюсов сознавал, что литературная задача превращалась в общественную и что словесность для армянского народа также была средством самозащиты. В стихотворении «Тигран Великий» поэт воспринял армянского царя как человека, преданного своему народу, которому

...военная невзгода
Смела намеченный узор,—
Ты помнил благо лишь народа,
Не честь свою, не гордость рода,—
Как кубок яда, пил позор².

¹ Брюсов В. Собр. соч. в семи томах, т. 2., М., 1973, с. 245.

² Там же.

Брюсов имеет в виду здесь печальный исторический случай, когда имевший титул «Царя царей» Тигран Великий личное самолюбие принес в жертву интересам государства. Чтобы не губить народ, он явился к римскому полководцу Помпею, грозившему Армении разгромом, и снял пред ним тиару. Таким образом он спас армянский народ от войны, уплатив лишь контрибуцию. Вознесенный и увенчанный в свое время лаврами Тигран преклонился перед Помпеем, но остался «во имя родины — велик!»

В основу стихотворения «Победа при Каррах» легло другое историческое событие, относящееся к 53 г. до н. э. Римские войска под началом Красса потерпели сокрушительное поражение от войск союзных государств — Армении и Парфии. Брюсов в «Летописи исторических судеб армянского народа» рассказывает о том, как военачальник парфских войск Сурена приказал отрубить голову и правую руку покоренного Красса и доставить их армянскому царю Артавазду и парфскому — Ороду. Последний находился в то время в столице армянского государства, Арташате, на бракосочетании парфского царевича с сестрой армянского царя Артавазда II. Перед собравшимися разыгрывалась трагедия Еврипида «Вакханки». Гонец Сурены, Силлах, доставил крованые трофеи и, поклонившись царям, бросил их на сцену. Греческий актер Ясон Тральский, игравший роль Агавы, по ходу пьесы должен был показать голову растерзан-

ного менадамии Пенфея. Он подхватил вместо того голову Красса и бросил ее на подмости, сопроводив действие соответствующими стихами из трагедии. Брюсов с большим мастерством передал в стихотворении эту сцену:

...Актер, игравший роль Агавы,
Из рук усталого гонца
Поспешно принял символ славы,
Трофей жестокий и кровавый,
С чертами римского лица...
 Катясь, упала на подмости,
 Надменный Красс, твоя глава,
 В ответ на стук глухой и жесткий,
 По всем рядам, как отголоски,
 Прошла мгновенная молва.

Эпизод из армянской доисторической поры нашел художественное отображение в драматической «исторической сцене» «Моление царя». По широте охвата материала и драматизму он занимает особое место в армянском цикле В. Брюсова. Ограниченность действующих лиц (царь Армении Артавазд II, пленник-еврей, Спарапет — военачальник армянского войска) не ограничила широту охвата и глубину беседы армянского царя с пленным евреем, который попал в Армению, по всей вероятности, вместе с другими, когда, покорив римлян, предводитель парфского войска Бакур в союзе с Арменией захватил Сирию, Иудею и Палестину. Оттуда он переселил большое количество евреев,

значительная часть которых была оставлена в Армении¹.

Действие «исторической сцены» происходит в присутствии приближенных и стражи в царском шатре. По велению царя входит еврей. Царь обращается к нему:

Мне говорили: ты гадать умеешь
И будущее верно предрекать.
Я приказал тебе прочесть по звездам,
Что моему народу Рок судил.
Готовы ли твои предвозвещения?

В «Молении царя» Брюсов, как верно было замечено, не случайно отвел первостепенную роль в предопределении судьбы силе провидения, как в классической древнегреческой трагедии². На протяжении всей беседы бросается в глаза озабоченность царя будущей судьбой своего народа, страны:

Тебе твой Бог поведал судьбу
Моей Армении?

Проницательным показан в «исторической сцене» еврей-предсказатель. Он смутно видел «в ночи» «грядущего видения» и, повинаясь воле царя, предрекает, обращаясь к нему:

¹ См.: Лео. Собр. соч. в десяти томах, т. 1. Ереван, 1966, с. 322—329 (на арм. яз.).

² См.: Ганалаян О. Т. Армения в поэзии В. Брюсова.— В сб.: Брюсовские чтения 1963 года. Ереван, 1964, с. 545.

По слову твоему, молился Богу,
И был мне глас в ночи: «Встань и смотри!»
И я увидел, словно в буре некой,
Века, царей и битвы: все неслось,
Крутилось в вихре, восставали царства,
И падали. Лишь западный Дракон
Все возрастал в своей безмерной силе
И, простираясь, землю наполнял,
И вот уже не оставалось места
Где б не было его: Восток и Запад,
И Юг и Север, все заполнил он...

Еврей говорит, что он видел также «вихрь и бурю» веков, двуглавого Дракона, который «распался». И стало два Дракона, один из них стал пожирать все владения. Но ему навстречу вышел Лев, за спиной которого было солнце. И вступили в бой Лев и Дракон. Они «разорвали» и армянский народ. Одну часть захватил Лев, другую — Дракон:

...И стоя над добычей.
Они рычали, скаля зубы...¹

Хотя беседа между царем и пленником протекает в древнюю пору, однако Брюсов вводит в «историческую сцену» события и более позднего времени, когда Армении неоднократно разделяли на части завоеватели. Доведя до современности, Брюсов окинул беглым взглядом прошлое Ар-

¹ Брюсов В. Об Армении и армянской культуре. Ереван, 1963, с. 22—28.

мени и отобразил его в «Молении царя». Основой для этого, безусловно, служил накопленный и изученный Брюсовым материал для его «Летописи исторических судеб армянского народа».

Вместе с историко-героическим в стихах Брюсова отображены и социальные вопросы инонациональной действительности. Человек огромной и высокой поэтической культуры, он в марте 1917 г., приветствуя февральскую революцию, написал глубоко философское стихотворение «Свобода и война». Как и в других его стихах, здесь проявились редкие качества оригинального исследователя, блестящего поэта и большого гуманиста. Глубокие раздумья В. Брюсова сказались в оценке событий. Он одинаково осуждал все: и когда в весенние радостные дни на «празднике верб» по слову султана гибли тысячи людей, и когда пытки одних были забавой для других, и когда убийство было игрой, и когда весенние дубравы вместо песен лепетали «напев похорон». Русскому поэту было ненавистно попрание свободы:

Довольно! Не кончено дело свободы,
Не праздник пред нами, а подвиг и труд,
Покуда, в оковах, другие народы,
С надеждой на нас, избавления ждут!¹

К циклу стихотворений «В Армении» примыкают также стихи «В Баку», «В Тифлисе», «Ба-

¹ Брюсов В. Собр. соч., т. 2, с. 223.

ку» и др. Воспевая январскую красоту дремлющих на рейде «разноцветных судов» в приморском городе, поэт в стихотворении «В Баку» в мечтах ищет персидские берега, где розы Ширази, сады Шахнаме, газели Гафиза, где в древние времена велась война армян под предводительством Тигра-на Великого с полками Кира:

Привет тебе, дальний и дивный Иран,
Ты праотец мира,
Где некогда шли спарапеты армян
За знаменем Кира...¹

Примечательно, что в трех городах Закавказья В. Брюсов заметил внутреннее единство народов. В стихотворении «В Тифлисе» поэт «ведет» читателя по городу, показывает ему «вершины снежных гор», монастыри, сдавленную берегами Куру, «многоодежную» и разноязычную толпу в многолюдных базарах, вспоминает Саят-Нову, связанного узами дружбы с этим городом и народом.

В мечтах восставить над обломками
Пленителей молвы:
Тамары век, с делами громкими,
И век Саят-Новы².

В январе 1917 г. В. Брюсов второй раз побывал в Закавказье. Впечатления от этой поездки и

¹ Брюсов В. Собр. соч., т. 2, с. 243.

² Там же, с. 240.

воспоминания от прошлой стали содержанием стихотворения «Баку». Брюсов описывает времена, когда Каспий занимал несравненно большие пространства, соединялся с Черным и Азовским морями, «омывал вековой Арарат», а

Ныне увидишь ли старых друзей?
Где ты, Масис, охранитель ковчега?
Так же ли дремлешь в гордыне своей?
— Хмурится Каспий, бьет в берег с разбега¹.

Брюсов, как никто из современных ему русских поэтов, глубоко знал армянскую литературу, культуру, армянскую поэзию всех времен. Он лично был знаком и с многими армянскими поэтами, деятелями культуры и литературы. Его современники — Ов. Туманян, И. Иоаннисян и А. Исаакян — служили источником вдохновения и для В. Брюсова, и для многих русских поэтов.

С известным армянским поэтом И. Иоаннисяном Брюсов познакомился в Баку, в январе 1916 г. А в апреле он писал ему: «Вспоминаю теперь наши дни в Баку, как прекрасное видение. Не часто, даже нам, поэтам, выпадает в жизни счастье оказаться в кругу лиц, столь преданных поэзии, как то было с нами в городе огнепоклонников. И еще раз — счастье встретиться с подлинным поэтом, как довелось мне встретиться с Вами».

Вот какие строки посвятил тогда Брюсов Иоаннесу Иоаннисяну:

¹ Брюсов В. Собр. соч., т. 2, с. 238.

К тебе приблизиться, то значит—
Вдохнуть души прекрасный свет.
Кто удручен, кто тайно плачет,—
Тот ищет строф твоих, поэт.
В армянской новой жизни начат
Твоим напевом яркий след!¹

С Ованесом Туманяном В. Брюсов познакомился в январе 1916 года в Тифлисе. 25 февраля он сделал дарственную надпись на первом томе своего «Полного собрания сочинений и переводов» (1913): «Ивану Фаддеевичу Туманяну, поэту, блистательнейшей звезде светлого трехзвездия армянской поэзии — от сердечно преданного автора». И стихи:

...Да будет праведно возмездие
Судьбы—и в годах и в веках:
Так! создал новое созвездие
Ты на армянских небесах.
Пусть звезды малые и крупные
Тебя кропят, пронзая тьму:
Мы смотрим в сферы недоступные,
Дивясь сиянью твоему!²

И теперь читатель «дивится сиянью» В. Брюсова, так любовно закрепившего узы дружбы между литературами и культурами двух братских народов.

Ов. Туманяну, как мы показали выше, посвя-

¹ Брюсов В. Собр. соч., т. 2, с. 300.

² Там же.

щали стихи и другие русские поэты. Здесь же вспомним, что 3 августа 1917 г. на армянском вечере в Пятигорске К. Бальмонт посвятил ему стихотворение, в котором признался, что «напевный дар» Туманяна пьянит его стих, а слава армянского поэта распространилась далеко за пределами Армении, и что в русской среде он стал «родным Иваном»:

И ты не только средь армян
Лучистой славой осиян,
Но твой нарядный талисман
Забросил в дали Русских стран...
Живи же светлый Туманян!¹

Кстати, Армению К. Бальмонт воспринял в образе юной и красивой девушки. В стихотворении «Песня девушки (Армения)» эта страна для поэта — «роза весенняя» и «высь поднебесная». Аллегорически воспетая Армения пленила своей красотой поэта:

Если б роза весенняя
Не похожа была
На лицо юной девушки,—
Кто ценил бы ее?
Если б высь поднебесная
Не похожа была
На глаза юной девушки,
Кто б смотрел на нее?²

¹ «Армянский вестник», 1917, № 37—38, с. 13.

² Там же, № 23, с. 9.

Мы сознательно отвлеклись от Брюсова, чтобы к месту показать интерес другого русского поэта к армянскому.

В заключение, продолжая мысль о В. Брюсове, скажем, что, успев за короткое время ознакомиться с армянским языком и основательно изучить историю Армении, ее поэзию всех времен, В. Брюсов в июне 1916 г. написал небольшую рецензию «Царства Араратские»¹ на книгу русского писателя и историка А. В. Амфитеатрова «Армения и Рим»². Книга Амфитеатрова освещала историю древнего периода Армении. Хотя Брюсов в целом положительно оценил работу историка: «книга интересная и дельная и прочесть ее следует», и тем не менее маститый ученый и критик указал на ряд весьма существенных недостатков, которые подчеркивали слабость общих познаний Амфитеатрова и глубокие, обоснованные утверждения В. Брюсова.

Вспомнив в начале своей богато насыщенной историческими фактами статьи о наличии некоторых работ по истории Армении и «превратности судьбы» армян, Брюсов отмечал, что история Армении еще «слабо разработана даже в специальных трудах», мало или вовсе неизвестна большин-

¹ Русская мысль», 1916, июнь, отдел «В России и за границей», с. 12—16.

² Амфитеатров А. В. Армения и Рим. Царства зверя. Историческое сочинение, т. I, Пг., 1916.

ству русских читателей. Тогда как «армяне за тысячелетия своей исторической жизни создали самостоятельную культуру, к сожалению, до сих пор недостаточно изученную. Труды армянских историков давно пользуются заслуженным признанием, так как сохранили нам сведения, утраченные во всех других источниках. В армянских переводах дошли до нас многие сочинения античных писателей, утерянные в подлинниках. Но, может быть, высшую ценность представляет армянская средневековая лирика...»¹ Амфитеатров в своей книге, как справедливо утверждает Брюсов, находится в «безусловной зависимости от своих предшественников в самой постановке вопросов: новых общих точек зрения не выставляет и ничего существенного в установившихся взглядах не изменяет»².

В. Брюсов указывал, что история Армении, «обнимающая два с половиною тысячелетия», является «неисчерпаемым кладом». Она «теснейшим образом связана со всеми важнейшими явлениями, которые потрясли Старый Свет», должна быть разработана основательно в отличие от повествования Амфитеатрова, у которого «история армян изложена слишком поверхностно и не везде в согласии с новейшими данными науки»³.

¹ «Русская мысль», с. 14.

² Там же.

³ Там же, с. 15.

Рецензия В. Брюсова — это не только оценка книги Амфитеатрова, но и повод к высказыванию сокровенного, к рассуждениям о древней истории Армении, о средневековой армянской лирике, которая, «когда станет широко известна, будет признана в числе лучших драгоценностей всего человечества». Начало широкой известности армянской лирики и ее критического осмысления заложил Брюсов, а полнокровное звучание на русском языке она получила лишь в советское время.

В рецензии на книгу Амфитеатрова Брюсов вскользь затронул вопросы армянской лирики, поскольку основным предметом его размышлений была история Армении, которая представляет «собой единственную эпопею, еще зарытый клад для истории, сокровища которого надо только вынести в свет, чтобы они засверкали тысячами многоцветных лучей»¹. И Брюсов вынес, «вынес в свет» не только историю Армении, но и средневековую армянскую лирику в своем вступительном историко-литературном очерке «Поэзия Армении и ее единство на протяжении веков» к антологии «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней»².

Таким образом, Брюсов подошел к армянской действительности не только как критик, но и как поэт и переводчик. Он изучил и «пережил» многие события армянской действительности разных эпох,

¹ «Русская мысль», с. 14.

² См.: Поэзия Армении... с. 27—97

которые затем вылились в поэтический цикл «В Армении».

Он одним из первых дал отпор фальсификаторам истории геноцида армян, четко высказал свое отношение по этому вопросу еще в 1916 г. Брюсов писал: «В начале войны часть армянских земель (до области Вана) была взята русскими войсками, в других же турки продолжали свою прежнюю политику, не останавливаясь перед такими грандиозными избиениями, на которые не отваживался и Ленгтимур...

...Мы уже не имели возможности использовать «Синюю книгу» 1915 г. по армянскому вопросу, где собраны факты, поистине ужасающие по своей невероятной жестокости. Что бы ни говорили защитники турок, как бы ни ссылались на доводы «государственной необходимости», ничто не может оправдать массовых избиений, опустошения целых провинций, обречения на голодную смерть изгоняемого населения деревень и городов и т. п. Вовсе не фантастичен подсчет, указывающий, что в начале современной войны в турецких областях от казней, от убийств, от голода, от истощения, в пожарах, на пути в ссылку, в пустынях, назначенных для жительства, и т. п. погибло **свыше миллиона душ армянского населения...**»¹.

Русские писатели и поэты в канун Октябрь-

¹ Брюсов В. Летопись исторических судеб армянского народа. М., 1918, с. 100, 115.

ской революции как в центре России, так и на периферии откликались в своем художественном слове на различные события армянской действительности. Так, в мае 1917 г. в Ялте, в типографии Роговенко, вышла поэма **Евгения Балковского** «В защиту турецких армян». В ней нашли отображение события последних лет. В поэтическом слове автора прослеживается, как с давних пор мидяне, римляне, затем арабы и турки разоряли Армению. И теперь эта страна охвачена ужасом кровавых событий:

Опять наших жен, дочерей, и сестер
Заставят в Стамбуле томиться;
Опять будут ждать их стыд и позор,—
Иль волны Евфрата, иль дымный костер,
Иль рабство и слезы в темнице.

Глубокие философские размышления Балковского о горькой многовековой судьбе армянского народа подкрепляются отображенными в поэтических образах фактами реальной действительности. Балковой, как и многие русские авторы, не отделившие свое личное от армянского и осудившие в художественном слове мрачные события в жизни армянского народа, заметил жизнестойкую черту армян — их надежду на лучшее будущее:

Не раз нам казалось: погибла страна!
Иссякнет в ней жизнь, истощится!..
Но вот подняла нас надежды волна:
Весь мир охватила борьба и война,

Теперь наша участь решиться должна!
Свобода к нам в двери стучится...

Таким образом, исследованные художественные сочинения и документальные сообщения показывают, что русские писатели различных уровней и воззрений одинаково с болью и сочувствием отнеслись к трагедии другого, в данном случае армянского народа и осудили геноцид, тем самым вопреки каннибализму еще раз продемонстрировали гуманистический характер русской литературы.

В конце книги обычно делаются выводы. Мы не сделали их, поскольку рассмотренные материалы не нуждаются в этом. Вместо выводов скажем, что художественные произведения русской литературы и официальные документы о геноциде — это реквием по истерзанным армянам. Они настоятельно требуют государственного признания геноцида армян как в Советском Союзе, так и во всем мире. Ведь значимость этих материалов не поблекнет никогда в памяти истории. «Уважение к минувшему, — подчеркивал А. Пушкин, — вот черта, которая отличает образованность от дикости». Русская литература своими гуманистическими идеями поучительна, она утверждает взаимопонимание между народами. Это одно из ее бесценных качеств.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ленин В. И. «Докладная записка директора департамента полиции Лопухина». — Полн. собр. соч., т. 9.
Ленин В. И. «Первое мая». — Там же, т. 10.

* *

1. Август Фон-Гакстгаузен. Закавказский край. Заметки о семейной и общественной жизни и отношениях народов, обитающих между Черным и Каспийским морями, ч. II, СПб., 1857.

2. А-до. «Гуманная армянка». — «Армянский вестник», 1917, № 4.

3. Акопян Э. А. «Арменоведческие взгляды А. Н. Радищева и С. Н. Глинки». — В сб.: «Литературные связи», т. III, Ереван, 1981.

4. Алексеева Е. «Мать Айастан», «Зачем вы молчите?», «Армения», «Зинворам», «Рассвет» — «Армянский вестник», 1916, №№ 44, 48; 1917, №№ 2, 4, 10, 11, 12, 13.

5. Амирханян М. Д. Русская художественная публицистика об Армении. Ереван, 1984.

6. Амирханян М. Д. «Пушкин и Армения». — «Литературная Армения», 1980, № 1.

7. Амирханян М. Д. «Поэтический цикл «В Армении» В. Я. Брюсова». — В сб.: «Брюсовские чтения», 1980 г., Ереван, 1983.

8. Амфитеатров А. В. Армянский вопрос. СПб., 1906.

9. «Андраник». — «Армяне и война», 1916, № 8.
10. Арешян С. Г. Армянская печать и царская цензура. Ереван, 1957.
11. Балаян Б. Кровь на алмазе «Шах». Трагедия А. С. Грибоедова. Ереван, 1983.
12. Балковой Е. В защиту турецких армян. Ялта, 1917.
13. Бальмонт К. «Песня девушки (Армения)». — «Армянский вестник», 1917, № 23.
14. Барановский Я. «Армянскому народу». — «Армянский вестник», 1916, № 29.
15. Братская помощь пострадавшим в Турции армянам. Изд. II, М., 1898.
16. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823.
17. Брюсов В. Я. Летопись исторических судеб армянского народа. М., 1918.
18. Брюсов В. Я. Об Армении и армянской культуре, Ереван, 1963.
19. Брюсов В. Я. «Царства Араратские». — «Русская мысль», 1916, июнь.
20. Бунин И. А. «Петлистые уши». — Собр. соч. в 9-ти томах. Т. I, М., 1965.
21. Бурышкин П. «В Эрзруме». — «Армянский вестник», 1916, № 7.
22. Верховский Ю. «Памяти Керн». — «Армяне и война», 1916, № 4.
23. Веселовский Ю. А. «Армянская поэзия XIX в. и ее происхождение». — «Русская мысль», 1901, кн. 12.
24. Веселовский Ю. А. Армянский поэт Смбат Шахазиз (Критический очерк). Изд. II, М., 1905.
25. Веселовский Ю. А. «Литературный деятель героической эпохи». — «Кавказский вестник», 1901, кн. 14.
26. Веселовский Ю. А. Очерки армянской литературы и жизни. Армавир, 1906.

27. Веселовский Ю. А. «Чего ищет сейчас русский читатель в армянской литературе». — «Армянский вестник», 1916, № 40.

28. Веселовский Ю. А. «Страдающие дети» — «Армянский вестник», 1917, №№ 39—40, 41—42.

29. Восканян В. К. «Древняя Русь и Украина в судьбах армян». — В сб.: «Исторические связи и дружба украинского и армянского народов», Ереван, 1961.

30. Всемирная история. М., 1961, т. 7.

31. Всемирный путешественник или познание старого и нового света, т. е. описание всех по сие время известных земель в четырех частях света., изданное Аббатом де ла Порт. СПб., 1781, т. 2.

32. Ганалаян О. Т. «Армения в поэзии Брюсова». — В сб.: «Брюсовские чтения 1963 года». Ереван, 1964.

33. Геноцид армян в Османской империи. Сост. М. Г. Перепелян, Р. Г. Саакян. Под ред. М. Нерсисяна, II доп. издание. Ереван, 1982.

34. Герберт Адамс Гиббонс. Последние избиения в Армении. Пг 1916.

35. Городецкий С. М. Об Армении и армянской культуре. Сост. Н. Сафразбекян. Редакция и предисловие Г. Б. Гарибджаняна, Ереван, 1974.

36. Горький М. Мать. — Полн. собр. соч. М., 1950, т. 7.

37. Горький М. «О Кавказских событиях» — Полн. собр. соч. М., 1953, т. 23.

38. Грибоедов А. С. Сочинения. М., 1953.

39. Григорьян К. Н. Армения в русской литературе и живописи XVIII — первой половины XIX вв. Ереван, 1962.

40. Григорьян К. Н. Из истории русско-армянских литературных и культурных отношений (X — начало XX века). Ереван, 1974.

41. Давтян А. М. Ю. Веселовский и армянская литература. Ереван, 1970.

42. Давыдкин Д. «Кери», «Незаметный герой», «Могилы». — «Армянский вестник», 1916, №№ 33, 46; 1917, № 14.

43. Диллон Эмиль и Грин Фридрих. Положение дел в Турецкой и Армении и турецкие зверства в Сасуне. М., 1896.
- 43а. Домашнев С. Г. «Стихотворство армянское». — «Полезное увеселение», 1762, май-июнь.
44. Ениколопов И. К. Грибоедов и Восток. Изд. II. Ереван, 1974.
45. Еремин И. П. «Литературное наследие Феодосия Печерского». — ТОДРЛ, т. V, Л., 1947.
46. Заров С. «На смерть Кери». — «Армянский вестник», 1916, № 22.
47. Иванн «Сказка». — «Армянский вестник», 1916, № 4.
48. «Из персидских походных записок русского воина. Русские святки». — «Дамский журнал», 1830, № 5.
49. История армянского народа с древнейших времен до наших дней. Под ред. М. Нерсисяна. Ереван, 1980.
50. Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984.
51. Карамзин Н. М. История государства Российского Т. I, СПб., 1816; Т. III, СПб., 1816; Т. IV, СПб., 1817; Т. V, СПб., 1817; Т. X, СПб., 1824.
52. Киракосян Дж. С. Западная Армения в годы первой мировой войны. Ереван, 1971.
53. Киракосян Дж. С. Младотурки перед судом истории. Ереван, 1986.
54. Киров С. М. «Народ страдающий». — «Терек», 1916, 14 февраля.
55. «Европарламент о геноциде армян». — «Коммунист», 1987, 23 июня, № 148.
56. Кроткий С. «Привет Армении», «За счастье родины». — «Армянский вестник», 1916, №№ 20, 32.
57. Кротков С. П. «Песня армянской дружины», «Воспрянь, Армения!». «За что?», «Прощанье», «Картинка Армении», «Колыбельная песнь армянки». — «Армянский вестник», 1916, №№ 31, 36, 40; 1917, №№ 24, 26, 28, 31.
58. Кулебякин А. П. Дверь Мехера. Отзвуки Вана, 1916.

59. Кушлю Ал. «Ванская газелла», «Разрушенный Ван» — «Армянский вестник», 1916, №№ 21, 26.
60. Меликсет-Бек Л. М. «Древняя Русь и армяне». — «Сборник трудов Института языка АН Арм. ССР». Ереван, 1946, т. I.
61. Меликсет-Бек Л. М. «Из истории армяно-русских отношений». — «Известия АН Арм. ССР». Обществ. науки, 1954, № 4.
62. Мжедлов А. З. «Взятие Эрзрума». — «Русские ведомости», 1916, 16 февраля.
63. Мировая война в цифрах. М.-Л., 1934.
64. Мицинский Т. «Любовь Анагиты». — «Армянский вестник», 1916, №№ 36, 37, 38.
65. Нерсисян М. Г. А. В. Суворов и русско-армянские отношения. Ереван, 1981.
66. Немирович-Данченко Вас. «За что?», «Молитва эмигранта», «Маленькие поэмы», «Песни об Армении», «Весною». — «Армянский вестник», 1916, №№ 45, 47; 1917, №№ 1, 3, 9.
67. Овчинников М. Ф. Особая миссия. Ереван, 1979.
68. Опочинин В. «Проводник». — «Новое время». Приложение. 1916, 20 февраля.
69. Перивердиев С. «Радуйся солнцу». — «Армянский вестник», 1916, № 34.
70. Петров В. Сочинения. Изд. II, СПб., 1811, ч. I.
71. Полтавский С. «На пути к фронту». — «Иркутская газета», 1916, 13 ноября.
72. Полное собрание законов. Т. VII. Грамоты Петра I об армянах.
73. Положение армян в Турции до вмешательства держав в 1895 году. М., 1896.
74. Попов Ал. «Песнь армянской девушки». — «Армянский вестник», 1916, № 44.
75. Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней. Редакция, вступительный очерк и примечания В. Брюсова, изд. III, Ереван, 1973.
76. «Прения Иллариона Меглинского». — ПСРЛ, т. IX.

77. Пушкин А. С. Сочинения в трех томах. Т. III, М., 1986.

78. «Пятнадцать лет Советской Армении». — «Правда», 1935. 28 ноября.

79. Резолюция Конференции социал-демократических организаций в России. — КПСС в резолюциях... М., 1983, т. I.

80. Рубан В. «Эпидикион или Надгробная песнь». — Русская поэзия XVIII в. Под ред. С. А. Венгерова, СПб. 1897.

81. Саянский К. «Армения», «Великой мученице», «Шествие мертвых». — «Армянский вестник», 1916. № 25, 36, 41.

82. Сергеев П. Как живет и работает гр. Л. Н. Толстой. Изд. II, М., 1903.

83. Симонян Г. Р. Идеология и политика турецкой национальной буржуазии. Ереван, 1986 (на армянском яз.).

84. Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа, ч. I, М., 1833.

85. Соймонов Ф. И. Описание Каспийского моря и чиненных на оном Российских завоеваниях, яко часть истории Петра Великого, трудами тайного советника, губернатора Сибири и ордена святого Александра кавалера, Федора Ивановича Соймонова, выбранное из журнала Его превосходительства в бытность его службы морским офицером. — «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах». СПб., 1763. март.

86. «Слово святого Феодосия игумена Печерского монастыря». — ТОРДЛ, т. II, М.-Л., 1935.

87. Тамарин Ал. «Армяне». — «Армянский вестник», 1916, №№ 7, 8.

88. Татищев В. Н. Лексикон российской, исторической, географической, политической, и гражданской. СПб., 1793.

89. Татищев В. Н. История Российская. Т. I, М.-Л. 1962; Т. 2, М.-Л., 1963.

90. Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956.

91. «Турецкие события». — «Правда», 1912, 27 июня № 176.

92. Хачатрян Р. Г. «Вопросы истории русско-армянских отношений в русской дворянской историографии XVIII века». — «Историко-филологический журнал АН Арм. ССР», 1972, № 2.

93. Хачикян Л. С. «Новые материалы о древней армянской колонии в Киеве». — В сб.: «Исторические связи и дружба украинского и армянского народов», Ереван, 1961.

94. Хачикян Л. С. «Гости-сурожане» в русских летописях и «Сказании о Мамаевом побоище» (К вопросу о национальной принадлежности). — В сб.: «Русская и армянская средневековые литературы». Л., 1982.

95. Шуф В. «Избиение армян в Константинополе». — В сб.: «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам». М., 1898.

96. Юхт А. Ю. Армянская колония в Астрахани в первой половине XVIII века. Ереван, 1959.

97. Язвицкий В. «Армянские беглецы из Болгарии», «Армянский герой», «Армянским добровольцам», «Поэзия Армения». — «Армянский вестник», 1916, №№ 35, 37—38, 45; 1917, № 12.

ОГЛАВЛЕНИЕ

К читателю	3
Глава I Русско-армянские межнациональные взаимоотношения и русская литература XII—XIX вв.	33
Первое русское художественное произведение на армянскую тему	35
Библейские сведения об Армении и русские былины	41
Армянские мотивы у «Екатерининских поэтов»	45
«Армянское» в сочинениях В. Н. Татищева и А. Н. Радищева	49
Н. М. Карамзин и его армянские зарисовки	55
Глава II. Русская литература и геноцид армян	80
Возникновение «Армянского вопроса». Погромы армян в конце XIX в. и русская литература	80
Ю. Веселовский — пропагандист армянской литературы	112
Межнациональная травля и протест русской литературы против геноцида армян	144
Библиография	261

Амирханян М. Д.

А 620 Русская художественная литература и геноцид армян/Науч. ред. Р Г Саакян. — Ер.: Айастан, 1988. 272 с.

В монографии рассматриваются материалы русской художественной литературы об Армении и армянах, а также о геноциде армян в Османской империи. Исследование отражает добрососедские взаимоотношения русских и армян, раскрывает гуманизм русской литературы и варварскую политику младотурок.

Рассчитана на филологов, историков и широкий круг читателей.

4623020101

А 61—88

701(01)88

Михаил Давидович Амирханян

**РУССКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА
И ГЕНОЦИД АРМЯН**

Издательский редактор **А. А. Хечоян**

Художник **С. С. Мкртчян**

Художественный редактор **Д. А. Папоян**

Технический редактор **А. Ц. Варданян**

Контрольный корректор **А. А. Азарян**

ИБ № 6151

Сдано в набор 10. 06. 1988 г. Подписано к печати 30. 08. 1988 г. ,

ВФ 02367.

Формат $70 \times 100^{1/32}$. Бумага № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. 11,05 усл. печ. л. 9,61 уч. изд. л.

Тираж 15000. Заказ 1821. Цена 1 р. 60 к.

Издательство «Айастан» Ереван-9. ул. Исаакяна, 28.

Типография цветной печати Госкомитета Арм. ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.

Ереван—82, пр. Адмирала Исакова, 48.